

**РУССКАЯ
ИСТОРИЯ.**

Н. Устрялова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXIX.

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ I.

Печать дозволяется,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 Мая 1838.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВВЕДЕНИЕ.

I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ВЪ СМЫСЛѢ НАУКИ.

I. Русская Исторія, въ смыслѣ науки, какъ Цель ея. основательное знаніе минувшей судьбы Русскаго народа, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни его, отъ перваго начала ея до настоящаго времени, съ тѣмъ, чтобы, разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать: какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ; какія правила политики внутренней и виѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и обстоятельствъ, ускорили или замедляли успѣхи промышленности и образованности.

II. Цѣлью науки опредѣляется предметъ ея. Рус- Предметъ. ская Исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изоб-

раженіемъ послѣдовательныхъ перемѣнъ въ состояніи Русской державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея — постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямого и косвеннаго дѣйствія ихъ: то Исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтные. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, нравовъ и обычаевъ.

Значеніе
Русской
Исторіи.

III. Въ системѣ знаній, отечественная Исторія имѣетъ высокое значеніе и тѣсную связь со всѣми науками общественнаго образованія. Едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить отъ него столько пользы въ настоящемъ, какъ мы, Русскіе. Въ первомъ отношеніи, мы, съ справедливою гордостію можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными

бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами, вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу, любовію къ отечеству, что они умѣли выпутываться съ честью и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, что страницы нашей Исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что наконецъ только она описываетъ дѣянія Петра Великаго. Во второмъ отношеніи, объясняя постепенное развитіе государственнаго устройства, озаря въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разливаетъ яркій свѣтъ на гражданскую жизнь нашу, на свойства народа, на положеніе государства среди сосѣдей; вообще на современное состояніе Россіи, о коемъ правильно можно судить только по сравненію настоящаго съ прошедшимъ.

Кромѣ того, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обещающая столь вождельные плоды въ будущемъ, Исторія вѣрнѣе всѣхъ умозрительныхъ изслѣдованій можетъ сказать, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ коихъ развилась наша жизнь государственная, общественная и семейная.

Средства
къ наученію
Исторіи.

IV. Основательное знаніе отечественной Исторіи приобрѣтается постояннымъ изученіемъ всѣхъ вообще памятниковъ отечественной старины, или историческихъ источниковъ, и знакомствомъ съ позднѣйшими изысканіями ученыхъ: первые ообщаютъ живое понятіе о старинѣ; вторые поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Историческіе источники бываютъ или письменные, или неписьменные. Къ первымъ относятся: 1, сказанія современниковъ; 2, акты государственные; 3, произведенія наукъ и изящной словесности; ко вторымъ принадлежатъ: 1, изустныя преданія; 2, остатки искусствъ и ремесль.

Сказанія современниковъ суть извѣстія тѣхъ людей, кои частію сами видѣли описываемыя событія, частію узнавали ихъ отъ другихъ лицъ самовидцевъ, и предали потомству свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ лѣтописяхъ, дневникахъ, запискахъ, письмахъ и проч. Какъ подробное, связанное объясненіе миновашаго, этотъ источникъ служитъ основою историческаго знанія. Пользуясь имъ, должно смотрѣть, могъ ли современникъ знать достоверно описанныя имъ событія и такъ ли передалъ ихъ потомству, какъ зналъ! Чѣмъ болѣе имѣлъ онъ

средствъ узнать событія и чѣмъ добросовѣстнѣе описывалъ видѣнное или слышанное имъ, тѣмъ сказанія его любозытнѣе для потомства : съ одной стороны, ни высокимъ саномъ, ни обширными свѣдѣніями, ни дѣлательнымъ участіемъ въ дѣлахъ повѣствуемыхъ, онъ не внушитъ потомству довѣрія безъ любви къ истинѣ; съ другой стороны, самая дѣльская откровенность будетъ бесплодною въ свидѣлѣ малосвѣдущемъ или неискусномъ.

Акты государственные бываютъ внутренніе и внѣшніе, постоянные и временные. Къ нимъ относятся: уставы гражданскіе, военные, церковные, торговые и проч. грамматы и указы по частнымъ случаямъ; дѣла свѣдственныя; договоры дипломатическіе. Какъ памятники дѣйствій правительства, они указываютъ степень образованности, состояніе промышленности, правила политики, весь механизмъ гражданского устройства. Чѣмъ обильнѣе ими Исторія, тѣмъ она выразительнѣе и достовѣрнѣе : каждое событіе, запечатлѣнное актомъ, въ главномъ основаніи несомнѣнно, и если Новая Исторія далеко превосходитъ Древнюю точностію и полнотою, то сею выгодною она облаама наиболѣе актамъ государственнымъ.

Памятники наукъ и изящной словесности, перѣдко выражая характеръ времени живѣе самыхъ подробныхъ извѣстій историческихъ, опредѣляя степень образованности и вкусъ народа, принадлежать также къ историческимъ матеріаламъ. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ должно обращать вниманіе на языкъ: какъ орудіе выраженія мыслей, еще болѣе какъ хранилище идей онъ даетъ средства судить о родствѣ народныхъ поколѣній, о степени вліянія одного племени на другое о направленіи и успѣхахъ гражданственности.

Изустныя преданія суть рассказы о минувшемъ времени, сохранившіеся отчасти донинѣ только въ памяти народной, отчасти внесенные въ историческія сочиненія, со всѣми признаками свѣдѣній о старинѣ отдаленной, дошедшихъ до бытописателя чрезъ нѣсколько поколѣній. Предшествуя обыкновенно памятникамъ письменнымъ и служа основою первоначальной Исторіи каждаго народа, они тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ сообразнѣе съ общимъ ходомъ событій, съ духомъ времени и чѣмъ менѣе заключаютъ въ себѣ явно баснословнаго.

Остатки искусствъ, художествъ и ремеслъ, зданія, монументы, картины, монета, одежда, оружіе, до-

машняя утварь, также изстари сохранившіяся обыкновенія, при помощи письменныхъ источниковъ, могутъ живо выражать характеръ вѣка и часто вести къ важнымъ заключеніямъ. Они тѣмъ драгоцѣннѣе для потомства, чѣмъ древнѣе; въ особенности любопытны тѣ памятники, которые, относясь къ міру уже исчезнувшему, напоминаютъ гражданскій бытъ, отличный отъ нашего.

Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой Исторіею цѣли. Для соединенія фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: 1) вникнуть въ общій ходъ событій и найти нить, которая связываетъ всѣ явленія непрерывною цѣпью; она образуется самымъ ходомъ происшествій, вліяніемъ вѣка, гениемъ народа, и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе; 2) опредѣлять точки, гдѣ нить собы-

тій измѣняется, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію раздѣлать всѣ факты на нѣсколько разрядовъ, для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; 3) принаравляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія, по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе необходимы какъ въ Живописи, такъ и въ Исторіи.

Изъ сего слѣдуетъ, что изучая отечественную Исторію, должно предварительно составить ясную идею объ отличительномъ характерѣ ея и о тѣхъ эпохахъ, кои производили рѣшительныя перемѣны въ судьбѣ Русскаго народа.

II. ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Эпохи
Русской
Исторіи.

V. Гражданское общество, служившее основою Русской державы, возникло въ племени Славянъ, подъ верховною властію одной господствующей фамиліи, главою коею былъ Норманскій витязь Рюрикъ.

Оно получило названіе *Руси* и средоточіемъ сначала имѣло Новгородъ. Въ первый вѣкъ бытія, Русь раздвинула свои предѣлы отъ береговъ Ильменя до пороговъ Днѣпровскихъ, до истоковъ Вислы, Западнаго Буга, до устья Оки и верховьевъ Хопра; всѣ восточныя поколѣнія Славянскаго и частию Финскаго племени, обитавшія между этими рубежами, безъ всякихъ почти понятій о жизни гражданской, въ патриархальной простотѣ нравовъ, признали неограниченное господство Рюриковыхъ потомковъ и вошли въ составъ Руси, средоточіемъ коей сталъ уже Кіевъ. По введеніи христіанской вѣры Греческаго исповѣданія, при Владимірѣ святомъ, они слились въ одинъ народъ Русскій и образовали одно государство, получившее окончательное устройство при Ярославѣ I, который наложилъ печать закона на главныя условія жизни гражданской, опредѣливъ частию письменными уставами, частию своими дѣйствіями судъ и расправу, порядокъ престолонаслѣдія, зависимость Князей Удѣльныхъ отъ Великаго, права и обязанности духовенства, предѣлы своей державы и отношенія ея къ сосѣдамъ.

Около половины XI вѣка кончилось *основаніе Руси*; съ тѣхъ поръ виднѣешее расширеніе ея прекращается;

настаётъ бореніе между потомками Владиміра святаго. Это бореніе, неминуемое слѣдствіе современнаго понятія о правѣ на удѣлъ каждаго члена господствующей фамиліи, не только не уничтожило единства Руси, но еще болѣе скрѣпило узы общественныя, распространивъ всюду одинъ языкъ, одну вѣру, одни уставы гражданскіе, утвердивъ право одного рода Владиміра святаго на власть верховную. Мысль о необходимости единодержавія никогда не исчезала.

Прежде однакожь, чѣмъ кончилась семейная борьба Рюриковыхъ потомковъ и таившаяся мысль о единодержавіи успѣла сосредоточить народныя силы, неотразимые завоеватели, пришедшіе изъ глубины Азіи, Монголы, покорили всю Русскую землю, обложили ее данью и присвоили себѣ право возводить и низвергать Князей, не измѣнивъ впрочемъ внутренняго устройства, оставивъ неприкосновенными главные элементы государственныя: вѣру, языкъ, гражданскіе уставы и право Рюрикава дома на исключительное господство. Тяжкое иго угнетало Русь около двухъ вѣковъ съ половиною. Въ первый вѣкъ рабства, она была беззащитною жертвою ослѣпленія Князей, лютой Монголовъ, хищности и фанатизма западныхъ сосѣдей; въ началѣ втора-

го вѣка совершился великій переворотъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества. Русскія княжества къ востоку отъ Днѣпра постепенно стали исчезать и входить въ составъ *Государства Московскаго*, признавая надъ собою власть одного дома, въ родѣ Іоанна Калиты, потомка Владиміра святаго изъ поколѣнія Князей Суздальскихъ. Русскія княжества къ западу отъ Днѣпра, кромѣ Галиціи, присоединившейся къ Польшѣ, слились также въ одно цѣлое и образовали вмѣстѣ съ Литовскимъ народомъ самостоятельное государство, подъ именемъ *Великаго Княжества Литовскаго*, главою коего былъ домъ Гедимина. Отсель Русская земля раздѣлилась на двѣ половины, на Восточную или Московскую и Западную или Литовскую. Какъ въ той, такъ и въ другой возникаетъ новый порядокъ вещей, отличный отъ прежняго.

Русь Восточная, съ начала XIV вѣка оживленная умомъ Князей Московскихъ, мало по малу сосредоточила раздробленныя силы, вступила въ борьбу съ Монголами, свергла съ себя ненавистное иго, избавилась отъ неустройствъ удѣльной системы и образовала державу сильную, самостоятельную — *Русское Царство*. Главою ея былъ Государь само-

державный, съ наследственной властью, переходившею по праву первородства отъ отца къ сыну, въ родѣ Іоанна Калиты, а съ 1613 года, послѣ жестокаго потрясенія Самозванцами, въ домѣ Романовыхъ. Постоянною цѣлью Русскихъ Царей, по сверженіи ига до конца XVII вѣка, было: въ дѣлахъ внутреннихъ органическое устройство государства въ духѣ древнихъ уставовъ и самодержавія, получившее окончательное образованіе при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и сынѣ его Феодорѣ; въ дѣлахъ виѣшней политики, на югѣ и востокѣ обузданіе Татарскихъ ордѣ, покореніемъ ихъ Русскому скипетру, на западѣ постепенное сближеніе съ Европою торговыми связями и возвращеніе земель за Днѣпромъ и при Балтійскомъ морѣ, исконно составлявшихъ часть Русской земли. Въ слѣдствіе сего главнымъ явленіемъ Исторіи Русскаго Царства было постоянное развитіе мысли о необходимости возстановить Русскую землю въ тѣхъ предѣлахъ, кои имѣла она при Ярославѣ и около трехъ вѣковъ послѣ него; изъ этого источника происходили всѣ наши споры съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ и Швеціею, овладѣвшими многими областями нашего отечества во время бѣдственнаго рабства.

Русь Западная до конца XVI вѣка оставалась подъ властью Князей Литовскихъ, въ родѣ Гедимина, но такъ же, какъ и Восточная, спасла свою вѣру, свой языкъ, свои уставы гражданскіе. Слѣдовательно самыя крѣпкія узы связывали ее съ Восточною Русью, и народъ, свято сохраняя законъ прародительскій, неоднократно обнаруживалъ живѣйшее желаніе возвратиться въ подданство Царя православнаго, цѣлыми областями присоединяясь къ его державѣ. Ни въ той, ни въ другой части Руси, мысль о соединеніи ихъ въ одно цѣлое никогда не исчезала: еще въ началѣ XIV вѣка, когда блеснулъ первый лучъ надежды на освобожденіе отъ ига Монголовъ, владѣтели Москвы приняли титулъ Великихъ Князей *всѣя Руси*. Она живо пробудилась со временъ Іоанна III, коему добровольно поддались многія области, составлявшія часть Литовскаго Княжества. Случайное обстоятельство полагало преграду къ сліянію и прочимъ областей въ одно цѣлое: Польша, страшась могущества потомковъ Гедимина, примкнула къ ихъ державѣ, избравъ на свой престолъ внука его Ягелла, и всѣми мѣрами старалась отклонить опасное для нея соединеніе Западной Руси съ Восточною. Но какъ съ одной стороны, Русскіе Цари имѣли неотъемлемое право на Западную Русь,

гдѣ предки ихъ водворили жизнь гражданскую и святую вѣру, гдѣ въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, и при единодушномъ желаніи той и другой части быть подъ властію одного Государя, соединеніе рано или поздно было неизбежно; съ другой же стороны, судьба Польскаго Королевства была уже неразлучна съ судьбою Великаго Княжества Литовскаго: то, по естественному порядку вещей, самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской. Эта истина была очевидна въ XVI и въ XVII вѣкѣ, когда, по пресѣченіи династіи Ягеллоновой, благомыслящіе Поляки, тѣмъ болѣе Литовскіе чины неоднократно поручали судьбу свою Русскимъ Царямъ. Однѣ интриги Польскихъ магнатовъ и Езуитовъ препятствовали соединенію двухъ народовъ одноплеменныхъ, единовѣрныхъ, разлученныхъ случайными обстоятельствами и поставленныхъ судьбою въ такое положеніе, что только подъ державною десницею одного Вѣнценосца они могли найти миръ и благоденствіе. — Оставаясь подъ властію Польши до времени Екатерины II, исключая областей, возвращенныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Западная Русь испытала всѣ бѣдствія анархіи, свирѣпствовавшей въ Польскомъ Королевствѣ, и вели-

чайшее зло народное, гонение за вѣру. Иго Польское было тягостнѣе Татарскаго.

Въ началѣ XVIII вѣка, все, о чемъ заботились, къ чему стремились Русскіе Цари, было рѣшено Петромъ Великимъ. Совершивъ испанскій, безпримѣрный въ Исторіи подвигъ, преобразовавъ и себя и свой народъ, водворивъ въ своемъ государствѣ войско, флотъ, промышленность, торговлю, науки, искусства, новую, лучшую жизнь, даровавъ отечеству то, что западная Европа получила послѣ вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ крестовыми походами, городскими общинами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, реформаціею, однимъ словомъ воплотивъ въ себѣ все, что приготовило первенство Европы надъ прочими частями свѣта, Петръ поставилъ свое государство на такую степень, что оно явилось незапно исполномъ въ кругу своихъ сосѣдей и уже при первыхъ преемникахъ Петра стало усваивать плоды Европейской гражданственности. Отседа началась Исторія *Россійской Имперіи*, настала та сфера, въ коей мы живемъ: древній Русскій міръ исчезъ съ большею частію его уставовъ, законовъ, формъ, нравовъ, обычаевъ. Только два главные элемента, религія и самодержавіе, смя-

пшеса съ Русскою жизнью, остались неприкосновенными.

Екатерина II довершила мысль и древнихъ Царей и многіе планы Петра: соединила подъ свою державу почти всю Русскую землю, вмѣстѣ съ значительною частию Польскаго Королевства, которое съ отдѣленіемъ Западной Руси, не могло существовать самобытно въ формахъ анархіи, даровала своему государству рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдями и ознаменовала внутреннее управленіе многими учрежденіями для народной промышленности и образованности.

Усвоивъ лучшіе плоды Европейской гражданственности, безъ вредныхъ плевелъ, одушевляемая отличительнымъ свойствомъ народнаго характера, безпредѣльною преданностію вѣрѣ и престолу, Россія была непоколебима, среди всеобщаго потрясенія западныхъ государствъ Французскою революціею, и подъ знаменемъ Александра I, избавила Европу отъ величайшаго изъ завоевателей, Наполеона.

Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, начался новый, современный намъ

періодъ Русской Исторіи: живѣе, чѣмъ когда либо, пробудилась мысль о необходимости органическаго устройства державы, основаннаго на истинныхъ началахъ народности и образованія.

VI. Сообразно съ общимъ отличительнымъ ходомъ Періоды Русской Исторіи. событій нашего отечества, можно раздѣлить Русскую Исторію на двѣ главныя части, на Древнюю и Новую.

I. Древняя Исторія. отъ начала Руси до Петра Великаго. (862—1689), изображая постепенное развитіе трехъ главныхъ началъ, изъ коихъ возникла Русская жизнь, Славянскаго, Норманскаго и Византійскаго, подъ влияніемъ въ одной части съ половниками XIII вѣка Монголовъ, въ другой съ конца XVI вѣка Поляковъ, представляетъ слѣдующія явленія:

1. *Основаніе Руси, соединеніе Славянъ въ общество гражданское господствомъ Норманновъ, христіанскою вѣрою и законодательствомъ Ярослава, 862—1054.*

2. *Раздробленіе Руси по праву удѣльному на нѣсколько союзныхъ княжествъ въ Рюриковомъ потомствѣ, 1054—1238.*

3. *Раздѣленіе Руси* на Восточную и Западную, подъ игомъ Монголовъ, 1238-1328.

4. *Образованіе* въ Восточной Руси *Государства Московскаго*, 1328-1462; въ Западной Руси *Великаго Княжества Литовскаго* и соединеніе его съ Польшею, 1328-1569.

5. Борьба Государей Московскихъ съ Монголами за право независимаго господства въ восточной Европѣ, съ Польшею за Литовское Княжество, 1462-1604.

6. Потрясеніе Русскаго Царства *Самозванцами*, 1604-1613, Великаго Княжества Литовскаго *Унією*, 1596.

7. *Возобновленіе борьбы* Русскихъ Царей съ Польшею за Литовское Княжество, при явномъ стремленіи Восточной Руси къ благоустройству, при новыхъ усиліяхъ Польскаго правительства уничтожить народность въ Западной Руси, 1613-1689.

II. Новая Исторія, отъ Петра Великаго до смерти Императора Александра I (1689-1825), имѣя отличительнымъ характеромъ измѣненіе древняго

образа жизни, дѣятельное участіе Россіи въ дѣлахъ Европейскихъ и быстрое развитіе умственныхъ и промышленныхъ силъ, представляетъ слѣдующія главныя явленія:

1. *Преобразование Русскаго Царства въ Россійскую Имперію* Петромъ Великимъ, 1689-1725.

2. *Утвержденіе установленнаго имъ порядка*, при первыхъ его преемникахъ, 1725-1762.

3. *Начало органическаго устройства Россійской Имперіи и соединеніе всѣхъ почти Русскихъ земель въ одно дѣло* Екатериною II, 1762-1796.

4. *Рѣшительное участіе Россіи въ судьбѣ Европейскихъ государствъ*, при новыхъ мѣрахъ къ внутреннему благоустройству, при очевидномъ смягченіи нравовъ и быстромъ развитіи умственныхъ и промышленныхъ силъ, 1796-1825.

Наконецъ отличительный характеръ современнаго намъ періода, съ 1825 г. есть *органическое развитіе силъ государства* изъ собственныхъ началъ его и въ свойственныхъ ему формахъ образованія.

III. ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Сказанія
современ-
никовъ.

I. Сказанія современниковъ, объясняющія Древнюю Русскую Историю, могутъ быть раздѣлены на отечественныя и иноземныя. Къ первому разряду относятся: лѣтописи безыменныя и записки особъ извѣстныхъ; ко второму преданія иноземцевъ, писавшихъ о нашемъ отечествѣ по слуху, и записки очевидцевъ.

1. *Лѣтописи безыменныя*⁴ представляютъ почти непрерывный рядъ записокъ монастырскихъ, съ конца XI вѣка до половины XVII столѣтія, дѣятелией неизвѣстныхъ, наблюдавшихъ событія большею частію издали, впрочемъ добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ. Достоверность Русскихъ лѣтописей, подтверждаемая, въ сущности дѣла или въ главныхъ обстоятельствахъ, согласіемъ иноземныхъ писателей и многими актами, обнаруживается еще болѣе, если вникнемъ въ самый ходъ событій. Начало лѣтописей положено инокомъ Кіевопечерскаго монастыря, преподобнымъ Несторомъ, родившимся около 1050

⁴ Лучшіе списки: Лаврентьевскій до 1304, Калужскій до 1306, Вольскій до 1289, Новгородскій до половины XV вѣка, Псковской до 1460 и многіе другіе.

года и умершимъ въ концѣ XI вѣка. Онъ писалъ частію по преданію старожиловъ, дополняя и повѣряя ихъ Греческими хрониками, частію по собственнымъ наблюденіямъ, и служилъ образцемъ для позднѣйшихъ лѣтописцевъ: сѣдую примѣру его, люди духовные, стольже скромные и добросовѣстные, описывали событія, распри Князей, дѣла церковныя, войны внѣшнія, знаменія небесныя, необыкновенныя явленія природы, хотя кратко, часто поверхностно, даже ошибочно, но всегда съ любовію къ истинѣ. До начала XIII вѣка лѣтописи сходятся одна съ другою содержаніемъ, описывая дѣла всей Руси; со времени нашествія Монголовъ, рассказываютъ преимущественно событія областныя.

2. *Записки* людей извѣстныхъ начинаются съ половины XVI вѣка: онѣ слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ подобными историческими матеріалами западной Европы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Курбскаго* Исторія Іоанна Грознаго, ¹ *Авраамія Палицына* Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря Поляками, ² *Шушерина* Житіе Патріарха Никона ³.

1. Сказанія Князя Курбскаго. 1833, въ 2 томахъ.

2. Издавае нѣсколько разъ; первое изд. 1784.

3. Напечатано въ С. П. б. 1817.

3. *Преданія иноземцевъ*, писавшихъ о древнѣйшемъ состояніи нашего отечества мимоходомъ, по слуху, могутъ служить весьма важнымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей, повѣствующихъ кратко о первыхъ вѣкахъ Руси. Особенно замѣчательны:

а. Византійскіе писатели: сенаторъ *Прокопій*¹ и императоръ *Маурикій*², о состояніи Славянъ Дунайскихъ въ VI вѣкѣ; императоръ *Константинъ Багрянородный*³ о св. Ольгѣ и внутреннемъ устройствѣ Руси въ X вѣкѣ; *Левъ Діаконъ*⁴ о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ; *Кедрикъ*, о Владимірѣ святомъ. б. Восточные, наиболѣе Аравійскіе купцы, путешественники и ученые, знавшіе Руссовъ на берегахъ Волги: *Фоцланъ*⁵, *Масуди*, *Гаукаль*, *Абул-феда* и другіе. в. Скандинавскія саги или историческія преданія о Норманнахъ X и XI вѣка.⁶ г. Нѣмецкія лѣтописцы, X, XI и XII столѣтій: *Лутпрандъ*⁷, епископъ Кремонскій объ Игорѣ; *Дитмаръ*⁸, епископъ Мерзебургскій о Владимірѣ св. и

1. Procopii Caesareensis Historiarum sui temp. lib. Parisiis, 1662.

2. Mauricii artis militaris libri XIII. Ups. 1664.

3. De administrando Imperio; de Ceremoniis Aulae Byzantinae et sim.

4. Исторія Льва Діакона Калойскаго, С. II. 6: 1630.

5. Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte. 1823.

6. Эйхендова сага (1833.) и многія другія.

7. Lutprandi opera. Antver. 1640.

8. Chronici Ditmari libri VIII. Naamov. 1707.

Ярославъ; *Ламбертъ* ¹ Ашафенбургскій объ Изяславъ; *Гельмольдъ* ² о мнѳологїи Славянъ Прибалтїйскихъ. д. Польскіе лѣтописцы, компиляторы не всегда вѣрныя древнихъ хроникъ Русскихъ, еще болѣе пристрастные въ описанїи современныхъ событїй, но весьма замѣчательныя для объясненїя дѣлъ Россїи съ Польшею: *Кадлубко* ³, епископъ Краковскїй довелъ свою лѣтопись до начала XIII вѣка; *Длугошъ* ⁴ до конца XV вѣка; *Кромеръ* ⁵ до половины XVI вѣка; *Стрѣйковскїй* ⁶ до конца XVI, и въ особенности *Кояловичъ* ⁷, достовѣрнѣе другихъ описавшїй дѣла Лѣтовскаго Княжества до 1569 года.

4. *Записки иноземцевъ очевидцевъ*, писавшихъ о нашемъ отечествѣ съ половины XIII вѣка, преимущественно по собственнымъ наблюденїямъ, весьма разнообразнымъ, выразительнымъ и чрезвычайно важнымъ для объясненїя событїй, нравовъ, обыкновенїй. Иноземные наблюдатели наиболѣе оставили свѣдѣнїй отъ начала XVI вѣка до конца XVII, когда

1. De rebus gestis Germanorum. Ratib. 1726.

2. Chronica Slavorum. Lubecae 1659.

3. Historia Polonica. Wratiz. 1693.

4. Historia Polonica libri XIII. Lipsia. 1711.

5. De origine et rebus gestis Polonorum. Basil. 1553.

6. Chronika Polska, Litewska et cetera. 1682.

7. Historia Litwana lib. II. 1660 и 1669.

являясь въ Москву одниъ за другиѣмъ послами, агентами, путешественниками, или вступая въ Русскую службу, они съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣли на Россію, гдѣ все было для нихъ ново, чудно, отлично отъ Европейскаго, и записывали все видѣнное и слышанное ими съ единственнаго цѣлю доставить своимъ соотечественникамъ ясное понятіе о полунощной Московіи. Изъ нихъ замѣчательны:

а. О періодѣ Монгольскомъ, преимущественно о самыхъ Монголахъ: *Плано-Карпини*, *Асцеликъ* и *Рубруквисъ*¹, западные миссіонеры, бывшіе у Батыя, Гаюка и другихъ хановъ въ XIII вѣкѣ; *Марко-Поло*², Венеціанскій дворянинъ, болѣе 20 лѣтъ служившій Монгольскимъ ханамъ въ XIII вѣкѣ; *Шилдбергеръ*³, Баварецъ, вѣнникъ Баязета и Тамерлана, участвовавшій въ ихъ походахъ болѣе 30 лѣтъ.

б. О состояніи Россіи отъ Іоанна III до Самозванцевъ: *Контарини*⁴, посланникъ Венеціанскій, бывшій въ Москвѣ при Іоаннѣ III; *Павелъ Ювій*⁵, Римскій кардиналъ, узнавшій много любопытнаго о

1. Записки ихъ издали Бергеронъ: *Voyages faits principalement en Asie* (La Haye 1735) и еще лучше, къ сожалѣнію только двухъ перахъ, Д. И. Языковъ, въ *Собраніи путешествій къ Татарамъ*, 1825.

2. *Delle mirabigli del mondo*, 1496.

3. *Eine wunderbar. History*. Одна изъ древнѣйшихъ печатныхъ книгъ.

4. *Viaggio del magr. Ambr. Contarini*. Venet. 1559.

5. *De Legatione Basili Magni Principis Moscoviae*, 1534.

Москвѣ отъ Русскаго гонца; баронъ *Герберштейнъ* ¹, посоль императора Максимилиана I къ В. К. Василию Іоанновичу, лучший, основательнѣйшій изъ писателей иноземныхъ; *Францискъ да-Колло* ², посоль цесарскій къ В. К. Василию; *Ченселеръ*, Англійскій капитанъ, *Дженкинсонъ*, *Баусъ*, *Рандолфъ*, *Горсей* ³, посланники Елисаветы Англійской, при Іоаннѣ IV; *Таубе и Крузе* ⁴, свидѣтели жестокости Іоанновой; *Антоній Поссевиусъ* ⁵, панскій легать, описавшій свои пренія о вѣрѣ съ Іоанномъ IV; *Флетчеръ* ⁶, посоль Елисаветы къ Теодору Іоанновичу, весьма умный наблюдатель внутренняго состоянія Россіи. в. О Самозванцахъ: *Маржеретъ* ⁷, капитанъ гвардіи Ажедметріевой; *Мартинъ Беръ* ⁸, Московскій пасторъ, лучший историкъ Самозванцевъ; *Жолтвскій* ⁹, Польскій военачальникъ, подробно и вѣрно описавшій избраніе Владислава на Русскій престоль; *Са-*

1. Regum Moscoviticarum commentarii. Первое издаше въ Вѣнѣ, 1649; лучшее въ Вазелѣ, 1656.

2. Trattamento di pace tra il s. Sigismondo e Stan Basilio, въ Падуѣ, 1603.

3. Извѣстія Англичанъ объ Іоаннѣ Грозномъ начатаемы Галадейтомъ въ первыхъ томахъ: The principal navigations и проч. Lond. 1599 и 1609.

4. Zar Iwan der Grausame. Dopr. 1618.

5. Moscovia. Vilna, 1586.

6. Of the Russes Common-Wealth. Lond. 1591.

7. Etat de l'Empire de Russie. Первое издаше 1607 г. Русскій переводъ въ 3 томахъ Скал. совр. о Дмитріи Самозв. 1632.

8. Аѣтопись Московская, въ I части Скал. совр. о Дмитріи Самозв. 1631.

9. Начало и успѣхъ войны Московской. Москва, 1636.

муль *Масквичъ* ¹ офицеръ Польской службы; *Петрей* ², Шведскій посланникъ къ Василю Шуйскому и Самозванцамъ. г. О царствованіи дома Романовыхъ: *Бопланъ* ³, Французскій инженеръ, Польской службы, оставилъ весьма подробныя свѣдѣнія о Малороссіи; *Олеарій* ⁴, Голштинскій ученый, путешествовавшій по Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; *баронъ Мейербергъ* ⁵, посолъ Леопольда I къ Царю Алексѣю Михайловичу, жившій въ Москвѣ около года; *графъ Карлейль* ⁶, посолъ Англійскій къ нему же; *Коллинсъ* ⁷ Англійскій врачъ Царя Алексѣя; *Рейтенфельсъ* ⁸, посланникъ Тосканскій; *Стрейсъ* ⁹, Голландскій корабельный мастеръ, свидѣтель мятежа Стеньки Разина; *Таннеръ* ¹⁰, Богемецъ; спутникъ Литовскихъ пословъ къ Ѳеодору Алексѣевичу; *Кемпферъ* ¹¹, ученый путешественникъ Нѣмецкій, бывшій въ Россіи въ правленіе царицы Софіи, и весьма многіе другіе.

¹ Дневникъ, въ 5 части Сказаній современ. о Дмитріи Самозванцѣ.

² Historien und Bericht von dem Großfürstenthumb Muschkov. Lipsiae, 1620.

³ Description d' Ukraine. A Rouen 1660. Русскій переводъ въ 1832: *Описаніе Украйны*,

⁴ Neue orientalische Reisebeschreibung, Schleswig, 1647.

⁵ Iter in Moschoviam.

⁶ La relation de trois ambas. de Carlisle. 1672.

⁷ The present state of Russia. Lond. 1671.

⁸ De rebus Moschoviticiis. Patavii. 1680.

⁹ Les voyages de Jean Struys, 1681.

¹⁰ Legatio Polono-Lithuanica. Norimb. 1689.

¹¹ Отрывки его дневника въ книгѣ Адолунга: *Баронъ Мейербергъ*, 1827.

II. Акты государственные, до половины XIII вѣка или до утвержденія господства Монголовъ въ Русской землѣ, слишкомъ малочисленны, отчасти потому, что ихъ истребило время, при содѣйствіи невѣжества и Монголовъ, отчасти и потому, что, по тогдашнему устройству государственному, письменность не могла быть столь разнообразною и необходимою, какъ въ послѣдствіи. Они дошли до потомства не въ подлинникахъ, а въ спискахъ, сохранившихся въ летописяхъ и въ разныхъ сборникахъ¹, и хотя въ основаніи своемъ сообразны съ обстоятельствами времени, съ духомъ вѣка, однакожь критика находитъ болѣе или менѣе основательный поводъ если не сомнѣваться въ ихъ существованіи, по крайней мѣрѣ предполагать позднѣйшія прибавленія. Таковы суть: мирные договоры Олега, Игоря и Святослава съ Греками; церковные уставы Владимира св. и Ярослава I о правахъ Грекороссійскаго духовенства; Русская Правда о судѣ и расправѣ.

Съ половины XIII вѣка, въ особенности со времени основанія Государства Московскаго, тѣмъ болѣе послѣ Іоанна III, акты государственные стано-

¹ Древнѣйшій подлинный актъ есть грамота Мстислава I (1125-1132) Новгородскому Юрьевскому монастырю на землю и судыма попланин.

вѣтся несравненно обильнѣе и служатъ важнымъ пособіемъ Русской Исторіи, поясняя какъ внутреннее устройство государства, такъ и вѣднѣшнюю политику. Изъ нихъ мы узнаемъ: отношенія Удѣльныхъ Князей къ Великому Князю Московскому ¹; постепенное рааширеніе предѣловъ Государства Московскаго, вмѣстѣ съ городами и областями, ему принадлежавшими ²; подробности суда и расправы; ³ порядокъ сбора государственныхъ доходовъ ⁴; образованіе войска ⁵; устройство церкви ⁶; вѣднѣшнія отношенія къ сосѣдямъ, приобрѣтенія, уступки и проч. ⁷ Многие поясняютъ сверхъ того подробности событій. ⁸ Лучшія собранія суть: *Государственные грамоты и договоры*, издадныя графомъ Румянцевымъ въ 4 томахъ; *Акты, собранныя Археографическою экспедиціею Академіи Наукъ* въ 4 томахъ; первые два тома *Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи*.

¹ Договорныя грамоты Новгородцевъ и Удѣльныхъ Князей съ Великимъ, съ 1265 по 1490.

² Духовныя завѣщанія Государей Московскихъ съ 1328 года.

³ Уставныя грамоты разныхъ Князей; судебники, уложенія и весьма многіе указы Царей Русскихъ.

⁴ Таможенные и торговые уставы.

⁵ Разряды и грамоты по случаю разныхъ походовъ.

⁶ Жалованныя грамоты духовенству, монастырямъ; уставъ Патриаршій и проч.

⁷ Дѣла посольскія въ государственномъ Архивѣ.

⁸ Слѣдственныя дѣла о Максимѣ Грекѣ, Царевичѣ Дмитріи и проч., также окружныя грамоты или манифесты.

III. Памятники словесности до конца XVII Памятни-
ки словес-
ности. вѣка состоятъ преимущественно изъ сочиненій пи-
сателей духовныхъ, изъ лѣтописей, (если рассмат-
ривать ихъ въ литературномъ смыслѣ), изъ посла-
ній святителей, изъ переводовъ съ Греческаго и
частію Латинскаго языковъ.

Изъ писателей свѣтскихъ особенно замѣчательны:
Владимиръ Мономахъ, сочинитель Слова о полку
Игоревомъ, князь Курбскій и немногіе другіе. Къ
сѣму же разряду относятся и народныя пѣсни, изъ
коихъ нѣкоторыя носятъ на себѣ печать глубокой
древности.

IV. Преданія изустныя замѣтны преимуще- Источни-
ки непись-
менные.
ственно въ древнихъ лѣтописяхъ; нѣкоторыя укра-
шены вымысломъ. Памятники искусствъ и ремеслъ
разсыяны по всей Россійской Имперіи. Изъ нихъ
особенно важны монеты, оружіе, утварь, зданія и
проч.

V. Съ начала XVIII столѣтія люди ученые стали Исследо-
вательныя.
приводить въ порядокъ и обрабатывать историческіе
источники наши; лучше всѣхъ воспользовался ими
Карамзинъ, авторъ *Исторіи Государства Россійскаго*.

Съ чистою любовію къ истинѣ, къ наукѣ и къ родной старинѣ, съ рѣдкимъ искусствомъ владѣть Русскимъ словомъ, при пособіи огромнаго запаса матеріаловъ, изъ коихъ многіе только ему были доступны, онъ начерталъ величественную картину минувшей судьбы нашего отечества до воцаренія дома Романовыхъ. Правда, критика нашла въ его сочиненіи значительные недостатки: не вполне правильное воззрѣніе на общій ходъ событій, слабое развитіе внутренней жизни Русскаго народа, не всегда вѣрные выводы; при всемъ томъ, какъ удачный сводъ всѣхъ почти извѣстныхъ матеріаловъ древней отечественной Истории, въ духѣ старинныхъ лѣтописей, какъ добросовѣстный трудъ писателя умнаго, образованнаго, со всѣмъ жаромъ художника любимаго предметъ свой, сочиненіе Карамзина доселѣ превосходить все, что было писано прежде его и послѣ его. Дополненіемъ и поправкою ему служатъ изслѣдованія *Эверса*, *Лерберга*, *Круга*, *Френа*, и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногихъ, истинно ученыхъ изыскателей старины отечественной.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

ГЛАВА I.

ОСНОВАНИЕ РУСИ.

1. Основаніе государствъ, т. е. соединеніе поко- Общее на-
чало госу-
дарства.
лѣній одного или нѣсколькихъ племенъ въ обще-
ство гражданское, обыкновенно совершается такъ
медленно, незамѣтно, такъ мало оставляетъ по себѣ
памятниковъ, что Исторія, съ трудомъ проникая въ
сумракъ временъ отдаленныхъ, рѣдко можетъ объ-
яснить непрерывнымъ рядомъ событій, какимъ об-
разомъ народы расстаются съ дикою волею, призна-
ютъ власть закона и, свѣдавъ выгоды общежитія, об-
разуютъ державы: все это бываетъ дѣломъ вѣ-
ковъ и сцѣпленія многихъ, мало извѣстныхъ обсто-
ятельствъ. Одно только явленіе общее, несомни-
тельное, замѣтно при началѣ почти всѣхъ державъ

древникъ и новикъ: гражданское общество возникаетъ по большей части изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ народовъ разноплеменныхъ, изъ коихъ сначала одинъ господствуетъ, а другой повинуется, въ послѣдствіи оба сливаются въ одно племя. Такъ возникли первыя общества въ Египтѣ, въ Греціи, въ древней Италіи, въ Германіи, Франціи, Англии. Основаніе всѣхъ почти государствъ въ главныхъ чертахъ одинаково; но отъ различія въ свойствахъ народныхъ, въ отношеніи побѣдителей къ побѣжденнымъ, въ вѣрѣ, въ климатѣ, въ обстоятельствахъ случайныхъ, каждое государство при самомъ началѣ получаетъ особенное направленіе, въ коемъ скрывается сѣмя будущей жизни его, какъ въ зернѣ прозябаемомъ таится свойство плода. И потому разсуждая объ основаніи своего отечества, мы должны указать, какіе народы и какимъ образомъ составили гражданскій союзъ, получившій названіе Руси.

Всѣ памятники Русской древности, въ особености сказанія нашихъ лѣтописцевъ свидѣтельствуютъ, что краеугольный камень основанію Руси положили два народа, Славяне и Норманны, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный, что христіанская вѣра скрѣпила его, а правленіе Ярослава I, наложивъ печать закона на главные условія юнаго общества,

утвердило въ немъ тотъ порядокъ вещей, изъ коего въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей Исторіи, измѣняясь по мѣрѣ вліянія вѣнскихъ обстоятельствъ и услѣховъ общественной жизни. Два столѣтія продолжалось основаніе Руси, первый періодъ нашей Исторіи. Для уразумѣнія его необходимо обозрѣть: 1) судьбу *Славянъ* вообще и въ особенности тѣхъ отраслей Славянскаго племени, кои вошли въ составъ Руси; 2) главныя черты *Норманновъ*; 3) соединеніе Славянъ Норманнами въ одно общество гражданское, подъ именемъ *Руси*; 4) введеніе *христіанской вѣры*; 5) правленіе *Ярослава I*.

1. СЛАВЯНЕ.

2. Племя, известное нынѣ подѣ именемъ Славянскаго, при первомъ появленіи въ Исторіи, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка по Рождествѣ Христовѣ, занимало многочисленными поколѣніями пространство отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Дуная, отъ Тейса и Одера до береговъ Днѣпровскихъ. Современники именовали его Венетскимъ; раздѣляя на три главныя поколѣнія: на *Венетовъ*, обитавшихъ между Балтійскимъ моремъ и Карпатскими горами, на *Славянъ*, жившихъ отъ Тейса до бере-

Появленіе
въ Исто-
ріи.

говъ Днѣстра и отъ Дуная до истоковъ Вислы, на *Антоевъ*, облежавшихъ берега Чернаго моря между устьями Дуная и Днѣпра. Встрѣчая въ Исторіи столь сильное, до конца V столѣтія совершенно неизвѣстное племя, въ эпоху всеобщаго переселенія народовъ, мы могли бы думать, что оно пришло въ Европу по слѣдамъ Гунновъ и другихъ дикихъ ордъ средней Азіи, еслибы въ языкъ, въ природныхъ свойствахъ Славянъ, въ наружномъ видѣ, въ очертаніи лица, въ самыхъ нравахъ, не было признаковъ, что, подобно Германцамъ, они принадлежали къ семейству аборигеновъ или коренныхъ обитателей Европы. Поздно же явились они въ историческомъ мірѣ потому, что сами не оставили никакихъ свидѣтельствъ о прежней судьбѣ своей, а Греки и Римляне, давая чуждымъ народамъ имена произвольныя, обыкновенно одно и то же племя въ разные эпохи называли разными именами, включая въ одинъ разрядъ разноплеменные народы; такимъ образомъ Славяне могли быть извѣстны имъ вмѣстѣ съ другими народами, подъ общимъ, неопредѣлительнымъ названіемъ Скивовъ и Сарматовъ.

Судьба Славянскаго племени, отъ перваго появленія его въ Исторіи до образованія въ немъ въ IX и X вѣкѣ государствъ Русскаго, Польскаго, Богемскаго, Моравскаго, Сербскаго и другихъ, мало извѣстна. Въ VI и VII столѣтіи замѣтиче другихъ отра-

слей дѣйствуютъ Славяне южные или Дунайскіе; въ началѣ VIII столѣтія они скрываются отъ взоръ Исторіи, и театръ переносится на берега Одера и Эльбы; въ IX столѣтіи пробуждается дѣятельность на Вислѣ, около Ильмена и по теченію Двѣира. Славяне южные уступаютъ свои земли другимъ чуждымъ народамъ; Славяне западные признаютъ власть Карла Великаго и преемниковъ его; Славяне восточные образуютъ самостоятельную державу, Русь. Укажемъ на главныя событія и черты Славянской жизни.

3 Славяне южные или Дунайскіе были страшными врагами Византійской имперіи во все время царствованія Императора Юстиніана Великаго. Съ самаго начала его правленія, съ 527 года, они стали вторгаться въ его области чрезъ Дунай и тѣмъ были опаснѣе, что съ дикою отвагою соединяли хитрость и искусство, умѣли таиться въ оврагахъ, за кустами, даже въ рѣкахъ, и презирая опасности, какъ бы играли войною. Если же удавалось искусному вождю Греческому окружить отдѣльныя толпы ихъ, храбрость ихъ усугублялась: они бились отчаянно, жены сражались рядомъ съ своими мужьями, и никакія муки не могли принудить плѣннаго Славянина измѣнить единоземцамъ. Самъ Юстиніанъ Великій съ твердынь неприступной столицы видалъ, какъ дикія толпы этого народа опустошали увесе-

Славяне
южные.

лительные дворцы въ окрестностях Царяграда, и Велизарій съ трудомъ, болѣе золотомъ, нежели оружіемъ, спасъ отъ нихъ Византію.

Правы
ихъ.

Что побуждало Славянъ къ неутомимой враждѣ съ Греками, достоверно неизвѣстно. Историки Византійскіе приписываютъ ихъ набѣги ненасытному грабительству. Не имѣя никакихъ намятниковъ Славянскихъ того времени, мы не можемъ ни подтвердить, ни отвергнуть сказаній ихъ неприятелей. Впрочемъ единогласное свидѣтельство писателей современныхъ удостовѣряетъ, что Славяне въ VI вѣкѣ находились на той же степени образованности, на которой видимъ нынѣ многія независимыя племена Кавказа. Подобно сикъ дѣламъ природы, они жили отдѣльными колѣнами или семействами, не зная ни крѣпостей, ни городовъ, имѣя впрочемъ селенія; любяши болѣе всего свободу необузданную; одна власть старѣйшинъ управляла односемейными; инаго господства не терпѣли. Въ обстоятельствахъ важныхъ, когда неприятель грозилъ ихъ странѣ опустошеніемъ, или сами задумывали грабить сосѣдей, многія семейства соединялись для совѣта и рѣшали дѣло по приговору старѣйшинъ. Но своевольство неукротимое всегда отягчало Славянъ Дунайскихъ; рѣдкое совѣщаніе оканчивалось мирно; мечи обыкновенно рѣшали ихъ споры. Вождь, указывавшій путь въ землю неприятельскую, могъ приобрести ихъ довѣ-

решность и виновение только лично храбростью или особеннымъ искусствомъ, и рѣдко имѣлъ силу убеждать своихъ товарищей: они сражались гдѣ и какъ хотѣли, но каждый Славянинъ всегда бросался прямо въ средину враговъ, и не смотря на долговременное искусство, легионы Византийскіе часто обращали предъ ними тылъ. Выигравъ сраженіе, Славяне обыкновенно въ конецъ опустошали непріятельскую землю, все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста ни пола, и обремененные добычею, удалялись въ свои лѣса недоступныя.

Но дикая свирѣость не была отличительнымъ ихъ характеромъ. Славянское племя вообще имѣло болѣе склонности къ жизни мирной, чѣмъ воинственной. Какъ Славяне Прибалтійскіе въ концѣ V вѣка извѣстны были тихимъ нравомъ, такъ и Славяне Дунайскіе, если ни вторженіе непріятелей, ни внутренніе раздоры не воспаляли ихъ страстей, любили жизнь мирную, семейную, охотно занимались земледѣіемъ, отличались добродушіемъ, и своимъ гостепріимствомъ удивляли просвѣщенныхъ Грековъ, оставивъ эту добродѣтель въ наслѣдство самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Путешественника встрѣчали, какъ стариннаго знакомаго, угощали съ радостью и сдавали другъ другу на руки, отвѣтствуя за его безопасность; рабамъ (плѣнникамъ), по минуваніи опредѣленнаго срока, возвращали свободу, или

принимали ихъ въ свои семейства. Чистота нравовъ, кою славилась жены и дѣвы ихъ, есть другая прекрасная черта характера народнаго: Славянки такъ были привязаны къ своимъ мужьямъ, что не разлучались съ ними въ самыхъ битвахъ, и нерѣдко потерявъ ихъ, искали утѣшенія въ смерти, чтобы не горевать вдовицами.

Народъ съ такими свойствами не могъ надолго оставаться на степени народа дикаго, обнаруживая явное стремленіе къ жизни общественной. Славяне уже любили земледѣліе, завели села и, мечемъ ограждая національную независимость, ждали только, чтобы свѣтъ божественной религіи смягчилъ ихъ душу, а умъ какого нибудь Кекропса или Нумы Помпилія направилъ ихъ силы къ дѣлу нашего бытія, къ общежитію и образованности. Но не на берегахъ Дуная суждено было имъ достигнуть этой дѣли: тамъ пролегалъ главный путь, коимъ кочевья орды средней Азіи стремились на Римскую Имперію и одна за другою вытѣсняли Славянъ.

Болгары. Въ VII столѣтіи появились на берегахъ Дуная
Авары. сильные враги, пришедшіе изъ за Дона, Болгары, которые сначала вмѣстѣ съ Славянами опустошали Имперію, а потомъ обратили оружіе на своихъ союзниковъ, и частію покорили ихъ, частію принудили переселиться за Тейсъ и Карпатскія горы. Въ слѣдъ

за ними новые варвары, видомъ и свирѣпостью напоминавшіе Гунновъ, Авары или Обры, изъ за Каспійскаго моря перенеслись въ Европу, поработили Болгаръ съ подвластными имъ и независимыми отъ нихъ Славянами, и утвердили свое господство отъ Волги до Эльбы. Презирая благодѣянія труда и природы, Авары жили грабежемъ, и свою добычу, сокровища подвластныхъ имъ народовъ, складывали въ укрѣпленные станы, коихъ слѣды сохранились долго на берегахъ Тейса и Алуты. Тщетно нѣкоторыя поколѣнія Славянъ старались спасти свою независимость, и одинъ изъ вождей ихъ, Лавритасъ, съ презрѣніемъ говорилъ посламъ Хана Аварскаго Бояна, требовавшимъ покорности, что никто въ мірѣ не лишитъ ихъ свободы, доколѣ есть война и мечи въ свѣтѣ: Боянъ вступилъ въ ихъ землю и обратилъ въ пепель всѣ селенія. Поражаемые неодолимымъ завоевателемъ, Славяне или покорились ему, или по слѣдамъ прежнихъ выходцевъ, удалились за Карпатскія горы. Это послѣднее, общее переселеніе совершилось вѣроятно во второй половинѣ VII вѣка. Одни Славяне двинулись къ западу и сѣверу въ Иллирію, Богемію, Мекленбургію, Померанію и Польшу, гдѣ уже обитали единоплеменники ихъ, другіе же удалились на равнины нынѣшней западной Россіи.

4. Славянскія поколѣнія, удалившіяся съ береговъ Дуная на сѣверозападъ въ VII столѣтіи, заняли Славяне
валандыне

все пространство отъ Эльбы до Вислы и смѣшавшись тамъ вѣроятно съ единоплеменниками своими, принявъ названія *Чеховъ* въ Богеміи, *Моравовъ* въ Моравіи, *Соравовъ* въ Турингіи (между Салою и Эльбою), *Оботритовъ* и *Вильцевъ* между южными частями Эльбы и Одера, *Померянъ* при Балтійскомъ морѣ въ Помераніи, *Ляховъ* или *Лехитовъ* въ Польшѣ. До конца VIII вѣка они вели непрерывную борьбу на юговостокъ съ Аварами, на северозападъ съ Франками. Освобожденные отъ ига Аваровъ оружіемъ Карла Великаго, они должны были большею частью признать его господство. Преемники Карловы старались утвердить эту власть введеніемъ христіанской вѣры въ земляхъ Славянскихъ; но дѣйствовали насильственными мѣрами и нерѣдко вынуждали Славянъ къ упорной защитѣ ихъ правовъ, языка, вѣры и свободы. Властолюбіе Нѣмецкихъ Императоровъ, при вмѣшательствѣ Римскихъ Папъ, долго препятствовало мирному развитію гражданственности, къ коей Славяне обнаруживали явное стремленіе, занимаясь земледѣіемъ, торговлею, имѣя села и города, сохранившіе доселѣ Славянскія названія.

Славяне
восточ-
ные.

5. Покоління Славянъ, вытѣсненные Аварами съ береговъ Дуная и Чернаго моря, и удалившіяся къ северовостоку, вѣроятно въ VII или въ началѣ VIII вѣка, заняли все пространство отъ истоковъ Вислы

до Оки, отъ Ладежскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ. Какіе народы обитали въ этомъ пространствѣ до прихода новыкъ всельниковъ и какъ Славяне утвердились тамъ, силою ли оружія, другими ли средствами, достовѣрно неизвѣстно. Мы знаемъ, что при Иродотѣ жили здѣсь какіе-то Андрофаги и Меланхлены, что въ I столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, племя Вендовъ занимало равнины, орошаемыя Вислою, Двиною и Волковымъ (гдѣ, по словамъ Нестора, св. Апостла Андрей уже видѣлъ Славянъ), что съ III столѣтія, въ продолженіи 400 лѣтъ, приходили въ живѣнную южную Россію разныя народы: съ сѣвера Готы, основавшіе тамъ въ IV вѣкѣ могущественное государство, съ востока несмѣтная толпа Тунновъ, Аланъ, Болгарь, Аваровъ; но въ VII или VIII столѣтіи, какъ можно догадываться, только малочисленные остатки этихъ народовъ могли удержаться въ западной Россіи, и Славяне, вѣроятно, нашли тамъ одинъ пустынь, гдѣ скитались слабыя толпы частію единоплеменниковъ ихъ, частію чуждыхъ народовъ, скоро слившихся съ ними.

Не вся живѣнная Европейская Россія была занята Славянами. Къ сѣверозападу отъ нихъ, въ южныхъ частяхъ Нѣмана и Двины обитали отглаголи самостоятельнаго племени Латышскаго, населявшаго и восточную Пруссію. Происхожденіе его

Соседи
ихъ.

неизвѣстно; нѣкоторые писатели признають его смѣсью Вендовъ, Германцевъ и всельниковъ Римскихъ; поколѣнія его были *Прусы* въ нынѣшней восточной Пруссіи; *Ятвяги* въ Гродненской губерніи; *Литва* въ Виленской; *Корь* въ Курляндіи; *Ливъ* и *Летгола* въ Лифляндіи. Къ сѣверостоку отъ Славянъ, за Ильменемъ, Бѣлоозеромъ и Окою, обитало другое самобытное племя Финновъ, еще извѣстное Тацитѣ. Съ незапамятныхъ временъ, оно занимало глубину сѣверной Европы, никогда не славилось ни завоеваніями, ни успѣхами жизни общественной, живо выражало въ своихъ чертахъ, въ самыхъ способностяхъ души, окружающую его природу, скудную на дары и печальную. Оно раздѣлялось на многія вѣтви, изъ коихъ главнѣйшими были: *Чудь* въ Эстляндіи, *Нарова* по берегамъ Наровы, *Ижера* по Невѣ, *Ажъ* или *Ежъ* въ южной Финляндіи, *Корела* въ Олонекской губерніи, *Весь* на Бѣлозерѣ, *Пермь* въ Пермской губерніи, *Меря* вокругъ Ростова, *Мурома* около Мурома, *Черемиса*, *Мордва* въ Казанской и Вятской губерніи и проч.

На юговостокъ сосѣдами Славянъ были Хазары, могущественный народъ, единоплеменный древнимъ Туркамъ, искони обитавшій между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Они являются въ Исторіи въ III столѣтіи по Р. Х. Въ V и VI извѣстны были своими набѣгами на Арменію и сѣверную Персію. Тщетно

Персидскій Шахъ Хозрой старался оградить отъ нихъ свое государство построеніемъ знаменитой стѣны Кавказкой: Хазары часто прорывались въ Арменію. Хаалифы Арабскіе, покорившіе Персію, также нерѣдко испытывали опустошительныя набѣги ихъ, особенно въ концѣ VII вѣка. Въ началѣ VIII столѣтія они утвердили свою власть въ Тавридѣ, подвластной Византійскимъ Императоромъ, которые съ тѣхъ поръ нерѣдко вступали съ Хазарскими Государями въ родственныя связи, чтобы удержать ихъ отъ впаденій въ имперію. Хазары раздѣлялись на многія поколѣнія, подъ властію особенныхъ князей, зависѣвшихъ впрочемъ отъ верховнаго князя, Кагана или Хакана: столицею его былъ Атель или Баламгяръ, при устьѣ Волги. Въ концѣ VIII столѣтія они держались закона еврейскаго; многія поколѣнія исповѣдывали также религію христіанскую; въ послѣдствіи, въ X вѣкѣ господствующею вѣрою была магометанская.

Въ новомъ отечествѣ своемъ Славяне должны Поколѣ-
нія. были измѣнить прежній образъ жизни; борьба съ Аварами связала разсѣянныя семейства ихъ узами братства; переселеніе въ чуждыя страны, опасности пути, сосѣдство новыхъ народовъ, необходимость взаимной помощи и обороны, все требовало тѣснѣйшаго союза. Въ слѣдствіе того на берегахъ Днѣпра, Волхова, Оки, Двины, Припяти и Горыни, Славяне

являются уже не разсыянными колѣнами, какъ на берегахъ Дуная, а съ именемъ народовъ отдѣльныхъ какъ союзовъ. Такъ поселившіеся по Днѣпру (въ Кіевской губерніи) назывались *Полянами*, по берегамъ Днѣпра *Лутичами* и *Тиверцами*, въ Волинѣ *Древлянами*, по сѣверовосточнымъ отраслямъ Карпатъ *Хорватами*, по западному Вуру *Буками*, по Двинѣ и Припяти *Полочанами* и *Дреговичами*, по Деснѣ и Сулѣ *Свяряжами*, по Окѣ *Вѣтичами*, на берегахъ Сожи *Радимичами*, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Вояги *Кривичами*, на берегахъ же озера Ильменя удержали имя *Славянъ*. Нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ построили города: Поляне Кіевъ; Свяряне Любечъ, Черниговъ; Кривичи Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ; Древляне Коростень. Эти города могли быть ничтожны, могли состоять изъ хижинъ, огражденных тыномъ или ровомъ для защиты отъ лютыхъ звѣрей и хищныхъ сосѣдей; но тамъ люди соединялись родствомъ, дружбою; тамъ была колыбель гражданскаго общества; отрывалась первая, главная ступень къ людности, къ понятіямъ о выгодахъ общегитія. Въ такомъ положеніи находилось племя Славянъ, занимавшее земли нѣнѣйшей Европейской Россіи, когда пришли къ нимъ Норманны и соединили ихъ отрасли въ одно цѣлое, въ одинъ народъ, получившій названіе Русскаго.

II. НОРМАННЫ.

Очеркъ
ихъ.

6. Отечествомъ Норманновъ была Скандинавія, страна суровая климатомъ, бѣдная необходимыми для жизни потребностями, скупо награждающая трудъ земледѣльца, покрытая цѣпью безплодныхъ скалъ и утесовъ, вѣковыми лѣсами и многими озерами, окруженная почти со всѣхъ сторонъ бурнымъ моремъ. Здѣсь, въ непрерывной борьбѣ съ жестокою стужею, съ голодомъ, съ бурями, человекъ или падалъ подъ тяжестью нуждъ и прозябалъ подобно растенію, или одолевъ природу, присваивалъ и желѣзную крѣпость тѣла, и мощную силу души, со всѣмъ пыломъ страстей, съ самобытнымъ характеромъ, впечаткомъ окружающихъ его явленій. Всегда при первомъ развитіи силъ общественныхъ, человекъ зависѣлъ отъ климата и свойства страны: въ Греціи онъ полюбилъ художества и поэзію, въ средней Азіи кочевую жизнь, въ Швейцаріи скотоводство, въ Финикіи торговлю, въ Египтѣ земледѣліе. Скандинавъ могъ быть только пиратомъ, такъ точно, какъ житель Аравіи бедуиномъ. Напрасно проливая потъ, чтобы воздѣлать неблагодарную почву, съ трудомъ успѣвая завести малочисленное стадо, онъ тѣмъ охотнѣе разгуливалъ по своимъ озерамъ и по водамъ морскимъ, что въ ихъ нѣдрахъ находилъ удобнѣйшія средства къ утоленію голода. Море стало его стихіею. Тамъ онъ привыкалъ къ опасностямъ,

къ удалству, къ хищничеству. Бури и непогоды были ему забавою, неутомимая дѣятельность потребностью души, кровавыя битвы наслажденіемъ.

Съ такимъ образомъ жизни неразлучна свобода личная; и Скандинавы дорожили ею болѣе всего на свѣтѣ. Но какъ въ глазахъ ихъ первую добродѣтелью было мужество въ бояхъ, соединенное съ силою тѣсною, съ умомъ лукавымъ, и потомуки дорожали подвигами предковъ, считая ихъ славу семейною, то уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Скандинавіи существовало различіе между людьми благородными или родословными и простолюдинами: на этомъ различіи мало по малу утвердилось первенство и господство однихъ фамилій и подданство другихъ. Отъ того при первомъ появленіи въ Исторіи Скандинавы раздѣлялись на множество мелкихъ обществъ, изъ коихъ каждое имѣло своего *Конунга* (Князя или Короля), съ наследственною властію въ его родѣ. Онъ былъ главою суда и расправы, воедемъ въ битвахъ, награждалъ заслуги, наказывалъ преступленія. Дружину или дворъ его составляли: *Яры и Герсы*, главные спутники своего Конунга въ походахъ, исполнители воли его, производившіе именемъ его судъ и собиравшіе дань; *Кемпы*, тѣлохранители, мечники королевскіе. Простолюдины были или *Бенде*, свободные люди, или *Трелле*, рабы, пашенники.

Не взирая на единство языка и веры, Конунги непрерывно воевали другъ съ другомъ, побуждаемые часто голодомъ, соперничествомъ или безпощадною врожденною дѣятельностію. Къ войнѣ подстрекала ихъ и вера, основанная на мысли, что только храброго, падшаго въ битвѣ, ждетъ престолецъ. Одинъ въ обѣтованной Вайгалль, гдѣ Гилькеріи будутъ угощать его роскошными яствами и напитками, а Скалды въ безсмертныхъ пѣсняхъ прославлять его подвиги. Отъ того жажда битвъ доходила у нихъ до фанатизма: въ Скандинавскихъ сагахъ или историческихъ преданіяхъ, нередко упоминаются Берсеркеры, ратоборцы, которые, на нѣмъ случая измѣрить свое оружіе, въ воинственномъ энтузіазмѣ грызли желѣзо, глотали горящія угли. Кромѣ пламенной мечты о славѣ, о будущихъ наслажденіяхъ, самая необходимость, слѣдствіе увеличившагося народонаселенія, заставляла Скандинавовъ бросаться въ отчаянныя предприятия. Въ вождяхъ недостатка не было: по коренному обычаю, каждый сынъ Конунга былъ самъ Конунгъ, но рожденію, и имѣлъ право на Конунгарь или отдѣльное королевство; но какъ братья, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, обыкновенно обдѣляли другъ друга, то Конунги, не получавшіе участка, собирали дружины и съ именемъ Морскихъ Королей являлись въ сосѣдственныя страны за добычею.

Морскіе
походы

7. Уже задолго до Карла Великаго, Скандинавы беспокоили своими набѣгами западную Европу: древнѣйшіе походы ихъ относятся къ III столѣтію по Р. Х., когда, овладѣвъ Оркадскими островами, служившими въ послѣдствіи сборнымъ мѣстомъ для сѣверныхъ пиратовъ, они начали появляться толпами сперва въ Шотландіи и Британніи, потомъ въ Ирландіи. Туземцы называли ихъ Датчанами, Англами и Остменами (восточными людьми). Первый набѣгъ на Францію былъ въ началѣ VI вѣка при Кловисѣ: они были отбиты и при Меровингахъ болѣе не показывались. При Карлѣ Великомъ, они снова появились въ сѣверныхъ предѣлахъ его имперіи: нѣсколько разъ опустошали Фрисландію; грозили самому Ахену. По смерти же Карла Великаго, уже знакомые съ благодатнымъ климатомъ юга, съ приманчивостію грабежа, Скандинавы и единоплеменные имъ обитатели Ютландіи, цѣлыми толпами, какъ голодные рои пчель, по выраженію современниковъ, стали врывать въ беззащитное государство его преемниковъ, и вскорѣ по всей Европѣ загремѣло имя *Норманновъ* (людей сѣвера). На легкихъ, плоскодонныхъ челнахъ, поднимавшихъ до 50 человекъ, предводимые Морскими Королями, они приставали къ берегамъ Франціи, Англіи, Испаніи, Италиі; по направленію рѣкъ вторгались во внутренность земель, осаждали города многолюдные, нерѣдко слабою дружиною, брали богатые окупы,

или все обращали въ пепель и развалины. Прибрежныя страны западной и южной Европы не знали, какъ избавиться отъ этихъ неутомимыхъ мореходцевъ: въ церквахъ молили Всевышняго о спасеніи отъ Норманновъ; Короли давали имъ золото; поданные все, что могли, и все было тщетно: если удалялась одна толпа, приходили новыя въ большемъ числѣ, привлекаемыя молвою удачи счастливыхъ единоземцевъ. Долго, въ теченіе трехъ вѣковъ, страдали отъ нихъ обитатели береговыхъ странъ отъ устьевъ Рейна до пролива Дарданельскаго.

Болѣе всѣхъ государствъ терпѣла Франція. Безпрерывныя вторженія Норманновъ въ эту страну начались немедленно по смерти Карла Великаго; при Людовикѣ Кроткомъ не проходило года, когда бы они не тревожили его имперіи, съ сѣвера и запада: появлялись на Сенѣ, грабили Аквитанію, кромѣ того Галицію въ Испаніи; по смерти Людовика, знаменитый Норманнъ Гастингъ опустошилъ страну между Лоаромъ и Шеромъ, разорилъ Нантъ, нѣсколько разъ грабилъ Парижъ, Орлеанъ, Оксеръ, бралъ съ Карла Лысаго тяжкіе окупы; ходилъ за добычею въ Испанію, Мавританію, въ Италію; снова появлялся во Франціи и не давалъ ей покоя, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его *Рюрикъ* держалъ въ страхѣ сѣверныя предѣлы, гдѣ овладѣлъ Утрехтомъ.

Во второй половинѣ IX столѣтія появился во Франціи знаменитѣйшій изъ Норманновъ Ролоннъ (или Гролфъ), коему преемники Карла Лысаго нѣсколько разъ платили огромныя суммы, чтобы спасти свое государство отъ всеобщаго разоренія; наконецъ принуждены были уступить ему въ потомственное владѣніе одну изъ областей королевства, получившую названіе Нормандіи.

Сношенія
съ Славя-
нами.

8. Предпринимая отдаленные походы въ моря Атлантическое и Средиземное, Норманны естественно не могли оставить безъ вниманія ближайшихъ странъ Прибалтійскихъ, въ особенности Славянскихъ, гдѣ находили, кромѣ хлѣба и мягкой рухляди, другую для себя выгоду: чрезъ землю восточныхъ Славянъ пролегалъ путь въ богатую Грецію, которую они считали самою обильною страню въ мірѣ всѣми благами природы, и охотно отправлялись туда, отчасти для грабежа, отчасти для полученія платы за службу Императорамъ; достовѣрно, что задолго до поселенія въ землѣ Славянской, въ императорской гвардіи были многіе Норманны. Путь, коимъ они ходили въ Грецію, былъ слѣдующій: нынѣшнимъ Финскимъ заливомъ и Невою они вступали въ Ладожское озеро; оттуда Волховомъ въ Ильмень; изъ Ильменя шли вверхъ по теченію Ловати до истоковъ ея; здѣсь перетаскивали свои легкіе челны въ Двинь и спускались въ Черное море. До половины

IX столѣтія, Норманны приходили въ землю Славянскую на время и, кажется, не имѣли прочныхъ поселеній; когда же въ Скандинавіи, по смерти Карла Великаго, произошло всеобщее волненіе, и недостатокъ въ продовольствіи заставлялъ обитателей ея искать новаго отечества, однѣ толпы бросились на западъ, другія на востокъ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Норманны утвердились послѣ долговременнои борьбы; въ землѣ Славянской не встрѣтили такого отпора и овладѣли ею безъ труда.

9. Первое поселеніе Норманновъ, подѣ именемъ **Варяги**. Варяговъ въ землѣ Славянской, служившее началомъ Руси, рассказано нашимъ лѣтописцемъ въ такомъ смыслѣ: «Въ 859 году пришли Варяги изъ за моря и наложили дань на Чудь, Славянь, Мерю и Кривичей. Года чрезъ два они были изгнаны. Но раздоръ возникъ между народами, освободившимися отъ иноплеменниковъ; родъ возсталъ на родъ, управы не было. Страдая отъ безначалія и вѣроятно опасаясь быть вновь жертвою внѣшнихъ враговъ, Славяне рѣшились избрать себѣ Князя, т. е. судью, правителя и защитника, въ той мысли, что только одна власть крѣпкая могла спасти ихъ. Послы Славянь Ильменскихъ и Кривичей, вмѣстѣ съ послами двухъ Финскихъ народовъ, Веси и Чуди, отправились за море Варяжское, къ Варяго-Руссамъ, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна,

а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами.» Нѣкто Рюрикъ согласился исполнить эту просьбу: сопровождаемый своими братьями Синеусомъ и Труворомъ, со всѣмъ родомъ своимъ, онъ прибылъ въ 862 году къ берегамъ Ильменя и утвердивъ свое господство въ Новгородѣ, Ладогѣ, Изборскѣ, на Бѣлѣозерѣ, положилъ начало гражданскому обществу, получившему, отъ имени пришедшихъ съ нимъ Варяговъ, названіе Руси.»

Варяги-
Норман-
ны.

10. Слова лѣтописца, что Руссы были изъ племени Варяговъ и что Славяне призвали ихъ добровольно править и владѣть, многими писателямъ кажутся неясными; спрашиваютъ обыкновенно: 1, кто были Варяго-Руссы и откуда они пришли, и 2, какъ рѣшились Славяне покориться добровольно иноземцамъ своихъ прежнихъ притѣснителей! Эти вопросы рѣшали различно: разсуждая о первомъ вопросѣ, Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Карамзинъ и новѣйшіе писатели признаютъ Варяговъ Норманнами; Татищевъ и Болтинъ Финнами, Ломоносовъ Пруссами, Эверсъ Хазарами; относительно втораго вопроса, Миллеръ думалъ, что Норманны, бывъ призваны только для защиты границъ, въ послѣдствіи стали господствовать; Шлецеръ, Карамзинъ и другіе писатели, слѣдуя точному смыслу Нестора, полагали, что Славяне добровольно сами собою поручили имъ власть верховную.

По всей вѣроятности, Варяго-Руссы были Норманны, въ чемъ удостовѣряютъ слѣдующія доказательства: 1, Несторъ подъ именемъ Варяговъ вообще разумѣетъ многочисленное племя, обитавшее къ западу отъ Славянъ за Варяжскимъ моремъ и раздѣлявшееся, по его понятію, на пять поколѣній: *Свеи* (Шведы), *Урмяне* (Норвежцы), *Русь*, *Англыне* (Англы) и *Гте* (Готы); слѣдовательно Руссы были единоплеменники Шведамъ и Норвеждамъ и обитаемъ за Балтійскимъ моремъ, гдѣ въ IX вѣкѣ жили одни Норманны. 2, Столь же важно свидѣтельство языка: какъ имена первыхъ Князей нашихъ, Бояръ и пословъ суть неоспоримо Норманскія, такъ и названія семи Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя Константиномъ Багрянороднымъ, могутъ быть объяснены только Скандинавскими словами, чтобы согласить ихъ съ переводомъ Греческимъ; слѣды языка Скандинавскаго сохранились въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Несторовой лѣтописи и Русской Правды. 3, Изъ писателей иноземныхъ Луитпрандъ, имѣвшій случай знать Руссовъ лично въ X вѣкѣ, свидѣтельствуесть, что народъ, именуемый у Грековъ Россами, на западѣ слыветъ подъ именемъ Норманновъ; нѣкоторые историки Арабскіе также говорятъ, что Руссами назывались жители Скандинавіи. 4, Наконецъ если въ характерѣ древнихъ Русскихъ законовъ находится менѣ признаковъ Скандинавскаго ихъ происхожденія, чѣмъ обыкновенно думаютъ, то

одинъ взглядъ на дѣла потомковъ Рюрика удосто-
вѣрить, что только воинственный Норманнъ могъ
быть праотцемъ Русскихъ Князей, въ коихъ живо
отражаются всѣ черты Норманскія. Вопросъ, поче-
му Скандинавы назывались въ Славянской землѣ
Варягами, разрѣшается тѣмъ, что Норманны, слу-
жившіе Греческимъ Императорамъ, составляли съ
другими наемниками особенную дружину и были на-
званы союзниками (*foederati*), на древнемъ Сканди-
навскомъ языкѣ, *Vaeringar*, или по Греческому про-
изношенію, *Варанг*: проходя чрезъ землю Славян-
скую на пути въ Грецію, Норманны говорили Сла-
вянамъ, что они Варяги, т. е. союзники Грековъ,
и это слово, означавшее званіе, обратилось въ имя
народа.

Относительно втораго вопроса, какимъ образомъ
Славяне рѣшились добровольно покориться едино-
земцамъ своихъ прежнихъ враговъ, или изгна-
нныхъ, и притомъ чрезъ два года, прежде всего
замѣтимъ, что призваніе Варяго-Руссовъ союзомъ
Славянъ и Финновъ несправедливо называютъ со-
бытіемъ безпримѣрнымъ въ Исторіи, предполагая,
что послы Славянскіе пригласили къ себѣ тѣхъ
самыхъ Норманновъ, кои за два года были изгна-
ны (вопреки Нестору, который говоритъ ясно, что
изгнаны Варяги, т. е. пришельцы неизвѣстные, а
призваны Варяго-Руссы); подобныя событія встрѣ-

чаются въ Исторіи и другихъ народовъ. Какъ жители Амаальфи въ XI вѣкѣ сами просили къ себѣ Норманновъ и вручили имъ власть верховную; такъ и Славяне, угрожаемые внѣшними грабителями и внутренними мятежниками, могли искать защиты у тѣхъ Норманновъ, кои вѣроятно были имъ извѣстны прежде, по дружелюбнымъ сношеніямъ: ибо выше замѣчено, что задолго до Рюрика Норманны приходили въ землю Славянскую, отправляясь къ Царюграду, и естественно должны были искать дружбы туземцевъ, которые, извѣдавъ на опытѣ ихъ расторопность, могли замѣтить, что эти пришельцы далеко превосходили ихъ старѣйшинъ дѣятельностію ума, обогащеннаго странствованіемъ въ земляхъ отдаленныхъ. Въ смыслѣ гражданскомъ Славяне вѣроятно не уступали Норманнамъ, обнаруживая явную склонность къ общежитію земледіліемъ и строеніемъ городовъ, изъ коихъ Смоленскъ былъ укрѣпленъ, а Кіевъ торговалъ съ Византією, между тѣмъ, какъ Норманны въ IX столѣтіи, въ блестящую эпоху жизни, когда Скальды воспѣвали ихъ подвиги, занимались только разбоями, или съ именемъ Комунговъ владѣли одними лѣсами и пустынями, гдѣ не было ни городовъ ни сель, и гдѣ не каждое семейство имѣло свою хижину; тѣмъ не менѣе ихъ удалство, врожденная сила души, умъ лукавнѣй и гибкнѣй, мужество въ бояхъ, все это могло сдѣлать сильное впечатлѣніе въ Славянахъ,

которые въ слѣдствіе того рѣшились поручить свою участь смѣлымъ витязямъ. Къ этому могли присоединиться и другія намъ неизвѣстныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ мы не вправѣ, по одному сомнѣнію, ни на чемъ не основанному, отвергать сказанія лѣтописца безпристрастнаго, который вѣроятно зналъ хорошо, какъ пришелъ Рюрикъ: ибо могъ бесѣдовать съ потомками его спутниковъ въ 4 или 5 колѣнѣ, когда преданія были еще въ свѣжей памяти.

—

III. НАЧАЛО РУССКАГО НАРОДА.

862 — 988.

Обозрѣніе. 11. Отъ пришествія Рюрика на берега Ильменя, или отъ перваго соединенія Славянъ съ Норманнами, до принятія правнукомъ его, Владиміромъ, христіанской вѣры, утвердившей бытіе Русской державы, главнымъ явленіемъ Исторіи нашего отечества было быстрое разширеніе предѣловъ Руси, сперва на юговостокъ къ берегамъ Оки, потомъ на югъ по Днѣпру, далѣе на западъ до истоковъ Вислы и Нарева. Это разширеніе было слѣдствіемъ Норманскаго характера. Какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Славянской землѣ, они дѣйствовали одинако-

во: стоило имъ только утвердиться въ одномъ мѣстѣ, чтобы далеко распространить свои набѣги, и если обстоятельства благоприятствовали, утвердить свою власть въ земляхъ, покоренныхъ оружіемъ ихъ. Овладевъ однимъ пунктомъ, они углублялись, по направленію рѣкъ, во внутренность страны, занимали прибрежные города или строили ихъ сами, налагали на окрестныхъ жителей дань, собирали ее силою оружія, и мало помалу сливались съ туземцами, заимствуя у нихъ вѣру, языкъ, нравы, обычаи, удерживая за собою одно право господства. Въ западной Европѣ имъ не удалось занять столь обширной страны и притомъ въ такое короткое время: тамъ они встрѣчали сильный отпоръ въ укрѣпленныхъ городахъ, въ благоустроенныхъ правительствахъ, въ самомъ народѣ, видѣвшемъ въ нихъ только грабителей или морскихъ разбойниковъ. Славянская земля была для нихъ открытою: туземцы, раздробленные на мелкія отдѣльныя поколѣнія, не могли ни соединить своихъ силъ, ни остановить завоевателей городами, коихъ было не много, или естественными преградами, коихъ вовсе не было: слѣдовательно здѣсь легче было вести войну наступательную, чѣмъ оборонительную. Славяне тѣмъ охотнѣе могли жертвовать своею волею и признавать господство Норманновъ, что національность ихъ оставалась неприкосновенною: ибо вездѣ, куда ни приходили, во Франціи, въ Англіи, въ Итали,

Норманны скоро сливались съ туземцами; тѣмъ неизбежнымъ было это сліяніе въ землѣ Славянской, что тамъ они должны были разсыяться въ странѣ обширной и при своей малочисленности, въ сравненіи съ массою покореннаго народа, утратить національную физиономію. Они были для Славянъ поколѣніемъ благороднымъ, господствующимъ, но не враждебнымъ, и служили только звѣномъ соединенія.

Образъ
правле-
нія.

12. Установленная Норманнами въ Славянской землѣ система господства, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ главныхъ чертахъ, сходствовала съ ленною или феодальною системою государствъ, основанныхъ Германцами на развалинахъ Римской Имперіи. «Какъ предводители Германцевъ, говорятъ эти писатели, дѣлили покоренныя земли въ видѣ добычи между своими спутниками, распредѣляя участки по мѣрѣ заслугъ или по степени сана, такъ и Рюрикъ раздавалъ своимъ единоплеменцамъ, искавшимъ счастья на чужбинѣ, города и волости: примѣру его слѣдовали Олегъ, Игорь, Святославъ.» Мнѣніе несправедливое. Дружины Кловиса, Генгиста, Албоина и другихъ вождей Германскихъ, вторгались въ области Римскія не столько для своихъ предводителей, сколько для собственной пользы: приобрѣтая мечемъ и кровью земли, города, сокровища, они дѣлили свою добычу, сообразно древнимъ уставамъ, по жребію: вождь получалъ свою часть,

вопны свою въ неотъемлемую собственность. Это въ дѣлѣ служилъ основаніемъ аллодіальной системы, изъ коей въ послѣдствіи возникла феодальная. Со-всѣмъ не то было въ нашемъ отечествѣ. Русскіе Князья, призванные Славянами властвовать, также привели съ собою дружину: но спутники ихъ не могли требовать отъ нихъ такой награды, на ка-кую имѣли право Кловисовы Франки, Генгистовы Саксы: ибо Варяго-Руссы пришли съ Рюрикомъ не завоевателями. Правда Рюрикъ и Олегъ иоручали города и волости своимъ единоземцамъ, но вѣро-ятно потому, что испытанной преданности ихъ до-вѣряли болѣе, чѣмъ сомнительной покорности стар-рѣйшинъ Славянскихъ, не лишая себя права рас-полагать произвольно участками своихъ намѣстни-ковъ. Съ теченіемъ времени эти участки могли бы обратиться въ наследственные отчины и феодаль-ная система возникла бы въ нашемъ отечествѣ, если бы Рюриковы преемники были похожи на Хильпериковъ, Хильдериковъ, Дагобертовъ: Олегъ, Святославъ, Владиміръ не допустили развиваться ни аллодіальному, ни феодальному праву такъ, что для выраженія понятій о ленахъ, феодахъ и аллодіяхъ, въ языкъ нашихъ праотцевъ не сохранилось и словъ равносильныхъ. Отсутствіе подобныхъ словъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуетъ, что феодаль-ная система у насъ не существовала. Да и напрасно искать ея признаковъ въ нашемъ отечествѣ:

она была не въ духѣ Норманновъ. Если единоеземцы Рюрика, Роллонъ, Гвискардъ установили въ Нормандіи и Неаполитанскомъ герцогствѣ феодальную систему; то это произошло отъ того, что задолго до нихъ она существовала во Франціи и въ Италиі: слѣдовательно они не принесли ея, а заимствовали у туземцевъ.

Удѣль-
ная ск-
стема.

Справедливѣе скажемъ, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской имѣло свой отличительный характеръ, принесенный ими изъ Скандинавіи. Въ Скандинавіи, раздѣленной на множество независимыхъ поколѣній, при всей привязанности обитателей ея къ свободѣ личной, необузданной, искони господствовало право наследственнаго первенства немногихъ фамилій, которыя возвышались надъ прочими благородствомъ предковъ, основаннымъ на славѣ оружія, на древности и знаменитости рода. Такія фамиліи были въ каждомъ поколѣніи Норманновъ, какъ въ древней Греціи до войны Троянской. Имъ принадлежала земля, въ коей они имѣли власть собирать дань, производить судъ и расправу. Власть ихъ, передаваемая изъ рода въ родъ, становилась неотъемлемою собственностію семейною. Въ ней участвовали всѣ члены фамиліи съ почетнымъ названіемъ *Конунговъ*, верховныхъ вождей въ битвахъ, главныхъ судей и правителей. Каждый сынъ Конунга былъ самъ Конунгъ, имѣлъ

право на *Конунгарь*, или на отдельный независимый участокъ, имѣлъ свой дворъ или дружину и господствовалъ самовластно; если же кому либо изъ сыновей не удавалось получить участка въ отцовскомъ наслѣдствѣ, онъ, не теряя имени Конунга, добывалъ себѣ удѣлъ силою оружія; велъ войну съ братьями, или пускался въ море для грабежа чуждыхъ странъ. Въ случаѣ пресѣченія одного рода, Конунгарь переходилъ къ другому изъ той же фамиліи. Съ тѣми же понятіями о правѣ, объ исключительной власти одного семейства, объ участіи въ ней всѣхъ членовъ господствующаго рода, пришли Норманны и въ землю Славянскую. Благороднѣйшимъ колѣномъ Руссовъ было Рюриково: этому колѣну принадлежало исключительное право на власть Конунга-Князя. Слѣдовательно правленіе, введенное Норманнами, было не аллодіальное, ни феодальное, а удѣльное. Различіе ихъ еще болѣе объяснится въ послѣдствіи, при обзорѣніи событій по смерти Ярослава.

Два главные преимущества принадлежали Князю: право верховнаго суда и право собирать дань. Судъ производилъ онъ или самъ, или чрезъ своихъ посадниковъ, т. е. намѣстниковъ. Для сбора дани ежегодно объѣзжалъ свои области съ дружиною; требовалъ мѣховъ, хлѣба, меду, съ цѣлыми обозами припасовъ возвращался въ столицу и раздавалъ

Права
Князя.

ихъ своей дружинѣ; но какъ сборъ дани не всегда могъ быть успѣшенъ или обиленъ, и Норманны не могли имъ довольствоваться, то Князь предпринималъ походы въ сосѣдственныя земли за добычею; изъ этого источника происходили постоянныя войны Русскихъ Князей съ Византійскою Имперіею, которая изъ всѣхъ странъ общала богатѣйшую добычу. Сверхъ того къ войнѣ увлекала ихъ и страсть къ битвамъ, доходившая у Норманновъ до фанатизма. Разсматривая съ этой точки краткія преданія Русскихъ лѣтописей о первомъ вѣкѣ нашего отечества, до введенія христіанской вѣры, изложимъ въ подробности постепенный ходъ событій.

Рюрикъ. 862 - 879. 13. Призванные союзомъ Славянъ, Кривичей, Чуди и Веси господствовать надъ ихъ страню, три брата Норманскіе Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли въ новое отечество съ дружиною одноплеменниковъ и раздѣлили Русь, то есть подвластную имъ страну, на три удѣла: Рюрикъ утвердился въ Ладогѣ, Труворъ въ Изборскѣ (недалеко отъ Искова), Синеусъ на Бѣлвозерѣ. Черезъ два года младшіе братья умерли; старшій перенесъ свою столицу въ Новгородъ и сталъ властвовать одинъ, назначивъ посадниковъ или намѣстниковъ изъ своихъ единоплеменцевъ въ Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ. Слѣдовательно, хотя лѣтопись не говоритъ о вожи-

скихъ дѣйствіяхъ его; но зависимость Полочанъ, Ростовцевъ и Муромцевъ, не участвовавшихъ въ призваніи Варяговъ, свидѣтельствуеетъ, что Рюрикъ не измѣнялъ Норманскому характеру и успѣлъ расширить оружіемъ предѣлы Руси на юговостокъ до береговъ Оки, на югозападъ до Двины.

Въ тоже время два единомысленника его, Аскольдъ и Диръ, также отъ племени Русскаго, но вожди особенной дружины, не получивъ ни волости, ни города въ Русской землѣ, исключительно принадлежавшей Рюрику и дому его, съ согласія Князя, отправились на югъ искать счастія въ Византийской имперіи, гдѣ намѣревались вступить въ службу императорскую, по примѣру многихъ единомысленцевъ своихъ. На пути по Дибру, они увидѣли Кіевъ, узнали, что жители его платятъ дань Хазарамъ, успѣвшимъ покорить, кромѣ того, Вятичей, освободили Кіевъ отъ власти иноплеменниковъ и сами завладѣли имъ: ни Хазары, ни Поляне не въ силахъ были бороться съ витязями Норманскими. Неожиданная удача перемѣнила ихъ прежнее намѣреніе: они рѣшились основать независимое княжество и искать въ Греціи золота не службою, а оружіемъ; пустились на ладьяхъ въ Черное море, водстужили къ Византіи и привели въ ужасъ Грековъ, которые видѣли въ нихъ враговъ неизбежныхъ и не смѣли отравить ихъ оружіемъ. Буря

Аскольда
и Диръ

спасла Византію: Русскія ладьи погибли въ волнахъ; Аскольдъ и Диръ съ трудомъ возвратились въ Кіевъ и приняли христіанскую вѣру, вѣроятно по убѣжденію Греческихъ миссіонеровъ, ревностно заботившихся въ то время о распространеніи св. религіи въ земляхъ полуночныхъ. Съ тѣхъ поръ Русь считалась въ числѣ Греческихъ епархій.

Такимъ образомъ въ Славянской землѣ возникли двѣ Русскія державы, изъ коихъ одна столицей имѣла Новгородъ, другая Кіевъ. Ихъ раздѣляли независимые Славяне — Кривичи и Сѣверяне. Но кажется, не взирая на отдаленность, Князь Новгородскій находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ владѣтелямъ Кіевскимъ. Вражда обнаружилась вскорѣ по смерти Рюрика, когда, за малолѣтствомъ сына его Игоря, въ права Великаго Князя вступилъ Олегъ, Норманнъ и умомъ и душою.

Олегъ.
679-912.

14. Наслѣдовавъ отъ Рюрика страну суровую, необильную дарами природы, едвали вознаграждавшую Норманновъ за покинутую родину, Олегъ съ завистью смотрѣлъ на господство единоплеменцевъ своихъ въ Кіевѣ, гдѣ было болѣе удобствъ жизни и откуда такъ легко было ходить въ Грецію, исконы известную на сѣверѣ своимъ золотомъ, шелковыми тканями, роскошнымъ климатомъ, изнѣженностію народа. Онъ рѣшился переселиться на югъ. Пер-

вымъ дѣломъ его было овладѣть теченіемъ Днѣпра, служившаго путемъ въ богатую Грецію. Смоленскъ, главный городъ независимыхъ Кривичей, коего не могли взять Аскольдъ и Диръ, покорился Олегу; Любечъ также. Въ Кіевѣ ожидала его упорная оборона двухъ витязей, не уступавшихъ ему въ искусствѣ воинскомъ и доказавшихъ свое мужество подъ стѣнами Византіи. Олегъ прибѣгнувъ къ хитрости, столь свойственной Норманнамъ: назвалъ себя купцомъ Варяжскимъ и требовалъ свиданія съ владѣтелями Кіева. Аскольдъ и Диръ встрѣтили его, какъ гостя: дружина Олегова немедленно окружила ихъ. «Вы не Князи, ни бояре» сказалъ имъ Олегъ, давая тѣмъ знать, что они не имѣли права господствовать независимо отъ Рюрикава дома; умертвилъ обоихъ, вступилъ въ Кіевъ безъ сопротивленія и назвалъ его *матерью* городовъ Русскихъ, или столицею Руси.

Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ безъ труда покорила Славянскія поколѣнія по Днѣпру и по вдающимся въ него рѣкамъ: по Деснѣ Сѣверянъ, по Сожѣ Радимичей, по Горыни и Припяти Древлянъ; кромѣ того Лутичей и Тиверцевъ по Днѣстру и Бугу; Хорватовъ по восточнымъ отраслямъ горъ Карпатскихъ. Для обузданія ихъ, онъ бралъ тѣ же мѣры, коими Рюрикъ распространялъ свое господство на сѣверѣ: строилъ города или крѣпости, на-

значаль въ посадники своихъ единосемцевъ и ходилъ съ войскомъ за данью. Славяне не въ силахъ были бороться съ неодолимыми завоевателями и тѣмъ охотнѣе признавали Олега Княземъ, что получали право участвовать въ его походахъ и въ добычѣ: ибо войско его состояло преимущественно изъ туземцевъ.

Но дань Славянскихъ народовъ не могла удовлетворить ни Олега, ни дружины его: онъ искалъ даровъ богатѣйшихъ, и увлекаемый предприимчивымъ духомъ, рѣшился потревожить Грековъ. Всѣ подвластныя ему поколѣнія прислали свои дружины; 2000 судовъ, изъ коихъ каждое поднимало до 40 человекъ, спустились по Днѣпру въ Черное море, добрались до Босфора и явились подъ стѣнами 906. Византіи, гдѣ укрывался Императоръ Левъ Философъ, не смѣя выступить съ войскомъ на встрѣчу врагамъ. Греки заградили гавань дѣбью. Воины Олеговы вышли на берегъ и начали опустошать окрестности Византіи. Села запылали; увеселительные дворцы обратились въ пещель; самой столицѣ грозила опасность приступа. Дворъ Византійскій, привыкшій удалять враговъ не оружіемъ, а дарами, предложилъ ихъ и Олегу: онъ требовалъ по 12 гривенъ или по 6 фунтовъ серебра на человека. Какъ ни славились богатствомъ Греки, но заплатить 12,000 пудъ серебра конечно было трудно;

начались переговоры. Русскій Князь наконецъ согласился взять по 12 гривенъ на ключъ (вѣроятно на известное число воиновъ, составлявшее отдѣленіе или отрядъ), сверхъ того получилъ дары на часть посадниковъ своихъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ; условился о взаимныхъ выгодахъ торговыхъ, поклялся Перуномъ и Волосомъ въ ненарушимости мира и, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, обремененный добычею, возвратился въ отечество. Баснословныя обстоятельства, коими преданіе украсило Греческій походъ Олеговъ, не смотря на молчаніе Византійскихъ писателей, рѣшительнѣе всего свидѣтельствуя успѣхъ набѣга Руссовъ на Византію: иначе современники не имѣли бы повода выдумывать ни шелковыхъ парусовъ, ни колесъ, на коихъ Русскія ладьи при попутномъ вѣтрѣ подкатились къ Царюграду. Дѣло въ томъ, что Олегъ воспользовался слабостію Имперіи и возвратился съ богатою добычею. Народъ, встрѣчая своего Князя побѣдоноснаго, удивляясь сокровищамъ Греціи, и золоту, и шелковымъ тканямъ, и дарамъ благословеннаго климата, и произведеніямъ хитраго искусства, смотрѣлъ на Олега, какъ на чародѣя, и прозвалъ его *спѣшимъ* или *мудрымъ*.

Между тѣмъ Византійскій дворъ, двукратно испытывавъ нашествіе Руссовъ, желалъ оградить себя

отъ новыхъ вторженій и предложилъ Русскому Князю подтвердить миръ и дружбу письменнымъ договоромъ: Олегъ согласился, безъ сомнѣнія убѣжденный въ выгодахъ союза съ образованною Греціею для своего народа. Послы его явились въ Византію и тамъ, въ Сентябрь 911 года, заключили трактатъ слѣдующаго содержанія: 1, съ обѣихъ сторонъ обязались сохранять миръ и дружбу на вѣчныя времена; 2, Руссамъ дозволено приходить въ Грецію для торговли и для службы Императорамъ; 3, въ случаѣ споровъ между частными лицами, Руссами и Греками, дѣло рѣшится по очевиднымъ доказательствамъ; при недостаткѣ ихъ, клятвою; 4, за смерть, смерть убійцы; если онъ скроется, родственники убиеннаго получаютъ законную часть изъ его имѣнія; 5, за ударъ мечемъ пенья 6 литръ серебра; 6, пойманный въ воровствѣ можетъ быть умерщвленъ на мѣстѣ преступленія; 7, за грабежъ виновный платитъ втрое; 8, выброшенные бурей лодки на Русскій или Греческій берегъ возвращаются хозяину; 9, плѣнники освобождаются; 10, бѣглые рабы Русскіе выдаются владѣльцамъ; 11, имѣніе Русса, умершаго въ Греціи безъ завѣщанія, возвращается въ его отечество. — Тѣсный союзъ съ Греками былъ послѣднимъ дѣломъ Олега, героя незабвеннаго въ нашей исторіи: ибо властвуя счастливо и мудро до самой кончины около 33 лѣтъ, онъ скрѣпилъ крѣпкими

узами разсыянныя поколѣнія Славянъ отъ Бѣлаозера до пороговъ Днѣпровскихъ, отъ истоковъ Оки до горъ Карпатскихъ, съ Норманскими пришельцами въ одинъ народъ Русскій.

15. Игорь, сынъ Рюриковъ, по смерти Олега принявшій достоинство Великаго Князя, не наследовалъ ни ума, ни счастья своего предшественника. Подданные вѣроятно знали его слабость: по крайней мѣрѣ немедленно по кончинѣ твердаго правителя, открылся мятежъ въ землѣ Древлянской; еще сподвижники Олеговы могли смирить непокорныхъ, послѣ долговременныхъ усилій; но въ слѣдъ за тѣмъ обнаружился раздоръ въ самой дружинѣ его: отдавъ платимую Древлянами дань любимцу своему Свѣнелду, онъ возбудилъ ропотъ и зависть въ другихъ вельможахъ.

Игорь.
912-945.

Въ концѣ своей жизни, до старости не ознаменованной никакимъ замѣчательнымъ дѣломъ для внутренняго устройства, ни подвигомъ ратнымъ, увлекаемый вѣроятно корыстолюбіемъ своей дружины, онъ нарушилъ договоръ Олега съ Греками и по примѣру его отправился къ Царюграду въ надеждѣ добычи. Печальный набѣгъ его заставилъ трепетать Императора Романа: Греческій флотъ въ то время сражался съ Сарацинами въ Средиземномъ морѣ; Византія оставалась безъ защиты. Руссы вышли

941.

на берегъ и около 3 мѣсяцевъ опустошали окрестности ея съ ожесточеніемъ: плѣнниковъ распинали или ставили цѣлю для стрѣльбы изъ луковъ; другимъ ломали составы, инымъ вбивали въ голову гвозди. Между тѣмъ подоспѣло на помощь столицѣ восточное войско; Руссы удалились на лодки и вступили въ морскую битву. Греческій огонь, истребляя суда Игоревы, казался воинамъ его небесною молніею. Одни изъ нихъ погибли въ волнахъ, другіе бросились на берега Виѳиніи; но встрѣченные здѣсь храбрымъ Вардою, были побиты наголову. Князь едва спасся съ немногими и ушелъ восвояси.

Желая отмстить Грекамъ за пораженіе, въ три года онъ успѣлъ собрать новое войско, призвалъ изъ за моря Варяговъ или Норманновъ и нанялъ Печенѣговъ. Сей дикій народъ, неизвѣстнаго племени, принадлежавшій къ многочисленному разряду степныхъ ордъ средней Азіи, до исхода IX столѣтія кочевалъ между Ураломъ и Волгою; бывъ выгнанъ изъ тамошнихъ степей другою сильнѣйшею ордою Узовъ или Половцевъ, въ концѣ Олегова правленія онъ приблизился къ Русскимъ предѣламъ и занялъ все пространство отъ береговъ Дона до самой Алуты, облегая весь сѣверный берегъ Чернаго моря. Свирѣлость въ лицѣ, хищность и кровоійство отличали Печенѣговъ отъ прочихъ народовъ. Игорь, заключивъ съ ними союзъ, пошелъ на Грецію, за-

паднымъ берегомъ Чернаго моря. Многочисленную рать его при устьяхъ Дуная встрѣтили Романовы послы съ обѣщаніемъ заплатить дань, какую взялъ нѣкогда Олегъ; между тѣмъ дарили Печенѣговъ и успѣли расторгнуть союзъ ихъ съ Русскимъ Княземъ; онъ взялъ предложенные дары и возвратился въ Кіевъ.

Византійскій дворъ спѣшилъ обязать преемника Олегова, какъ и прежде, письменнымъ договоромъ не тревожить Греціи. По желанію Императора, послы Игоревы явились въ Византію и заключили мирный договоръ, отчасти подтвердивъ Олеговъ, отчасти дополнивъ его новыми статьями, не столь выгодными, какъ прежнія. Руссы клялись не нарушать дружбы, доколѣ сіяетъ солнце и міръ стоитъ; въ противномъ случаѣ, за вредные Грекамъ умыслы, обрекали своихъ единоземцевъ на вѣчную гибель. Руссы, приходившіе въ Грецію, должныствовали предъявлять письменный видъ, чего прежде не требовалось; не всѣ имѣли право получать съѣстные припасы, вопреки договору Олегову, и не могли зимовать въ Греціи, какъ бывало прежде. Кромѣ того Великій Князь обѣщаль отражать Болгарь, безпокоившихъ область Херсонскую, и давать вспомогательное войско по требованію Императора. Всѣ эти условія явно клонились къ пользѣ Грековъ; Руссы, въ замѣнъ ихъ, не получали никакихъ вы-

годъ: самые дары, взятые Игоремъ, кажется, были незначительны.

По крайней мѣрѣ Великій Князь не могъ удовлетворить своей дружины Греческимъ золотомъ. Вельможи, завидуя Свѣнелду, говорили, что отроки его имѣютъ оружіе, одежду, а у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго. Игорь пошелъ въ землю Древлянскую и собралъ дань для своей дружины вооруженною рукою; едва кончился поборъ, онъ пришелъ къ Древлянамъ вторично: жители главнаго города ихъ Коростена озлобились и умертвили Игоря, привязавъ его къ двумъ деревьямъ, которыя разорвали его на части. Древляне отложились отъ Кіева и провозгласили Княземъ своимъ Мала. Главою Руси остался сынъ Игоревъ, малолѣтній Святославъ.

Ольга.
945-957.

16. По смерти Игоря, положеніе Руси было опасное. Малолѣтство преемника его, явное несогласіе дружины, мятежъ Древлянъ, сосѣдство хищныхъ Печенѣговъ, всё это грозило сильными потрясеніями, среди коихъ могли погибнуть плоды ума Олега; болѣе всего надлежало опасаться, что, по примѣру Древлянъ, и другіе Славянскіе народы захотятъ возвратитъ прежнюю волю. Мать Святослава, незабвенная въ нашихъ лѣтописяхъ Ольга, спасла юную Русь. Вопреки обычаю Славянъ, тѣмъ болѣе Норманновъ, присвоивъ верховную власть,

она правила до совершеннолѣтія сына, съ рѣдкимъ по тогдашнему времени благоразуміемъ; не искала новыхъ завоеваній, но ревностно заботилась о внутреннемъ благоустройствѣ, о смягченіи нравовъ, о первыхъ основаніяхъ гражданскаго порядка, и приготовила умы народа къ принятію христіанской вѣры.

Древляне недолго считали себя независимыми: Ольга смирила ихъ местию ужасною, но безъ сомнѣнія справедливою и тѣмъ болѣе нужною, что подобныхъ волненій надлежало опасаться и въ другихъ областяхъ. Молва о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ, описанныхъ въ лѣтописи съ баснословными подробностями, долженствовала оставить сильное впечатлѣніе въ современникахъ и лишить ихъ всякой надежды на успѣхъ борьбы съ Рюриковымъ домомъ.

Зная, что неопредѣлительность въ сборѣ дани была главною виною мятежа Древлянскаго, Ольга сѣгнула установить лучший порядокъ въ подвластной ей странѣ: съ этою цѣлю, какъ заботливая хозяйка, она путешествовала по всему государству, раздѣляла землю на *погосты* и *уроки*, вѣроятно опредѣленные участки, учреждала порядокъ въ платежѣ дани, судѣ и расправѣ; строила мосты; улучшала состояніе городовъ. Не знаемъ въ подробности всѣхъ ея учрежденій; но они должны были быть весьма важны: ибо спустя сто лѣтъ, народъ съ благодар-

ністю воспоминалъ объ ея путешествіи; самые Древляне, строго наказанные Великою Княгинею, знали, гдѣ она останавливалась и забавлялась охотою; а Псковитяне берегли даже сани ея, какъ драгоценность.

957. Важнѣйшую услугу оказала Ольга своему народу принятіемъ христіанской вѣры въ Царѣградѣ. Хотя она не успѣла крестить своихъ подданныхъ, но примѣръ ея, по всей вѣроятности, нашелъ многихъ подражателей, и въ послѣдствіи рѣшилъ недоумѣніе Владиміра. Христа Спасителя славили въ Кіевѣ еще прежде Ольги, вѣроятно со временъ Аскольда и Дира; при Игорѣ тамъ находилась церковь св. Іліи Пророка; въ самой дружинѣ Великаго Князя были христіане. Мудрая Ольга легко могла убѣдиться въ ничтожествѣ идолопоклонства и въ святости христіанской вѣры; она крестилась въ Царѣградѣ въ 957 году. Императоръ Константинъ Багрянородный былъ воспріемникомъ ея отъ купели, а Патріархъ Поліевктъ наставникомъ въ истинахъ христіанскихъ. Возвратясь въ отечество, Ольга желала озарить свѣтомъ религіи и народъ и сына, но безъ насильственныхъ мѣръ, къ коимъ никогда не прибѣгали наши Государи. Убѣжденія ея были тщетны: все зависѣло отъ Великаго Князя, который уже возмужалъ; Святославъ же, помышляя единственно о битвахъ и завоеваніяхъ, отвергалъ ученіе мира и любви, и хб-

тя не запрещалъ подданнымъ креститься, но принявшимъ христіанскую вѣру оказывалъ презрѣніе.

17. Святославъ былъ совершенный идеаль Норманна. Лѣтописецъ описываетъ характеръ его такимъ образомъ: «Собравъ смѣлыхъ воиновъ, Князь стремился въ бранное поле съ быстротою легкаго барса; за нимъ не тянулись обозы съ котлами и яствами: онъ питался кониною и мясомъ дикихъ звѣрей, которое самъ жарилъ на угляхъ: не любилъ и шатровъ: спалъ подъ открытымъ небомъ; конскій цѣтникъ растилалъ подъ собою, сѣдло служило ему изголовьемъ. Таковы были и всѣ воины его». Пятнадцатилѣтнее правленіе его было непрерывною дѣлью браней. Не одна корысть, главная пружина побужденій ему вождей, увлекала его въ отдаленныя земли: онъ искалъ не столько добычи, сколько славы, не менѣе корысти знакомой Норманнамъ, и каждый разъ, когда задумывалъ воевать съ сосѣдями, посылалъ вѣстника сказать имъ: «иду на васъ.»

Свято-
славъ.
957-972.

Прежде всего онъ обратилъ оружіе на востокъ въ страну Славянскаго поколѣнія Вятичей, жившихъ по Окѣ, и покорилъ ихъ. Хазары, считавшіе Вятичей своими данниками, хотѣли исторгнуть ихъ изъ власти Русскаго Князя, и самъ Каганъ вывелъ многочисленное войско: Святославъ разбилъ его на-

голову, овладѣлъ Саркеломъ или Бѣлою Вежею, крѣпостью построенною Хазарами на берегахъ Дона, опустошилъ ихъ страну, простеръ свое оружіе до подошвы Кавказа; разбилъ тамъ Ясовъ и Касоговъ и утвердилъ господство Руссовъ на берегахъ Кубани. Потрясенная имъ Хазарская держава вскорѣ рушилась и была добычею Половцевъ.

967. Съ береговъ Кубани Святославъ перенесъ свое оружіе на берега Дуная въ Болгарію, куда звалъ его Императоръ Никифоръ Фока, въ отмщенье Болгарскому Царю Петру, не согласившемуся признавать надъ собою верховную власть Византійскаго Государя и безпокоившему владѣнія его частыми набѣгами. Великій Князь съ радостію принялъ вызовъ Императора, посадилъ на суда до 60,000 молодыхъ воиновъ и явился въ устьяхъ Дуная. Петръ хотѣлъ отразить высадку; Святославъ разсѣялъ враговъ, овладѣлъ многими Болгарскими крѣпостями, наконецъ и главнымъ городомъ Переяславцемъ (нынѣ Преслава на правомъ берегу Дуная).

Вѣсть о бѣдствіи отечества принудила Святослава вытти изъ Болгаріи: пользуясь отсутствіемъ его, Печенѣги обложили Кіевъ, гдѣ заключилась Ольга съ дѣтьми Великаго Князя Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Кіевляне, изнуренные голодомъ и жаждою, уже помышляли о сдачѣ: смерть или лютая

неволя грозила Великой Княгини и внукамъ ея. Къ счастью, Русскій вождь Претичъ успѣлъ собрать слабую дружину въ окрестностяхъ и рѣшился спасти Княжеское семейство или умереть: при звукѣ трубъ онъ двинулся въ ладьяхъ по Днѣпру, прямо на враговъ, распустивъ слухъ, что за нимъ идетъ самъ Святославъ. Печенѣги оробѣли и удалились. Скоро прибылъ Великій Князь, настигъ свирѣпыхъ грабителей и прогналъ ихъ.

Но спокойная жизнь была для него несмосна. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ *среда* земли моея; туда стекаются всѣ блага: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, плоды; отъ Чеховъ и Угровъ (Венгровъ) серебро и кони; изъ Руси медъ и невольники» Ольга, лежавшая на одрѣ смертномъ, просила дождаться по крайней мѣрѣ ея кончины, и вскорѣ, по выраженію летописи, угасла, какъ денница предъ солнцемъ, какъ заря предъ свѣтомъ. Святославъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, утвердить свою столицу въ Болгаріи. Отправляясь въ походъ, онъ раздѣлялъ Русь между сыновьями: Ярополку отдалъ Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, Владиміру Новгородъ.

Въ Болгаріи однакожь встрѣтилъ Святослава, какъ непріятеля; владѣтель ея поладилъ съ Визан-

тійскимъ Императоромъ, собралъ значительныя силы и не хотѣлъ отказаться отъ престола; соперники вступили въ кровопролитную битву близъ Переславца. Болгары одољвали. «Здѣсь намъ погибнуть, воскликнулъ Сватолавъ, ударимъ, братцы, дружно,» и сломилъ враговъ. Столица Болгаріи взята приступомъ; прочіе города также заняты были Руссами,

Между тѣмъ въ имперіи произошла важная перемѣна. Никифоръ Фѣка погибъ; Армянинъ Іоаннъ Цимисхій облекся порфирію. Въ его маломъ тѣлѣ заключалась сила исполина, соединенная съ рѣдкимъ искусствомъ: ни одинъ воинъ не металъ удачнѣе его ни стрѣлъ, ни копій; ни одинъ атлетъ не славился такою быстротою бѣга и такимъ мужествомъ: нерѣдко онъ одинъ врѣзывался въ толпу враговъ и сразивъ многихъ, возвращался къ своимъ невредимый; въ широкой груди его душа пылала славолюбіемъ героя. Такой Государь не могъ оставить Болгарію во власти Русскихъ. Цимисхій просилъ не тревожить ея, какъ древней области имперіи, и удалиться. Великій Князь отвѣчалъ, что онъ намѣренъ завоевать и Грецію. Отряды его уже начали появляться въ окрестностяхъ Адрианополя. Императоръ двинулъ всѣми силами имперіи: призвалъ Азіатскіе легіоны, составилъ полкъ изъ храбрѣйшихъ витязей, назвавъ его безсмертнымъ, приучилъ

свое войско къ искуснымъ движеніямъ, и вскорѣ явился подъ стѣнами Переяславца, прежде, чѣмъ Великій Князь успѣлъ собрать свои дружины, разсыяныя по городамъ. Вождь его Сфенкаль оборонялъ столицу съ упорствомъ; Греки взяли ее приступомъ и осадили самого Святослава въ Доростолѣ. Одушевляемые примѣромъ Князя, Руссы неоднократно выходили изъ крѣпости, стремительно нападали на враговъ, сражались безъ отдыха по цѣлымъ днямъ, нѣсколько разъ приводили въ замѣшательство легионы; но Цимисхій всегда одолевалъ многочисленностію войска, искусствомъ движеній, личною храбростію. Потерявъ главныхъ вождей, видя кругомъ себя немногихъ воиновъ, изнуренныхъ голодомъ, Святославъ созвалъ дружину на совѣтъ и хотѣлъ знать, на что думаетъ она рѣшиться. Одни предлагали миръ съ Греками, другіе съѣсть на суда и отправиться восвояси. «Бѣгство не спасетъ насъ, сказалъ Святославъ, сразимся волею и неволею, да не посрамятъ земли Русской: мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ крѣпко. Я иду предъ вами, и если положу свою голову, промышляйте, какъ хотите.» «Гдѣ твоя глава ляжетъ, отвѣчали Руссы, тамъ и свои головы сложимъ.» Открылась послѣдняя отчаянная битва; долго она колебалась, доколѣ жестокая рана не принудила Святослава оставить поле брaженія. Утративъ большую часть войска, онъ предложилъ Цимисхию миръ,

согласился оставить Болгарію, не тревожить Византійской имперіи, и, утвердивъ дружбу личнымъ свиданіемъ съ Императоромъ, спѣшилъ возвратиться въ отечество. Греки дали знать Печенѣгамъ, кочевавшимъ при устьѣ Днѣпра, что Русскій Князь идетъ съ богатою добычею. Варвары заслонили ему путь; Святославъ хотѣлъ пробиться, но близъ 972. пороговъ Днѣпровскихъ палъ въ сѣчѣ.

Вражда
Святосла-
вичей.
972-980.

18. По смерти Святослава, Русь осталась раздробленною между его сыновьями, Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, на три княжества: Кіевское, Древлянское и Новгородское. Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, принялъ достоинство Великаго Князя, или главы семейства; но удѣлы братьевъ были ему не подвластны: каждый Князь сообразно понятіямъ вѣка, считалъ свою область неотъемлемою собственностію. При независимости Князей, при воинственномъ духѣ Норманновъ, междоусобія были неминуемы. Дѣти Святославовы разсорились за его любимца и сподвижника: Князь Древлянскій убилъ на охотѣ Свѣнелдова сына Люта; престарѣлый отецъ, сражавшійся подъ знаменами Игоря и Святослава, неотступно требовалъ мести отъ Великаго Князя. Ярополкъ, въ наказаніе брату, хотѣлъ, кажется, лишить его Древлянской области; но судьба устроила иначе: побѣжденный въ битвѣ, Олегъ спасался бѣгствомъ въ городъ Овручъ; тѣс-

нившіея войны столкнули его съ мосту; тѣло его, раздавленное конями, едва могли отыскать подъ грудю мертвыхъ. Ярополкъ не желалъ смерти его и плакалъ надъ трупомъ брата; но по тогдашнему понятію о родовой мести, кровь требовала крови; союзъ родства былъ расторгнутъ. Младшій братъ, Владиміръ, смотрѣлъ на старшаго, какъ на врага своего рода, и считалъ своею обязанностію отмстить смерть брата смертію братоубійцы. Для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ удалился за море къ Норманнамъ, въ два года собралъ многочисленную дружину и пришелъ въ Русскую землю съ явнымъ намѣреніемъ отмстить брату; прежде всего отнялъ у него невѣсту Рогнѣду, дочь Полоцкаго Князя Рогвольда, присвоившаго независимую власть надъ Полочанами; самого Рогвольда и дѣтей его умертвилъ; въ Полоцкѣ же утвердилъ свое господство. Ярополкъ, терзаемый совѣстію, не принималъ мѣръ къ сопротивленію; даже любимцы его держали сторону Владиміра; по совѣту одного изъ нихъ, Блуда, онъ предался въ руки брата, который въ собственномъ теремѣ велѣлъ его умертвить.

19. По смерти Ярополка, оставшись единовла- Владиміръ, стителемъ Руси, Владиміръ первые восемь лѣтъ лѣтописи 980-988. своего правленія ознаменовалъ безпрестанными походами: смирялъ непокорныхъ Вятичей, обуздывалъ Радимичей, ходилъ въ нынѣшнюю Галицію, гдѣ

овладѣлъ Перемышлемъ и другими независимыми городами Червенскими; истреблялъ хищныхъ Ятвяговъ, Латышское поколѣніе при верховьяхъ Нѣмана, бралъ дань съ единоплеменныхъ имъ обитателей нынѣшней Лифляндіи; господствовалъ надъ Полочанами, переносилъ свое оружіе на самую Волгу, гдѣ бился съ Камскими Болгарами, единоплеменниками Болгаръ Дунайскихъ; кромѣ того велъ непрерывную войну съ Печенѣгами. Слѣдствіемъ походовъ его, увѣнчанныхъ побѣдами, было новое расширеніе предѣловъ Руси, преимущественно на западъ до нынѣшняго Люблина, Бреста, Гродна и Дерпта. Торжествуя побѣды, Владиміръ изъявлялъ живѣйшее усердіе къ богамъ своихъ предковъ: строилъ капища, воздвигалъ кумиры и приносилъ людей въ жертву идоламъ. Между тѣмъ въ судьбѣ Руси готовилась великая перемѣна. Чтобы вполнѣ понять всю важность этой перемѣны, бросимъ взглядъ на состояніе нашего отечества предъ введеніемъ христіанской вѣры.

Русь
въ 988.

20. Русская земля простиралась отъ истоковъ Вислы до устья Оки, отъ Ладожскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ. Обитатели ея, имѣя общее названіе Руссовъ, состояли изъ трехъ главныхъ разноплеменныхъ народовъ, изъ Славянъ, Финновъ и Норманновъ: первые занимали все пространство отъ истоковъ Вислы до береговъ Оки, отъ Ильмена

до пороговъ Днѣпровскихъ; вторые жили къ востоку отъ нихъ за Волгою и Окою; Норманны, господствуя надъ обоими племенами, составляли вмѣстѣ съ ними одинъ народъ Русскій. Самое многочисленное племя было Славянское; его языкъ, нравы и обыкновенія господствовали въ Русской землѣ; различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами, столь замѣтное при первыхъ Князьяхъ, стало исчезать уже при внукаъ Рюрикѣ-вомъ, Святославѣ, первомъ Князѣ Славянскаго имени; при Владимірѣ оно еще болѣе ослабѣло; всѣ почти дѣти его имѣли Славянскія имена; первый вельможа и пестунъ его, Добрыня, былъ Славянинъ; при всемъ томъ оно не могло совершенно искорениться: его поддерживали новыя толпы Норманновъ, охотно приходившія въ Русскую землю: они приносили съ собою свой языкъ, свою вѣру, свой образъ жизни, и не допускали единоплеменниковъ своихъ до рѣшительнаго сліянія съ туземцами.

Предѣлы Русской земли означались; Русскій народъ возникъ; но еще не рѣшенъ былъ вопросъ, Удѣльное право. долженъ ли онъ составлять одно цѣлое, или раздѣлиться на нѣсколько частей самостоятельныхъ. Введенная Норманнами система господства, имѣя основаніемъ право удѣльное, клонилась болѣе къ раздробленію Русской земли на нѣсколько государствъ независимыхъ, чѣмъ къ соединенію ихъ

въ одну державу. Каждый сынъ Великаго Князя былъ Князь по рожденію и имѣлъ право на удѣль, долженствовавшій оставаться отчиною или собственностію его потомковъ. Такой порядокъ престолонаслѣдія не могъ разорвать Русской земли въ послѣдствіи, когда Ярославъ опредѣлялъ взаимныя отношенія Князей, и установились лучшія понятія о правахъ верховной власти. Но теперь этихъ условій еще не было. Самое кровное родство, при необузданности страстей, при суровости нравовъ, было слабымъ залогомъ единства Руси. Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ доказало, отъ какихъ ничтожныхъ случаевъ могла возгорѣться вражда между братьями и какъ непримиримы были ихъ распри.

Право
дани.

Отношенія Князей къ подданнымъ не могли благоприятствовать смягченію нравовъ. Ни тѣ, ни другіе не имѣли ясныхъ понятій о цѣли гражданской жизни. Князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ; брали все, что могли, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ, и скликали подъ свои знамена ратниковъ, съ коими ходили въ чуждыя страны, также за добычею. Покоренные оружіемъ ихъ народы повиновались имъ до тѣхъ только поръ, доколѣ видѣли невозможность сопротивленія; но смотрѣли на господство Князей, какъ на иго, и ловили каждый случай,

чтобы избавиться отъ него. Малѣйшая слабость Великаго Князя, неудача его походовъ, семенная распря, все влекло за собою неминуемое возстаніе то въ томъ, то въ другомъ поколѣніи. Древляне едва не отдѣлились отъ Кіева, по смерти Игоря; Полочане уже не признавали власти Святослава; Радимичи, Вятичи искали независимости во время междоусобія дѣтей его.

Духъ раздора господствовалъ и въ частной жизни. Основаніемъ ея было право личной родовой мести. «Кровь за кровь, смерть за смерть» гласилъ законъ Русскій. Родственники убиеннаго или обиженнаго мстили не только виновному лицу, но и всему семейству его легко вообразить, какъ неизсякаемы были источники распрей и какъ непримирима была вражда, когда самый ничтожный случай могъ вооружить многія семейства одно противъ другаго. Право личной и родовой мести замѣтно въ договорахъ Олега съ Греками, которые, заключая съ нимъ дружбу, непремѣннымъ условіемъ мира постановили, что жена злодѣя не должна быть наказываема вмѣстѣ съ мужемъ, и что если виновный въ легкомъ проступкѣ не можетъ вознаградить обиженнаго всѣмъ имуществомъ, то клятва его прекращаетъ дальнѣйшую расправу. Самое разительное доказательство, что это право господствовало въ Руси, есть смерть Ярополка: Влади-

Право
мести.

міръ считалъ кровь старшаго брата необходимою для успокоенія тѣни младшаго и безъ сомнѣнія съ чистою совѣстію совершилъ братоубійство.

Такимъ образомъ, хотя преемники Рюрика успѣли завязать первый узелъ общественный; но Русь, какъ государство, еще не окрѣпла въ своемъ основаніи: право удѣльное разрывало ее на части; право безусловной дани ослабляло союзъ между Князьями и подданными; право родовой мести замедляло развитіе гражданской жизни. Юная Русь легко могла разрушиться и исчезнуть, такъ точно какъ возникали и исчезали прежде ея союзы народовъ Скиѣскихъ, о коихъ упоминаютъ древніе писатели. Казалось, ей не льзя было миновать этой участи. Самъ Владиміръ готовилъ ее въ жертву безначалія: имѣя 10 сыновей еще юныхъ, онъ ожидалъ только ихъ возраста, чтобы раздробить свою державу, сообразно понятіямъ вѣка. Слѣдствія можно было предвидѣть: Кіевскому престолу надлежало пасть; узы государства должны были раторгнуться, и скорѣе, чѣмъ въ полвѣка, тамъ гдѣ властвовали Олегъ, Святославъ, Владиміръ, могли явиться независимые кадики, какъ было до пришествія Норманновъ. Но Провидѣніе пеклось о Русской землѣ: Владиміръ далъ ей непрколебимую основу, соединилъ многочисленныя поколѣнія неразрывными узами и указалъ вѣрный путь къ

гражданственности: въ 988 году онъ принялъ со всѣмъ народомъ христіанскую вѣру.

IV. ВВЕДЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

988.

21. Евангеліе, подтверждая всеобщія истины здраваго смысла, проповѣдуя чистѣйшую нравственность, безъ противорѣчія, безъ перерывовъ, изображая въ Верховномъ Существоѣ не карателя смертныхъ, но безпредѣльную благодѣтельность, любовь и надежду, вездѣ и всегда приносило человѣку даръ, ко-его никакая мудрость смертнаго замѣнить не можетъ: смягчивъ сердце, озаривъ умъ, давъ просторъ всѣмъ благороднѣйшимъ способностямъ души, оно пробуждало въ народахъ стремленіе къ миру и общежитію, соединяло ихъ въ благоустроенныя общества и утверждало гражданственность на прочныхъ основаніяхъ. Плоды христіанства вездѣ были одни и тѣже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ иныхъ странахъ созрѣвали рано и спокойно, въ другихъ поздно, среди жестокихъ потрясеній, смотря по тому, какъ вѣдрялись сѣмена св. вѣры. Отъ перваго посѣва, отъ средствъ, коими дѣйствовали сѣятели, зависѣла участь и Исторія народа. Слѣдовательно, для истиннаго понятія о вліяніи христіанской вѣры

Вліяніе
св. вѣры.

на Русскій народъ, должно предварительно рассмотретьъ, какимъ образомъ она водворилась въ нашемъ отечествѣ.

Крещеніе
Руск.

22. Несторъ, имѣвшій всѣ средства узнать отъ внуковъ Владимірова поколѣнія главныя обстоятельства крещенія Руси, передалъ потомству слѣдующія свѣдѣнія :

«Въ 987 году Владиміръ, созвавъ бояръ и старейшинъ, говорилъ имъ, что приходили къ нему Болгары и совѣтовали принять свой законъ; что Нѣмцы также хвалили свою вѣру; за ними Евреи, наконецъ Греки; что послѣдніе порицали всѣ иные законы, признавая одну свою вѣру истинною, и рассказывали много удивительнаго о сотвореніи міра, о судьбѣ перваго человѣка, о будущей жизни, о блаженствѣ людей праведныхъ, о вѣчной мукѣ грѣшныхъ. Бояре и старцы отвѣчали, что всякъ свое хвалить, а не порицаетъ, что у Князя довольно людей разумныхъ: пусть пошлетъ испытать, чья вѣра лучше. Владиміръ послѣдовалъ ихъ совѣту и отправилъ десять мужей смышленныхъ и добрыхъ, узнать, кто лучше всѣхъ покланяется Божеству, сперва въ Болгарію, признававшую Магомета, потомъ въ Нѣмецкую землю, подвластную папѣ, наконецъ въ Грецію. Императоры Византійскіе Василій и Константинъ, узнавъ причину прибытія Русскихъ

пословъ, были весьма рады, приняли ихъ съ честью и велѣли патриарху совершить торжественную службу, сказавъ: «да видятъ Руссы славу Бога нашего.» Изумленные великолѣпиемъ Греческаго богослуженія, они были въ восторгъ. По возвращеніи ихъ, Князь созвалъ бояръ и старцевъ: послы рассказывали Князю и его дружинѣ, что въ Болгаріи люди поклоняются въ капищахъ, печальныхъ, сирадныхъ; что въ храмахъ Нѣмецкихъ много обрядовъ, но мало величія; въ Греціи же, когда послы вступили въ храмъ, не знали, гдѣ они, на небѣ или на землѣ, что на землѣ нѣтъ такой красоты, такого величія, что въ Греческихъ храмахъ присутствуетъ самъ Богъ; и какъ всякій человекъ, вкусивъ сладкое, не хочетъ горькаго, такъ и они, узнавъ вѣру Грековъ, не могутъ служить богамъ своимъ. Бояре и старцы сказали Владиміру, что если бы вѣра Грековъ была не лучшая, не приняла бы ея бабка Великаго Князя Ольга, мудрейшая изъ людей. Владиміръ изъявилъ желаніе креститься, не зналъ только гдѣ.

«На другой годъ послѣ этого совѣщанія, Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ Тавриду и осадилъ Греческой городъ Херсонъ (въ 2 верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя). Жители оборонялись упорно. Владиміръ велѣлъ дѣлать насыпь близъ городской стѣны, чтобы влѣзть на стѣны; осаждаемые по-

средствомъ тайнаго подкопа уносили землю. Усердіе одного Грека помогло ему: нѣкто Анастасъ бросилъ къ осаждающимъ стрѣлу съ запискою, что на востокъ отъ Русскаго стана есть колодези, изъ коихъ вода течетъ въ городъ подземнымъ каналомъ, что Русскіе, перенявъ ее, овладѣютъ городомъ. Владиміръ, давъ обѣтъ принять святое крещеніе, если покорить Херсонъ, перекопалъ трубы; вода установилась; томимые жаждою, Греки сдались. Побѣдитель велѣлъ объявить Императорамъ Василю и Константину, что онъ требуетъ руки сестры ихъ царицы Анны; если же получить отказъ, столицѣ ихъ не миновать той же участи, какаѣ постигла Херсонъ. Изумленные Императоры отвѣчали, что христіанка не можетъ быть супругою язычника; принявъ же святое крещеніе, Владиміръ и руку царицы получить и въ царство небесное видѣть; иначе сестры своей не отдадутъ. Князь увѣрялъ Греческихъ пословъ, что онъ любитъ Греческую вѣру, уже давно испыталъ ее, и согласенъ быть христіаниномъ; ждетъ только царицы и священниковъ, чтобы креститься. Братья съ трудомъ уговорили сестру быть мабавительницей имперіи отъ лютыхъ завоевателей. Съ ужасомъ и скорбью она отправилась въ Херсонъ. Между тѣмъ Владиміръ разболѣлся такъ, что ничего не могъ видѣть. Прибывшая царица совѣтовала ему креститься, увѣряя въ немедленномъ облегченіи. Онъ согласился. Едва

исполнился обрядъ св. крещенія и епископъ возложилъ на него руку, Великій Князь прозрѣлъ и воскликнулъ съ восторгомъ: «Наконецъ увидѣлъ я Бога истиннаго.» Дружина послѣдовала его примѣру. Брачное торжество не замедлило совершиться.

«Просвѣщенный ученіемъ христіанскимъ, Владиміръ построилъ церковь въ Херсонѣ, тамъ, гдѣ Греки ссыпали землю, уносимую во время осады, возвратилъ городъ Императорамъ и сопровождаемый супругою, Анастасою, Херсонскими священниками, снѣшилъ возвратиться въ отечество, взявъ съ собою мощи св. Климента и Фива; иконы, сосуды и проч. Прибывъ въ Кіевъ, онъ велѣлъ истреблять кумиры; одни изъ нихъ были изрублены, другіе сожжены; а Перуна, главнаго идола, приказалъ привязать къ хвосту конскому и бросить въ Днѣпръ; народъ, огорченный поруганіемъ боговъ своихъ, разставаясь съ ними, проливая слезы, но противиться не дерзнулъ. Послѣ того, Владиміръ объявилъ, чтобы всѣ жители, богатые и убогіе, собирались на берегъ Днѣпровскій для принятія крещенія; если же кто не явится, тотъ будетъ ему противенъ. Кіевляне не прекословили, рассуждая, что если бы новая вѣра была не добрая, Князь и бояре не приняли бы ея. Въ назначенный день безчисленное множество людей обою пола стеклось на берегъ Днѣпровскій, и когда

явился Владиміръ съ супругою и священниками, весь народъ погрузился въ воду: одни до персей, другіе по самую шею; взрослые держали младенцевъ. Тайнство св. крещенія совершилось. Въ этотъ день, говоритъ лѣтопись, земля и небо ликовали. Послѣ того Великій Князь велѣлъ построить церкви, тамъ, гдѣ стояли кумиры, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ и селахъ. Святая вѣра озарила всю Русскую землю.»

Сказаніе Нестора несомнительно въ двухъ главныхъ обстоятельствахъ, болѣе всего важныхъ для Исторіи, именно въ томъ, что въ половинѣ X вѣка Владиміръ принялъ со всѣмъ народомъ своимъ христіанскую вѣру отъ Грековъ, содѣйствіемъ Греческой царицы Анны, бывшей непремѣннымъ условіемъ его крещенія, и что св. религія водворилась въ нашемъ отечествѣ мирно, безъ явнаго насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ. Въ истинѣ перваго событія удостовѣряетъ свидѣтельство современныхъ писателей Греческихъ, Нѣмецкихъ, Арабскихъ, согласныхъ съ Несторомъ если не въ подробностяхъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ обстоятельстве. Истину втораго событія подтверждаетъ, — кромѣ молчанія нашихъ лѣтописей, о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, чего онѣ безъ сомнѣнія не утаили бы, чтобы тѣмъ разительнѣе показать святость торжествующей религіи, — состояніе Руси въ XII

вѣкъ при внукахъ Владимира, когда во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ его дому, обнаруживаются очевидные признаки исключительнаго господства христіанской вѣры, между тѣмъ, какъ слѣдовъ идолопоклонства вовсе не замѣтно.

23. Считаю излишнимъ и едва ли возможнымъ ^{Причиной} объясненіе вопроса, что побудило Владимира ^{быстраго} оставить вѣру предковъ, и для чего онъ воевалъ съ ^{распрост.} Византиєю, коей дружба была для него необходима, ^{св. вѣры.} обратимъ вниманіе на обстоятельства, благопріятствовавшія мирному и съ тѣмъ вмѣстѣ быстрому распространенію христіанской вѣры въ Русской землѣ. Они могли быть слѣдующія:

Славяне-язычники и слияшіеся съ ними Норман- ^{Скудость} ны, вѣря въ бытіе верховнаго Міроправителя, въ ^{мифологіи.} провидѣніе, въ безсмертіе души, не успѣли однакожь, подобно Элинамъ, составить стройной, разнообразной системы многобожія: слѣдовательно не находя въ вѣрѣ праотцевъ удовлетворительнаго рѣшенія многихъ загадокъ, раждающихся въ умѣ самаго грубаго человѣка, о смерти, о будущей жизни, о добродѣтели и пороцѣ, охотно разставались съ скудною своею мифологією, когда слышали голосъ истины, столь понятный здравому, свѣтлому смыслу, коимъ искони отличался народъ Русскій. Надобно было только вразумить ихъ въ св. Писаніе.

Благоразу-
міе миссіо-
неровъ.

Къ величайшему счастью, они приняли Евангеліе не изъ Рима, а изъ Византіи. Латинскіе миссіонеры не обращали ни одного народа въ христіанскую вѣру, не вооруживъ противъ себя язычниковъ, и съ величайшимъ трудомъ, при немовѣрныхъ усиліяхъ, достигали своей цѣли. Обыкновенно въ каждой странѣ, гдѣ они проповѣдывали ученіе Христова, ихъ встрѣчали какъ непримиримыхъ враговъ: въ отечествѣ древнихъ Саксовъ, въ землѣ Славянъ западныхъ, въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Ливоніи, не говоря уже объ Америкѣ, они вступали въ жестокую борьбу съ туземцами и не рѣдко гибли отъ ярости озлобленнаго народа. Виною тому былъ не столько упорный нравъ туземцевъ, сколько самый образъ проповѣди: съ Латинскою бібліею въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, приходили къ нимъ Римскіе монахи, сопровождаемые не рѣдко войскомъ, совершали непонятныя для язычниковъ обряды, на чуждомъ нарѣчій, требовали себѣ десятины или десятой части всего имущества ихъ и безусловнаго повиновенія Римскому первосвященнику; встрѣчали, разумѣется, всеобщій ропоть; начиналась борьба; пришельцы или гибли сами, или одолавали язычниковъ оружіемъ. Такъ дѣйствовали они, при Карлѣ Великомъ и Оттонахъ, въ землѣ Саксовъ и западныхъ Славянъ; такъ исчезали въ релігіозной борьбѣ цѣлыя племена Пруссовъ и Ливонцевъ. Вотъ, почему Трирскій монахъ Адалбертъ, прислан-

ный Оттономъ I при св. Ольгѣ крестить Русскую землю, едва спасся отъ ярости озлобленныхъ Руссовъ. — Иначе проповѣдывали Христово ученіе Греческіе миссіонеры: постигая простую истину, что въ дѣлахъ совѣсти необходимо убѣжденіе, а не насиліе, они всегда заботились о переводѣ св. Писанія на языкъ понятный для тѣхъ народовъ, коихъ желали обратить въ христіанскую вѣру, и далеко превосходя Латинскихъ монаховъ умомъ гибкимъ, вкрадчивымъ, краснорѣчіемъ увлекательнымъ, самою чистотою нравовъ, приобрѣтали довѣренность полудикихъ народовъ и безъ труда озаряли ихъ свѣтомъ истины. Такъ при содѣйствіи Грековъ, Библія была переведена на языки Готскій, Сирскій, Египетскій, Армянскій. Они же переложили ее и на Славянскій, сличкомъ за сто лѣтъ до крещенія Владиміра, трудами братьевъ Кирилла и Мефодія, ученыхъ мужей, родомъ изъ Фессалоники.

Присланные Греческимъ Императоромъ Михаиломъ Переводъ Библіи. въ Моравію, по просьбѣ тамошнихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, для утвержденія христіанской вѣры, въ чемъ не могли успѣть Латинскіе миссіонеры, Кириллъ и Мефодій прежде всего приняли на себя трудъ перевести Библію и церковныя книги на языкъ Славянскій, бывъ убѣждены, что самая лучшая проповѣдь есть Евангеліе, когда только истины его будутъ вняты народу. Важныя

препятствія ожидали ихъ въ этомъ великомъ дѣлѣ: Славянской грамоты еще не было; самый языкъ, выражая мысли народа грубаго, едва знакомаго съ понятіями гражданскими, казалось, не могъ передать всѣ красоты Греческаго языка, столь богатаго словами, столь разнообразнаго оборотами. Благочестивая ревность проповѣдниковъ указала имъ средства преодолѣть то и другое препятствіе. Они составили Славянскую азбуку, принявъ за основаніе Греческую, съ дополненіемъ изъ Еврейской и Армянской такихъ буквъ, которыя выражали звуки несвойственныя Грекамъ. По совершеніи этого труда, приступили къ переводу св. Писанія. Избранное ими нарѣчіе, по мнѣнію однихъ писателей, было Чешское или Богемское, по мнѣнію другихъ смѣшанное изъ Болгарскаго, Сербскаго и Македонскаго. Блестящій успѣхъ увѣчалъ труды ихъ: въ короткое время они переложили на Славянскій языкъ весь кругъ церковныхъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи. Общій голосъ свидѣтельствуешь, что ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ не имѣетъ столь вѣрнаго, точнаго перевода Библии, какъ Славяне. Не только смыслъ, самыя отгѣнки слога, величественная простота, торжественность св. Писанія, все это передано съ удивительною точностію. Естественно рождается вопросъ, какимъ образомъ успѣли переводчики выразить высокія, нерѣдко отвлеченныя истины Евангельскія, языкомъ

народа грубаго, не простиравшаго понятій далѣе своего стада, плуга, или хищнаго набѣга! Трудно рѣшить этотъ вопросъ; не лѣзя однакожь не замѣтить, что въ самомъ языкѣ Славянскомъ они могли найти пособіе къ преодолѣнію многихъ препятствій: служа орудіемъ къ выраженію мыслей народа, всегда отличавшагося умомъ свѣтлымъ, смысломъ здравымъ, рѣдкою смѣтливостію, языкъ Славянской даже въ грубомъ состояніи имѣлъ свойственное ему логическое устройство, соединенное съ гибкостію и разнообразіемъ оборотовъ. Умные переводчики постигли его таинства, смѣло составляли новыя выраженія, изобрѣтали новыя формы, новыя окончанія, созидали языкъ, но языкъ Славянской, правильный, въ коемъ не было ни чуждыхъ звуковъ, ни чуждыхъ оборотовъ, исключая развѣ не многихъ случаевъ; все новое было извлечено изъ его же основныхъ началъ и ознаменовано свойственнымъ ему характеромъ. Этотъ переводъ св. Писанія, составленный для Моравовъ, бывъ введенъ въ Русскую землю вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, рѣшительнѣе всего могъ благопріятствовать распространенію св. ученія въ нашемъ отечествѣ.

Имѣя въ рукахъ столь вѣрное средство къ объ- Приказъ св. Ольги.
ясненію христіанскаго вѣроисповѣданія, Греческіе миссіонеры, коихъ имена, исключая одного Анастаса, къ сожалѣнію неизвѣстны, тѣмъ съ большимъ успѣ-

хомъ могли дѣйствовать въ Русской землѣ, что тамъ умы давно были приготовлены: въ Киевѣ еще при Игорѣ была церковь св. Иліи Пророка; въ самой дружинѣ Владимірова дѣда находились многіе христіане; въ особенности примѣръ Ольги не могъ не оставить сильнаго впечатлѣнія въ народѣ, признававшемъ ее мудрою.

Реальность
Владжиря.

Много могъ содѣйствовать имъ и самъ Владиміръ. По достовѣрному сказанію лѣтописи, послѣ крещенія онъ преобразился въ иного человѣка: бывъ язычникомъ, онъ безжалостно истребилъ семейство Рогвольда, обогрѣлъ руки въ крови брата, принеся въ жертву идоламъ людей; ставъ христіаниномъ, онъ до того умягчился душою, что самыхъ злодѣевъ не хотѣлъ казнить смертію и изъявлялъ живѣйшее усердіе къ Богу христіанскому: строилъ во славу Его, при пособіи Греческихъ художниковъ, великолѣпные храмы, изъ коихъ наиболѣе достопамятна церковь Десятинная, велѣлъ учить отроковъ грамотѣ и возвысилъ санъ духовный въ глазахъ народа, предоставивъ въ вѣдѣніе служителей церкви браки, разводы, несогласія между родителями и дѣтьми, церковную татьбу, непристойные поступки и проч. Кромѣ того, немедленно по принятіи христіанской вѣры, онъ поручилъ своимъ дѣтямъ въ управленіе города и области, давъ имъ въ совѣтники людей, усердныхъ къ христіанству.

24. При такомъ стеченіи благоприятныхъ обстоятельствъ, св. вѣра, согласно съ преданіемъ Нестора, мирно водворилась въ нашемъ отечествѣ, какъ благодать Неба, быстро озарила всю Русь и принесла плоды вождельные.

Вѣра во Христа Спасителя, имѣя основаніемъ миръ, любовь и надежду, долженствовала неминуемо смягчить нравы, обуздать страсти, ослабить право родовой мести, которое иначе могло быть весьма пагубно, при господствѣ удѣльнаго права.

Кромѣ того сильнѣе языка, самыхъ кровныхъ узъ родственныхъ, соединяя людей тѣсными узами единовѣрія, она сроднила побѣдителей съ побѣжденными, уничтожила между ними различіе, и рѣшительнѣе всѣхъ уставовъ содѣйствовала къ сліянію разноплеменныхъ обитателей Русской земли въ одинъ народъ, въ одно общество гражданское, коему она внушила ясныя понятія о будущей жизни, о добродѣтели, о необходимости закона, верховной власти, т. е., о такихъ условіяхъ, кои служатъ стихіями государственнаго благоустройства.

Эти плоды были неминуемымъ слѣдствіемъ свойства самой религіи, и Русь раздѣляла ихъ со всею Европою, обязанною единственно христіанской вѣрѣ перевѣсомъ своимъ надъ прочими частями свѣта на

поприщѣ гражданственности и образованности. Вместе съ тѣмъ христіанство принесло нашему отечеству другія выгоды, коихъ не имѣла западная Европа и кои были слѣдствіемъ крещенія Владиміра по Греческому закону: сроднивъ Русь съ Греціею и отдаливъ ее отъ Рима, вѣра даровала нашему отечеству особенное, самобытное направленіе и образовала изъ него міръ отдѣльный, отличный отъ міра западнаго въ главныхъ условіяхъ государственныхъ, въ устройствѣ іерархіи, въ кругѣ дѣйствій власти свѣтской и духовной, въ связяхъ внѣшней политики и во всѣхъ учрежденіяхъ внутреннихъ. Ниже увидимъ, что со времени Ярослава, Русское духовенство находилось въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ верховной власти, и отечество наше не испытало тѣхъ бѣдствій, кои были удѣломъ западной Европы, подвластной Римскому первосвященнику. Тѣсная связь съ Греціею принесла намъ и другую важную выгоду: мы получили изъ Греціи многообразныя свѣдѣнія, столь плодотворныя при первомъ развитіи ума гражданского.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Греки, давъ намъ переводъ св. Писанія на языкѣ народномъ, доставили величайшую услугу, коею мы не могли надѣяться получить изъ Рима. Рѣдкое событіе имѣло столь важное, благотворное вліяніе на судьбу на-

шего отечества, какъ ученый трудъ Кирилла и Меѳодія. Слушая Божіе слово на языкѣ понятномъ, Русскіе встрѣтили св. вѣру, какъ что то родное, приняли ее безъ прекословія и такъ усвоили, что она стала непремѣннымъ условіемъ бытія народнаго, элементомъ Русской жизни, подобно языку или власти самодержавной. У насъ не было того страннаго разлада церкви съ обществомъ, который столь разителенъ въ западной Европѣ, крещенной Римскимъ духовенствомъ. Легко вообразить, какъ трудно было Германскимъ народамъ убѣдиться, что св. вѣра есть необходимое условіе ихъ жизни, когда они слышали ея ученіе на языкѣ невразумительномъ: протекло нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ христіанская церковь въ западной Европѣ сроднилась съ обществомъ. Подобная участь грозила и нашему отечеству, еслибы Греки не принесли намъ перевода Библии Кирилла и Меѳодія. Въ ихъ незабвенномъ трудѣ должно искать источника того религіознаго направленія, которое постоянно было отличительною чертою Русскаго народа: ибо св. вѣра слилась съ нашею жизнію. Стоитъ посмотрѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и нынѣ простой народъ, не говоря о классѣ образованномъ, припоминаетъ, что слышитъ въ храмѣ Божіемъ. Предки наши были убѣждены, что только тотъ, кто исповѣдуетъ законъ христіанскій по Греческимъ обрядамъ, заслуживалъ имя Русскаго; признавались у насъ хри-

стіанами и народы подвластивѣ папѣ, но папистъ не могъ быть Русскимъ.

Переводъ Библии замѣчательнъ и въ другомъ отношеніи: онъ установилъ языкъ. Наши писатели смотрѣли на трудъ Кирилла и Меѳодія, какъ на образецъ совершенный, единственный, старались подражать ему въ изложеніи своихъ мыслей, въ оборотахъ, въ слогахъ. Конечно излишняя подражательность сковывала языкъ и отдаляла мало по малу письменный или книжный отъ разговорнаго, такъ, что въ послѣдствіи разность между ними стала весьма ощутительна; но въ тоже время она поддерживала въ немъ единство, не допустила его разрозниться на многія нарѣчія и соблюдала чистоту его отъ примѣси чужеземной. Притомъ, языкъ письменный однимъ, такъ сказать, порывомъ сталъ на ту степень, коей достигли Герmano-Латинскія нарѣчія чрезъ нѣсколько вѣковъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій. Славянскій переводъ Библии, присвоивъ по крайней мѣрѣ существенныя достоинства Греческаго, заключающаго въ себѣ образцы краснорѣчія повѣствовательнаго, поучительнаго, описательнаго, представлялъ Русскимъ богословамъ, историкамъ, поэтамъ неисчерпаемый источникъ богатства.

Все это должно было имѣть рѣшительное вліяніе на умственное развитіе: мы имѣли въ семь

отношеніи неисчислимыя выгоды предъ западною Европою. Когда ни одинъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ X вѣка не хотѣлъ и не могъ выражать скудныхъ мыслей на языкѣ варварскомъ, т. е. народномъ, когда въ самыхъ храмахъ славили Бога христіанскаго на языкѣ мертвомъ, для немногихъ вразумительномъ, когда нарѣчія Французское, Англійское, Голландское представляли дикую, нестройную смѣсь выраженій Латинскихъ и Германскихъ, и были еще только въ зародышѣ, языкъ Славянской чистый, величественный, общій для Государя и подданныхъ, для духовенства и мірянъ, имѣлъ уже форму постоянную, опредѣлительную, въ которую влились красоты богатѣйшаго въ мірѣ языка Греческаго. Еслиже плоды не соотвѣтствовали началу, и Европа въ послѣдствіи далеко опережала насъ на поприщѣ умственного образованія, виною тому было стеченіе многихъ обстоятельствъ: по крайней мѣрѣ, до нашествія Монголовъ, мы не уступали Европѣ въ надеждѣ на блестящую будущность.

V. ПРАВЛЕНІЕ ЯРОСЛАВА I

1019 — 1054.

25. Владиміръ, слѣдуя духу времени и коренному Святополькъ обычаю Скандинавовъ, по коему каждый членъ 1014 - 1019.

владѣтельнаго дома имѣлъ право на участокъ, вскорѣ по введеніи христіанской вѣры, раздѣлилъ Русскую землю на 12 удѣловъ между своими сыновьями, и уже самъ испыталъ пагубныя слѣдствія такой системы господства: Ярославъ Новгородскій не сталъ платить ему дани, призвалъ Норманновъ изъ за моря и готовился встрѣтить оружіемъ раздраженнаго отца; Владиміръ умеръ, не успѣвъ смирить непокорнаго сына. По смерти его, осталось 8 удѣловъ: въ Новгородѣ княжилъ Ярославъ, въ Ростовѣ Борисъ, въ Муромѣ Глебъ, въ Древлянской землѣ Святославъ, во Владимірѣ (Волынскомъ) Всеволодъ, въ Тмутаракани Мстиславъ, въ Туровѣ Святополкъ, въ Полоцкѣ домъ старшаго сына, Изяслава. Непримиримая вражда раздѣляла Князей на три непріязненные партіи: Святополкъ, сынъ Ярополковъ, усыновленный Владиміромъ, не могъ забыть смерти отца и по праву родовой мести, еще не искорененной христіанскою вѣрою, считалъ своимъ долгомъ успокоить тѣнь его кровавыми жертвами. Изяславъ, сынъ Владиміра и Полоцкой княжны Рогнѣды, отверженный отцемъ вмѣстѣ съ матерью, смотрѣлъ на другихъ сыновей его, какъ на враговъ, и ненависть къ нимъ передалъ сыну своему Брячиславу. Прочія дѣти Владиміра должны были опасаться и Святополка и Брячислава. Междоусобія были неизбежны: они обнаружались немедленно по кончинѣ Владиміра.

Святополкъ, объявивъ себя Великимъ Княземъ, звалъ братьевъ именемъ умирающаго отца, который будтобы желалъ съ ними проститься. Не зная о смерти Владиміра и не подозрѣвая кова, они спѣшили въ Кіевъ; тайные убійцы стерегли ихъ на пути: на берегу Альты умерщвленъ Борисъ Князь Ростовскій, близъ Смоленска Глѣбъ Князь Муромскій, въ области Древлянскоиъ Святославъ. Таже участь готовилась и другимъ дѣтямъ Владиміра. Сестра ихъ Преслава успѣла предостеречь Князя Новгородскаго, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи: отказавъ Владиміру въ дани и замысливъ отразить его вооруженною рукою, онъ призвалъ Норманновъ. Новгородцы, оскорбленные наглостію припешельцевъ, многихъ изъ нихъ убили. Ярославъ, скрывъ мщеніе, созвалъ на пиръ знатнѣйшихъ гражданъ и велѣлъ ихъ умертвить. Едва совершилась эта месть, какъ пришло извѣстіе отъ Преславы о смерти огорченнаго отца, о гибели Бориса и Глѣба, о грозящей опасности всему дому Владимірову. Тутъ Новгородцы явили рѣдкое великодушіе: примирились съ Княземъ, съ Норманнами и пошли на Святополка. Разбитый Ярославомъ на берегахъ Днѣпра, Князь Кіевскій бѣжалъ въ Польшу и просилъ помощи у тестя своего Болеслава Храбраго. Король Польскій, подерживая зятя, вступилъ въ Русскую землю, и на берегахъ Буга разбивъ войско Ярославово, овла-

дѣль Кіевомъ. Ярославъ едва могъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ, откуда думалъ удалиться въ Скандинавію. Новгородцы не пустили его и снова стали вооружаться; собрали поголовную дань; наняли Норманновъ.

Между тѣмъ Святополкъ потерялъ дружбу Болеслава: негодуя на тестя, задумавшаго навсегда остаться въ богатомъ Кіевѣ и присоединить этотъ городъ къ королевству, онъ велѣлъ тайно убивать Поляковъ, безопасно жившихъ по городамъ и селамъ Кіевскимъ. Болеславъ, опасаясь вѣроятно и самъ подобной участи, удалился въ Польшу, овладѣвъ на пути городами Червенскими. Въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Святополкъ; обратился къ лютымъ врагамъ своего отечества, къ Печенѣгамъ, собралъ многочисленныя толпы ихъ и снова хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Бодрый Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Альты, тамъ, гдѣ умерщвленъ Борисъ. Воспламененный местию за кровь брата, онъ стремительно ударилъ на своего злодѣя и, послѣ упорной сѣчи, одержалъ побѣду. Святополкъ, по сказанію Нестора, въ разслабленіи ума, бѣжалъ изъ отечества и скрылся въ Богеміи; по извѣстію же Эймундовой саги, былъ убитъ въ Кіевской области Норманнами. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и началъ господствовать надъ большею частію Русской земли, утвердивъ власть свою въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ро-

стовъ, Муромъ, Туровъ и земля Древлянской. Полоцкъ и Тмуторакань остались за прежними Князьями; города Червенскіе были въ рукахъ Поляковъ.

26. Но распри потомковъ Владиміровыхъ еще не кончились. ^{Брячиславъ и Мстиславъ.} Брячиславъ Полоцкій и Мстиславъ Тмутораканскій не могли довольствоваться своими удѣлами и съ завистію смотрѣли на господство Ярослава въ большей части Владимірова государства. Междоусобія возобновились. Брячиславъ неожиданно напалъ на Новгородъ, ограбилъ его, однакожь не могъ удержать за собою; былъ разбитъ и смирился. Гораздо опаснѣе былъ другой врагъ, Мстиславъ Тмутораканскій: господствуя на берегахъ Кубани, онъ ознаменовалъ себя многими побѣдами надъ народами Кавказскими, разрушилъ Хазарскую державу въ Тавридѣ, такъ, что самое имя Хазаръ исчезло, оставшись въ одной Исторіи, и обратилъ оружіе на Ярослава, вѣроятно досадуя на присвоеніемъ братнихъ удѣловъ. Рожденный болѣе для мирнаго правленія, чѣмъ для войны, Ярославъ не могъ устоять противъ счастливаго соперника, проигралъ битву у Листвена (въ Черниговской области) и долженъ былъ уступить брату цѣлую половину Руси на востокъ отъ Днѣпра. Они заключили искреннюю дружбу, и въ теченіе 10 лѣтъ до самой смерти Мстислава, общими силами воевали съ внѣш-

ними врагами. Тѣсный союзъ правителя благоразумнаго съ отважнымъ завоевателемъ возстановилъ прежніе предѣлы Руси: Мечиславъ Король Польскій, потрясенный ихъ оружіемъ, возвратилъ города Червенскіе (Галицію), отторгнутые отцемъ его Болеславомъ. Когда же умеръ Мстиславъ, не оставившій
 1036. потомства, удѣлъ его присоединился къ области Ярослава, который съ тѣхъ поръ господствовалъ единодержавно до самой кончины своей, имѣя вліяніе и на Полоцкъ.

Правленіе
 Ярослава
 1019-1054. 27. Тридцатипятилѣтнее правленіе Ярослава до-
 стопамятно наиболѣе въ томъ смыслѣ, что оно довер-
 шило основаніе Русской державы. До него Князья
 Норманскіе, соединяя Славянъ оружіемъ и данью
 въ одинъ покорный себѣ народъ, мало заботились
 о государственномъ устройствѣ, слѣдовали одному
 влеченію страстей, искали только битвъ, власти,
 корысти. Мысль о законѣ замѣтна въ дѣйствіяхъ
 Ольги, но уроки и погосты ея клонились единствен-
 но къ уравниенію дани. По принятіи христіанской
 вѣры, Русь не могла существовать въ прежнихъ
 формахъ язычества и войны, несогласныхъ съ но-
 выми понятіями, внушенными св. вѣрою: внутрен-
 нія и внѣшнія отношенія Руси должны были измѣ-
 ниться въ главныхъ основаніяхъ. Кровавыя распри
 дѣтей Владиміровыхъ, при участіи сосѣднихъ наро-
 довъ, еще болѣе обнаружили необходимость лучшаго

устройства. Ярославъ угадалъ потребность вѣка и въ постоянномъ стремленіи къ опредѣленію правъ, обязанностей, внутреннихъ и вѣшнихъ отношеній, наложивъ печать закона на главныя формы Русской гражданственности, довершилъ безотчетное дѣло своихъ предковъ, основаніе Русской державы, и далъ судьбѣ ея рѣшительное направленіе. Обнаруживая во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ духъ законодательства, онъ не столько изданіемъ закона, сколько образомъ своихъ дѣяній, утвердилъ въ Руси тотъ порядокъ вещей, изъ коего въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей Исторіи. Онъ установилъ: а) отношенія Новгорода къ Великому Князю; б) судъ и расправу; в) всеобщее господство христіанской вѣры; д) іерархію; е) отношенія Руси къ Скандинавіи и сосѣдямъ; ф) предѣлы Русской земли; г) главныя основанія удѣльнаго права.

28. Обязанный Великокняжескимъ престоломъ, спасеніемъ своего рода, усердію Новгородцевъ, Ярославъ въ первые годы своего княженія далъ имъ льготныя грамматы, служившія въ послѣдствіи основаніемъ ихъ внутреннему устройству. Эти грамматы истреблены временемъ и содержаніе ихъ въ точности неизвѣстно: знаемъ только достоверно, что въ продолженіе 4 вѣковъ Новгородъ позволялъ управлять собою единственно тѣмъ Князьямъ, кото-

Льготы Новгородцамъ.

рые клятвою подтверждали грамоты Ярославовы. Вникая однакожь въ ходъ событій, можно полагать, что Ярославъ предоставилъ Новгороду исключительное право зависѣть, наравнѣ съ Киевомъ, отъ Великаго Князя, рѣшать дѣла внутренняго судомъ народнаго вѣча и платить Князю дань опредѣленную. Бывъ колыбелью Русской державы, но со времени Олега утративъ честь видѣть въ своихъ стѣнахъ престолъ Великокняжескій, Новгородъ не хотѣлъ равняться съ прочими городами въ образѣ внутренняго управленія. Эта мысль влекла за собою неопредѣленное, но твердое понятіе о самостоятельности, о первенствѣ, замѣтное и при Святославѣ, коему Новгородцы грозили избрать своего Князя, если онъ не дастъ имъ сына, и при Владимірѣ, коему они отказывали въ самой дани. Стремленіе къ самостоятельности могло быть слѣдствіемъ также торговой предприимчивости, пробужденной выгодами мѣстоположенія на пути Скандинавовъ въ Грецію и близостию Балтійскаго моря: Новгородцы такъ были богаты, что могли содержать наемное войско, чему примѣры мы видѣли во время войнъ Владиміра съ Ярополкомъ, Ярослава съ Святополкомъ. Чѣмъ болѣе скоплялось богатство, тѣмъ скорѣе развивалась мысль о правахъ собственности, тѣмъ усерднѣе было желаніе обезпечить ихъ закономъ и оградить себя отъ произвольной власти Князей. Впрочемъ Новгородъ не искалъ совершенной неза-

вѣсѣности; онъ желалъ имѣть только то, что въ послѣдствіи получалъ почти каждый монастырь за особенныя услуги Государю, т. е. *несудимую грамоту*. Слабость преемниковъ Ярославовыхъ дозволяла ему предаваться всѣмъ порывамъ необузданнаго своеволія и мало по малу присвоить нѣкоторыя права самостоятельнаго государства.

29. Въ то же время Ярославъ даровалъ Новгороду письменный законъ, извѣстный подъ названіемъ *Русской Правды*, введенный въ послѣдствіи во всей Руси. Законодатель хотѣлъ установить лучший порядокъ суда и расправы, который, бывъ доселѣ основанъ на правѣ личной и родовой мести, не согласовался съ понятіями христіанскими; для этой цѣли онъ начерталъ 17 статей, коими означилъ, чего долженъ былъ страшиться нарушитель общественнаго порядка и какого удовлетворенія могъ требовать обиженный. Главныя статьи Русской Правды, по Новгородскому списку, суть: 1) за смерть мужа мститъ братъ или сынъ, или отецъ или двоюродные братья, или племянники; 2) если не будетъ мстителя, убійца платитъ 40 гривенъ; 3) за ударъ палкою, жердью, мечемъ, виновный платитъ 12 гривенъ; 4) за отсѣченіе руки 40 гривенъ; 5) за вырваніе уса или бороды, 12 гривенъ; 6) за обнаженіе меча 1 гривну; 7) за уводъ челядинца и коня 3 гривны; 8) въ случаѣ записательства отвѣ-

Русская
Правда.

чика, разбирають дѣло 12 выборныхъ. По смерти Ярослава, дѣти его прибавили 18 статей о правѣ собственности, о рабахъ, рубежахъ, сѣнѣ, скотѣ. Владиміръ Мономахъ дополнилъ Русскую Правду нѣсколькими статьями, о ростахъ или процентахъ и проч.

Старинные обычаи Славянскіе и Норманскіе, освященные временемъ, были безъ сомнѣнія основаніемъ Русской Правды. Не касаясь тѣхъ изъ нихъ, кои сами по себѣ имѣли всеобщую силу закона, на примѣръ о наслѣдствѣ, законодатель желалъ исправить другіе, не столь опредѣленные, зависѣвшіе отъ произвола; хотѣлъ согласить ихъ съ правилами здраваго разсудка и ослабить слишкомъ вредные для гражданской жизни. Такъ принужденный утвердить коренной обычай младенчествующихъ обществъ, право личной и родовой мести, противный и духу христіанства и цѣли общежитія, но освященный вѣками, законодатель старался по крайней мѣрѣ уменьшить зло, дозволивъ личную мечь только ближнимъ родственникамъ и притомъ въ случаѣ смертоубійства; за прочія же преступленія установилъ денежную пеню. Обиженный получалъ удовлетвореніе сообразное обидѣ и не могъ простираť мщенія своего далѣе предѣла, назначеннаго закономъ: такимъ образомъ законодатель пресѣкалъ безконечный рядъ преступленій, доселѣ раждавшихся

отъ самовольной расправы, водворялъ тишину и порядокъ. Онъ тѣмъ легче могъ достигнуть своей цѣли, что эти законы вполнѣ соответствовали тогдашнему понятію о возмездіи за обиду: если бы Ярославъ, вмѣсто денежной пени, установилъ наказанія исправительныя, тѣлесныя или временное заключеніе, сообразныя съ правомъ Греческимъ и безъ сомнѣнія извѣстныя ему, законы его остались бы недействительны: оскорбленный, не получивъ возмездія, захотѣлъ бы самъ искать его.

30. Льготныя грамоты и Русская Правда были первыми дѣлами Ярослава, предвѣстниками его мудраго правленія. Зная, что вѣра христіанская болѣе всѣхъ законовъ могла способствовать успѣхамъ жизни гражданской, сынъ св. Владиміра, равно набожный и благочестивый, распространялъ ея учене въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ не жестокимъ преслѣдованіемъ язычества, но средствами благоразумными: строилъ церкви, изъ коихъ въ особенности замѣчательенъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ, переводилъ божественныя книги на языкъ отечественный, самъ читалъ ихъ неутомимо, многія списывалъ для народнаго употребленія, опредѣлялъ изъ казны своей содержаніе служителямъ церкви, дѣтей ихъ велѣлъ воспитывать и съ этою цѣлью основалъ народное училище въ Новгородѣ для 300 отроковъ. Новое поколѣніе увидѣло плоды его ревности

Господство
св. вѣры.

просвѣщенной: явились не только достойные пастыри, но и писатели краснорѣчивые, преподобный Несторъ и св. Кирилль, епископъ Туровскій. Благоразумная политика Ярослава служила примѣромъ для его преемниковъ. Духовенство получило отъ него новыя льготы и важныя права: *Уставомъ о церковномъ судѣ*, онъ подтвердилъ уставъ Владиміровъ, предоставивъ кромѣ того вѣдѣнію митрополита и епископовъ многія тяжбы, съ опредѣленіемъ, чего они должны требовать отъ подсудимыхъ.

Иерархія.

31. При всей набожности, при всемъ уваженіи къ сану духовному, Ярославъ не хотѣлъ однако, чтобы Русское духовенство было въ исключительной зависимости отъ Греческаго патріарха, подобно тому, какъ западное духовенство признавало верховную власть Римскаго папы. Ярославъ смотрѣлъ на Византійскую имперію, какъ на страну единовѣрную, какъ на государство знаменитое, просвѣщенное, но и Русь признавалъ державою самостоятельною, неподвластною ни Императору, ни патріарху. Онъ не хотѣлъ стерпѣть, чтобы подданные его были обижаемы въ Царѣградѣ, и узнавъ о убіеніи Греками знатнаго Русса, объявилъ Императору Константину Мономаху войну, послалъ сильное войско, подъ начальствомъ сына своего Владиміра, и удовлетворивъ чести оскорбленнаго Государя, заключилъ миръ, какъ равный Императору

Самодержецъ. Въ томъ же смыслѣ онъ дѣйствовалъ и въ отношеніи къ патріарху: считалъ его первосвятителемъ восточной церкви, но въ тоже время не отказывался отъ права назначать въ Рускіе митрополиты сановниковъ по собственному усмотрѣнію, и по случаю разрыва съ Греками, утвердивъ своею властію въ достоинствѣ Кіевскаго митрополита избраннаго Русскими епископами инока Иларіона, онъ опредѣлялъ ясно, что Русскій первосвятитель долженъ находиться въ полной зависимости отъ Великаго Князя. Рѣшительность его предупредила гибельныя слѣдствія двудержавія, свѣтскаго и духовнаго, которыхъ надлежало опасаться при первомъ неопредѣленномъ устройствѣ іерархіи и которыя были бы неминуемы, если бы Греческіе патріархи успѣли присвоить исключительное право назначать Руси духовныхъ сановниковъ. Преемники Ярослава возобновили сношенія съ Византійскими первосвятителями, требовали отъ нихъ митрополитовъ и епископовъ, предоставляли иногда ихъ суду случаи церковныя, но не позволяли имъ по произволу вмѣшиваться въ дѣла церкви, тѣмъ менѣе въ дѣла гражданскія, и нерѣдко, по примѣру Ярослава, назначали митрополитовъ сами. Такимъ образомъ со временъ Ярослава установилась Русская іерархія, сходная съ Греческою въ устройствѣ внутреннемъ, въ правахъ и обязанностяхъ духовенства, въ отношеніяхъ его къ свѣтской власти, тѣсно соединенная съ нею догма-

тами вѣры, обрядами богослуженія, тѣмъ не менѣе самостоятельная и независимая отъ восточныхъ патріарховъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Нельзя было желать лучшаго устройства церкви: она была безопасна и отъ вредныхъ нововведеній и отъ чуждаго вмѣшательства: съ одной стороны составляя нераздѣльную часть восточной церкви, она не могла принять въ свои нѣдра ничего новаго, безъ согласія вселенскихъ соборовъ, слѣдовательно имѣла самый прочный залогъ чистоты вѣроисповѣданія; съ другой же стороны, имѣя свой опредѣленный кругъ, она не могла быть потрясаема кознями чуждаго властолюбія, по примѣру западныхъ государствъ, подвластныхъ Римскому папѣ.

Отношенія
къ сосѣдямъ.

32. Опредѣливъ отношенія Руси къ странѣ, давшей ей вѣру, Ярославъ своими дѣйствіями указалъ правила, коихъ преемники его держались въ дѣлахъ съ страной, дающею Русской землѣ государей, съ единоплеменной имъ Скандинавіею. До половины IX вѣка дружины Русскихъ Князей нерѣдко пополнялись Норманскими витязями, которые охотно приходили въ Русскую землю, служить Князьямъ ея, брали богатые дары (между прочимъ съ одного Новгорода 300 гривенъ ежегодно), приносили свои понятія, свои права, свой образъ жизни, слѣдовательно поддерживали различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ своими единоземцами.

Послѣ возстанія Новгородцевъ на дерезкихъ пришеельцевъ, по смерти Владиміра, Ярославъ уничтожилъ собираемый въ пользу ихъ налогъ и тѣмъ прекратилъ выходы Скандинавовъ. Слѣдствіемъ было совершенное уничтоженіе различія между Славянами и водворившимися въ землѣ ихъ Норманнами; оно очевидно исчезло уже при первыхъ преемникахъ Ярославовыхъ: слово Руссь стало означать Славянъ, слившихся съ Норманнами; слово Варягъ исключительно Скандинавскихъ выходцевъ, уже чуждыхъ на землѣ Русской.

Въ дѣлахъ съ сосѣдями Ярославъ дѣйствовалъ какъ Государь, уважавшій права чуждаго владѣнія, и въ тоже время, какъ бдительный стражъ Русской земли: не искалъ завоеваній, не уступалъ и своего. Все, что было приобрѣтено оружіемъ предковъ, онъ считалъ собственностію своего дома и служилъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для своихъ преемниковъ. Польша нашла въ немъ честнаго сосяда: взявъ у Мечислава города Червенскіе (Галицію), отчасти покоренные, отчасти построенные Владиміромъ, и неправильно присвоенные Болеславомъ Храбрымъ, Ярославъ не хотѣлъ пользоваться внутренними смятеніями Польскаго королевства, приходилъ туда съ войскомъ, какъ миротворецъ, и помогъ Казимиру I обуздать мятежи въ Мазовіи; сверхъ того вступилъ съ ними въ родство, отдавъ

за него сестру свою Марію (Доброгнѣву). Эта политика, основанная на родствѣ, постоянно возобновлявшемся, на взаимной помощи и оборонѣ, на обоюдномъ признаніи правъ владѣнія того и другаго дома, служила болѣе 3 столѣтій руководствомъ для его преемниковъ.

Для сосѣдей хищныхъ, чуждыхъ уставовъ гражданскихъ, тревожившихъ Русь набѣгами, Ярославъ былъ грозою. Чаще всего онъ обращалъ оружіе на Печенѣговъ, неоднократно вторгавшихся въ южные предѣлы Руси, въ послѣдніе годы княженія Владимира св.; рѣшительными побѣдами истребивъ цѣлыя толпы злодѣевъ, онъ такъ ослабилъ ихъ, что они не въ силахъ были тревожить наше отечество. Кромѣ того Великій Князь старался обуздать другихъ сосѣдей не столь многочисленныхъ, но равно хищныхъ и упорныхъ: Ятвяговъ въ нынѣшней Гродненской губерніи, единоплеменныхъ имъ Литовцевъ въ Виленской губерніи, Чудь въ Эстляндіи, и Емь или Ямь въ южной Финляндіи. Для защиты Руси отъ вторженія дикихъ народовъ, окружавшихъ ее почти со всѣхъ сторонъ, онъ основалъ города и крѣпости: на берегахъ Роси для обузданія Печенѣговъ; Юрьевъ или Дерптъ для охраненія Псковской области; Ярославъ на предѣлахъ Черемисскихъ. Система обороны государства построениемъ крѣпостей на границахъ и неприязнь къ дикимъ

кочевымъ народамъ руководствовала его преемниковъ.

Ярославъ не ограничивалъ своей политики одними сосѣдами: онъ искалъ тѣсной связи съ отдаленными Европейскими вѣнценосцами, указавъ тѣмъ, что Русь должна принадлежать къ системѣ государствъ Европейскихъ: кромѣ сестры, Маріи, вышедшей за Польскаго Короля Казимира I, дочери Великаго Князя были супругами Государей знаменитыхъ: Елисавета вышла за Гаральда, принца Норвежскаго, который только рыцарскими подвигами успѣлъ заслужить ея руку; Анна сочеталась бракомъ съ Генрихомъ I Королемъ Французскимъ, и была праматерью Генриха IV; Анастасія съ Андреемъ I Королемъ Венгерскимъ. Сыновья его также избрали супругъ иноземныхъ: Всеволодъ женился на Греческой царевнѣ, Изяславъ на принцессѣ Польской, Вячеславъ на дочери владѣтеля Штадскаго, Игорь на графинѣ Орламиндской.

33. Со времени Ярослава установились и границы Предѣламъ
Руси. Руси: на западъ до Финскаго залива, Нарева, западнаго Буга, истоковъ Вислы и горъ Карпатскихъ; на югъ до верховьевъ Прута, Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы; на востокъ до устья Оки и береговъ Волги, на сѣверъ до Ладожскаго и Онежскаго озера. Все, что заключалось между

сими - рубежами, навсегда удержало имя Руси, и не взирая на чужеземное господство, въ послѣдствіи нѣсколько вѣковъ продолжавшееся, оставалось Русскимъ по вѣрѣ, языку и внутреннему образу правленія.

Основаніи
удѣльнаго
права.

34. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ Ярослава, имѣвшимъ прямое, рѣшительное вліяніе на судьбу отечества, было опредѣленіе главныхъ началъ удѣльнаго права и взаимныхъ отношеній Князей въ потомствѣ Владиміра св. Назначивъ каждому изъ пяти сыновей своихъ опредѣленную область, онъ установилъ, что старшій въ княжескомъ семействѣ есть глава государства, посредникъ, миротворецъ и защитникъ своихъ братьевъ, которые обязаны чтить его, какъ отца, но въ тоже время имѣли неотъемлемое право на свои удѣлы. Съ тѣхъ поръ Русь образовала систему союзныхъ государствъ, другъ отъ друга независимыхъ, тѣмъ не менѣе соединенныхъ въ одно цѣлое, вѣрою, языкомъ и господствомъ одного дома.

ГЛАВА II.

РАЗДРОБЛЕНИЕ РУСИ НА УДЪЛЬНЫЯ КНЯЖЕСТВА.

I. УДЪЛЬНАЯ СИСТЕМА.

1054 — 1238.

35. Съ половины XI вѣка Исторія нашего отечества Очеркъ удѣльной системы. измѣняется въ своемъ характерѣ. Доселѣ она представляла отважные набѣги Руссовъ на землю восточныхъ Славянъ, со всѣми чертами Норманской жизни; быстрое разширеніе господства ихъ отъ береговъ Ильменя сперва къ Белоозеру, западной Двинѣ и берегамъ Оки, потомъ по Днѣпру къ Черному морю, отъ Днѣпра къ Дунаю, Вислѣ и Волгѣ; слѣдствіе покоренныхъ народовъ Славянскихъ въ одно цѣлое силою оружія, установленіемъ дани, христіанскою вѣрою. По смерти Ярослава, настааетъ иной порядокъ вещей: остановленные въ стремленіи къ благословеннымъ странамъ юга оружіемъ и полити-

кою сосѣдей, еще болѣе удерживаемые въ землѣ Славянской выгодами осѣдлой жизни, Руссы не раздвигаютъ своихъ предѣловъ далѣе рубежей, опредѣленныхъ Ярославомъ; вѣдшее расширение Норманской стихіи прекращается; его замѣняетъ продолжительное бorenіе внутреннее.

Это бorenіе, подъ перомъ нашихъ лѣтописцевъ, представляетъ картину мрачную, утомительную: *великаны сумрака* Олегъ, Святославъ, Владиміръ, исчезаютъ; вмѣсто ихъ являются Ярославичи, Святославичи, Ольговичи, какъ блѣдныя тѣни, какъ злые духи, которые выходятъ на сцену шумною толпою, гонять другъ друга, утихнутъ на короткое время и снова начинаютъ всеобщую борьбу, передавая свои споры дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ. Движимыя властолюбіемъ ихъ, силы Руси пожираютъ себя взаимно, какъ непріязненныя стихіи.

Читая горькія жалобы современниковъ, потомство съ ужасомъ смотритъ на тогдашнія бѣдствія отечества; не понимаетъ, какъ не могли образумиться Князья, послѣ неоднократныхъ испытаній; видятъ сверхъ того въ удѣльныхъ браняхъ всѣ признаки пагубнаго феодализма, и готово благодарить Татаръ, которые, сокрушивъ воинственное племя Владиміра св., дали средства ввести благодѣтельное единоедержавіе.

Чтобы уразумѣть характеръ и значеніе Удѣльной системы въ Русской Исторіи, необходимо вникнуть въ духъ времени, въ порядокъ вещей, въ связь причинъ и слѣдствій, во всѣ обстоятельства, породившія ее и содѣйствовавшія къ ея развитію.

36. Внутреннее бореніе есть неизбѣжное зло каж- Удѣлы были
неизбѣжны.
даго возникающаго государства. При постоянномъ сосредоточеніи разнородныхъ силъ къ единству, гражданское общество образуется не вдругъ, а постепеннымъ развитіемъ элементовъ своихъ, послѣ продолжительнаго броженія, доколѣ каждая стихія не найдетъ своего мѣста, определяемаго обыкновенно свойствомъ самыхъ элементовъ и взаимнымъ отношеніемъ ихъ. Это бореніе, начало органическаго устройства, по различію обстоятельствъ обнаруживалось въ разныхъ видахъ, съ разными послѣдствіями: въ Греціи междоусобіями поколѣній, въ Римѣ спорами патрицевъ съ плебейми, въ Германской Европѣ раздорами Королей съ папами и баронами, въ нашемъ отечествѣ бранями удѣльными. Раздѣленіе Руси на удѣлы было неминуемымъ слѣдствіемъ укоренившагося въ самомъ началѣ понятія о правѣ на верховную власть всѣхъ членовъ господствующей фамиліи. Это понятіе, определявшее порядокъ престолонаслѣдія въ Скандинавіи, принесено было Норманнами и въ основанную ими Русскую державу. Въ глазахъ ихъ благороднѣйшимъ

кольномъ было Рюриково : ему принадлежало исключительное право на власть Конунга, Князя. Въ свѣдѣствіе сего, уже Рюрикъ долженъ былъ раздѣлять покоренный Руссами участокъ земли Славянской съ своими братьями на 3 удѣла : Новгородскій, Изборскій, Бѣлозерскій. Игорь правилъ всею Русью одинъ потому, что у него не было братьевъ; Святославъ тоже; по смерти его Русь раздѣлена была между его сыновьями на три удѣла : Кіевскій, Древлянскій, Новгородскій. Гибель Олега и Ярополка соединила Русь подъ власть одного Владиміра, который снова раздробилъ ее по числу сыновей и оставилъ по себѣ 8 удѣловъ : Кіевскій, Полоцкій, Новгородскій, Владимірскій, Древлянскій, Ростовскій, Муромскій, Тмутораканскій. Ярославъ, воспользовавшись смертью братьевъ, присоединилъ ихъ удѣлы (исключая Полоцкій) къ своему; но имѣя пять сыновей, не могъ не раздѣлить между ними своей державы. Съ тѣхъ поръ Удѣльная система утвердилась въ нашемъ отечествѣ окончательно.

Различіе
удѣльной
системы
отъ феодальной.

37. Удѣльная система господства, установленная Рюрикомъ и преемниками его при самомъ началѣ Руси, только въ общихъ чертахъ сходствовала съ феодальною, съ кою неправильно ее смѣшиваютъ; но въ главныхъ основаніяхъ, въ началѣ, въ развитіи, въ послѣдствіяхъ, существенно отличалась отъ ней.

Феодальная система представляет бореніе королевской власти съ своеволіемъ вельможъ, которые, получивъ земли на правѣ вассаловъ, т. е. помѣщиковъ, обязанныхъ служить своему Государю, пользовались слабостію его, хотѣли утвердить за своимъ потомствомъ свои помѣстья и быть независимыми. Короли, вынустивъ изъ рукъ важнѣйшія права верховной власти, напрягали всѣ силы къ обузданію строптивыхъ бароновъ; но, подавляемые могуществомъ Римскихъ первосвященниковъ, долго не могли достигнуть своей цѣли, и съ трудомъ удерживали за собою титло королевское, доколѣ усердіе городскихъ общинъ, при ослабленіи папъ, не дадо имъ средствъ смирить вассаловъ. Посему вассальство, своеволіе вельможъ, папская власть, вліяніе городскихъ общинъ, были необходимыми условіями феодальнаго правленія.

Удѣльная система имѣла совершенно другія основанія, изъ коихъ главными были слѣдующія: 1) Каждый потомокъ Владиміра св. какъ членъ господствующей фамиліи, именовался Княземъ и имѣлъ право на удѣль, т. е. на извѣстную область. 2) Удѣльный Князь былъ полный, независимый властелинъ своего участка; имѣлъ свою столицу, свою дружину, или войско, своихъ бояръ, назначалъ епископа, строилъ города и крѣпости, издавалъ законы, производилъ судъ и расправу, награждалъ и наказывалъ.

валъ по произволу, воевалъ и мирился съ кѣмъ хотѣлъ. 3) Старшему въ родѣ изъ Князей удѣльныхъ принадлежала честь именоваться *Великимъ*, съ правомъ мирить удѣльныхъ Князей въ случаѣ распрей, требовать отъ нихъ войны съ врагами внѣшними, вообще быть главою Руси; впрочемъ онъ былъ самовластенъ только въ своемъ участкѣ, не вмѣшивался въ управленіе удѣлами, не собиралъ съ нихъ никакихъ налоговъ, даже обязанъ былъ давать отчетъ Князьямъ удѣльнымъ, которые считали себя не вассалами его, а равными ему Государями, и только въ общихъ дѣлахъ, касавшихся всей Русской земли, должны были прибѣгать къ нему, какъ къ общему посреднику. 4) Достоинство Княжеское было наследственно въ мужескомъ колѣнѣ; сыновья дѣлили между собою отцовскую область и передавали свои участки своимъ дѣтямъ; но престолъ Великокняжескій принадлежалъ старшему въ родѣ. Въ слѣдствіе сего Удѣльная система представляла союзъ многихъ княжествъ, *по праву* независимыхъ, самостоятельныхъ, но крѣпко соединенныхъ въ одно цѣлое вѣрою, языкомъ, господствомъ одного дома Владиміра св. и убѣжденіемъ въ необходимости одной верховной власти. Ни бояре, ни духовенство, ни городскія общины не имѣли прямого вліянія на образованіе и паденіе Удѣльной системы: она возникла изъ дѣлежа Русской земли въ потомствѣ одной фамиліи, и пала подъ ударами Монголовъ.

При такомъ различіи въ основаніяхъ, самыя междоусобія Князей, по видимому сходныя съ феодальными, отличаются отъ нихъ и характеромъ и послѣдствіями. Въ западной Европѣ борьба Королей съ вассалами, споры угнетеннаго права съ грознымъ своеволіемъ, влекли за собою самоуправство вельможъ, безсиліе закона, разрушеніе городовъ, кулачное право. Наши удѣльные брани, подѣломъ летописцевъ, представляютъ непрерывныя споры, походы, битвы, но слѣдствія были иныя. Народъ не томился въ неволѣ, города не разрушались, нравы не грубѣли: ибо тутъ не было вопроса о стѣсненіи Княжеской власти; дѣло шло только о правѣ Князей на удѣлы: они встрѣчали соперниковъ не въ боярахъ, не въ народѣ, не въ духовенствѣ, а въ равныхъ себѣ Князьяхъ, въ братьяхъ единокровныхъ; преслѣдовали другъ друга нерѣдко съ ожесточеніемъ; но щадили народъ, высшія и низшія сословія, берегли ихъ любовь и легко мирились между собою. Отъ того удѣльный періодъ ознаменованъ цвѣтущимъ состояніемъ городовъ, успѣхами промышленности, смятченіемъ нравовъ, могуществомъ Русской силы въ войнахъ съ сосѣдними народами. Удѣльная система принесла и прямую, существенную выгоду: послѣ бурнаго волненія, болѣе двухъ вѣковъ державшаго нравственныя силы народа въ непрерывномъ напряженіи, вездѣ, во всей Русской землѣ, вкоренились одинаковыя понятія,

желанія, надежды, и Русскій тѣмъ такъ глубоко вѣ-
заяся, что въ послѣдствіи, ни время, ни обстоятельства
не могли изгладить національнаго отпечатка.

Удѣльный
періодъ.

38. Возникнувъ въ одно время съ утвержденіемъ
власти Норманновъ въ землѣ Славянской, Удѣльная
система существовала въ нашемъ отечествѣ до
конца XVI вѣка, съ тѣмъ однако важнымъ разлѣ-
чіемъ, что до половины XI вѣка она обнаружива-
лась, такъ сказать, промежутками и уступала виѣн-
ному расширенію Норманской стихіи; съ половины
же XIII вѣка была подавляема властію Монголовъ,
а съ половины XV исчезла быстро предъ грознымъ
самодержавіемъ; главною всеобщю пружиною внут-
ренней и виѣшней жизни Русской она была около
двухъ вѣковъ, отъ смерти Ярославъ до покоренія
нашего отечества Монголами. Въ сіи два вѣка внут-
ренняго боренія элементовъ Руси, развилось и со-
зрѣло удѣльное право, давъ начало и основаніе
тѣмъ формамъ жизни общественной, въ коихъ въ
послѣдствіи возникла и образовалась, какъ строй-
ное цѣлое, съ самобытнымъ характеромъ, Москов-
ская держава.

Отличительною чертою удѣльнаго періода въ соб-
ственномъ смыслѣ (1054-1238) было неоднократ-
ное образованіе и уничтоженіе семейнаго господ-
ства въ одномъ родѣ: сначала оно возникло въ домѣ

Ярослава и рушилось при внукахъ его; потомъ возобновилось въ родѣ Мономаха и рушилось при дѣтяхъ его; наконецъ возникло во многихъ поколѣніяхъ и исчезло подъ ударами Монголовъ. Образование и уничтоженіе семейнаго господства было постоянно сопровождаемо спорами старшихъ поколѣній съ младшими; цѣль сихъ споровъ измѣнялась по мѣрѣ развитія удѣльныхъ понятій: при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава былъ споръ за удѣлы; при дѣтяхъ и внукахъ Мономаха за Кіевскій престолъ или за первенство; наконецъ послѣ Юрія Долгорукаго обнаружилась распря между многими княжествами, какъ независимыми государствами, въ коихъ сверхъ того повторялась исторія Ярославичей и дѣтей Владиміровыхъ. Такимъ образомъ удѣльный періодъ представляетъ четыре главныя явленія: 1) споры дѣтей и внуковъ Ярослава за удѣлы; 2) возвышеніе дома Владиміра Мономаха; 3) паденіе дома Владиміра Мономаха и споры Князей за первенство; 4) раздробленіе Руси на многія княжества независимыя.

II. СПОРЫ ДѢТЕЙ И ВНУКОВЪ ЯРОСЛАВА I ЗА УДѢЛЫ.

1054 — 1113.

39. Ярославъ, руководствуясь современнымъ по- Завѣщаніе
Ярослава.
нятіемъ о правѣ собственности, на смертномъ одрѣ,

раздѣлить Русскую землю между своими сыновьями на пять удѣловъ: старшему, *Изяславу* далъ княжества Кіевское и Новгородское, *Святославу* Черниговское, *Всеволоду* Переяславское, *Влчиславу* Смоленское, *Игорю* Владимірское на Волыни ¹. Поручивъ обѣ столицы старшему сыну, Ярославъ присвоилъ ему титулъ Великаго Князя, съ правомъ быть главою Руси, покровительствовать младшихъ братьевъ, мирить ихъ въ случаѣ споровъ и защищать притѣсняемаго.

Система господства, опредѣленная Ярославомъ, имѣла три главныя основанія:

1, Право на удѣлъ только старшихъ представителей княжескаго дома и безудѣльность младшихъ. Къ старшему колену принадлежали пять сыновей его; къ младшему два внука, невключенные имъ въ число удѣльныхъ Князей, родной *Ростиславъ* Владиміровичъ и двоюродный *Вселавъ* Брючиславичъ Полоцкій.

2, Право удѣльныхъ Князей на пожизненную неотъемлемость предоставленнаго имъ участка, безъ опредѣленія впрочемъ порядка престолонаслѣдія.

1. Къ удѣлу Черниговскому принадлежали Черниговъ, Тмуторакань, (на полуостровѣ Тамань) Рязань, Муромъ и страна Вятичей; къ Переяславскому Переяславъ, Ростовъ, Суздаль, Вьлозеро и Поводжье. Удѣлъ Владимірскій простирался до Сана и Карпатскихъ горъ.

3, Право Великаго Князя или старшаго въ родѣ быть главою Руси, посредникомъ, миротворцемъ, защитникомъ Князей удѣльныхъ.

40. Установленная Ярославомъ система господства, основанная на правѣ власти только старшихъ представителей княжескаго дома, съ одной стороны поддерживала мысль о политическомъ единствѣ Руси, соединяя удѣлы въ одно цѣлое кровнымъ родствомъ Князей, вѣрою, внутреннимъ убѣжденіемъ въ необходимости согласія для обороны отъ враговъ вѣнскихъ; съ другой, заключала въ себѣ неизсякаемые источники распрей и влекла за собою непрерывную цѣль княжескихъ междоусобій. Главные источники несогласія были: 1, неопредѣлительность отношеній Великаго Князя къ удѣльнымъ; 2, устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ; 3, слабость первыхъ преемниковъ Ярославовыхъ.

Источники
споровъ.

По завѣщанію Ярослава, Великій Князь долженствовалъ быть главою Руси; но преемникъ его не могъ требовать отъ своихъ братьевъ такой же покорности, какою они обязаны были отцу: они видѣли въ старшемъ братѣ не столько Государя, сколько равнаго себѣ владѣтеля; мысль о равенствѣ вкоренилась глубже, чѣмъ мысль о подчиненности: удѣлы были неотъемлемы. Князья, пользуясь всѣми правами независимости, не могли жить мирно

другъ съ другомъ, уже по однимъ спорамъ за границы; при воинственномъ же духѣ Норманнскомъ, при безпокойной дѣятельности, эти споры были безконечны, тѣмъ болѣе, что дѣлежъ былъ не равенъ.

Главнѣйшимъ поводомъ къ распрямъ было устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ: Ярославъ, поручивъ Русскую землю только дѣтямъ и не давъ ничего внукамъ, хотѣлъ, кажется, установить закономъ, что младшее поколѣніе не имѣетъ права на удѣлъ, доколѣ старшее не утасло. По крайней мѣрѣ, и онъ, и первые преемники его (Изяславъ и Всеволодъ) слѣдовали этому правилу, т. е., не давали участковъ младшимъ въ родѣ потомкамъ св. Владиміра, хотя въ то же время своимъ дѣтямъ удѣлы назначали. Племянники и внуки считали себя обиженными и, по свойственному Норманнамъ обыкновенію, добывали области оружіемъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Князь Кіевскій могъ удержать за собою первенство, съ правомъ повелѣвать своими братьями, только при помощи особеннаго ума и твердой воли; къ несчастію на Кіевскомъ престолѣ, въ теченіе 60 лѣтъ по смерти Ярослава, являлись одинъ за другимъ три слабые Государя: Изяславъ I, Всеволодъ I, и Святополкъ II; они малодушіемъ своимъ постепенно унижали санъ Великаго Князя, между тѣмъ, какъ удѣль-

ные владѣтели, Святославъ Черниговскій, Олегъ, Романъ, Глѣбъ Святославичи, Всеславъ Полоцкій, Ростиславъ Владиміровичъ, дѣти его Володаръ и Василько, Владиміръ Мономахъ, отличались силою души, властолюбіемъ, всѣми свойствами Норманнской удали.

Князя властолюбивые или безпокойные легко Половцы. находили средства къ достиженію своей цѣли, по крайней мѣрѣ къ войнѣ продолжительной и упорной, среди Половцевъ, народа дикаго, не разбираваго, кому принадлежало право на престолъ, готоваго по первому призыву явиться въ Русской землѣ, чтобы грабить ее. Орды Половецкія, не извѣстнаго, кочующаго племени, приблизились отъ Каспійскаго моря къ юговосточнымъ предѣламъ Руси въ послѣдніе годы княженія Ярославова, частію вытѣснивъ, частію покоривъ остатки Печенѣговъ. Многочисленныя *вѣжи* ихъ покрывали все пространство отъ береговъ Прута до самой Волги. Не зная земледѣлія, Половцы питались скотоводствомъ, еще болѣе добычею грабежа, и неумоимо вторгались въ сосѣдственныя земли, особенно въ южныя области Руси, открытыя для ихъ набѣговъ. Къ нимъ то обыкновенно обращались Князя, тѣснимые соперниками, и всегда находили толпы грабителей; болѣе всѣхъ искали ихъ помощи Князя Черниговскіе.

Изяславъ I.
1054 - 1078.

41. Междуособія начались враждою старшихъ поколѣній съ младшими, Ярославичей съ племянниками, Ростиславомъ Владиміровичемъ и Всеславомъ Брячиславичемъ. Ростиславъ, обдѣленный дѣдомъ, жилъ праздно въ Новгородѣ, гдѣ при Ярославѣ княжилъ отецъ его Владиміръ. Подстрекаемый воинственнымъ духомъ, онъ собралъ смѣлую дружину изъ Новгородцевъ, напалъ на Тмуторакань, область Черниговскаго Князя Святослава, овладѣлъ ею и выгналъ оттуда Глѣба Святославича. Это междуособіе вскорѣ прекратилось смертію Ростислава, отравленнаго Греками, которые опасались честолюбивыхъ замысловъ его на Тавриду.

Гораздо долѣе безпокоилъ Ярославичей Всеславъ Полоцкій, обдѣленный, подобно Ростиславу, при раздѣлѣ Русской земли; онъ не хотѣлъ уступить имъ Полоцкъ, гдѣ княжилъ дѣдъ его Изяславъ, старшій сынъ Владиміра св. и отецъ Брячиславъ, соперникъ Ярославовъ; даже думалъ овладѣть Новгородомъ: напалъ на него нечаянно и ограбилъ Софійскую церковь. Ярославичи спѣшили смирить его, вступили въ область Полоцкую, взяли Минскъ, разбили самаго Всеслава, и заманивъ къ себѣ подъ предлогомъ переговоровъ, вѣроломно заключили въ Кіевѣ въ темницу. Управившись съ сыномъ Брячиславовымъ, они спѣшили отразить Половцевъ, опустошавшихъ область Кіевскую; но сами были

разбиты ими на берегахъ Альты и едва спаслись бѣгствомъ. Изяславъ и Всеволодъ укрылись въ Киевѣ, Святославъ въ Черниговѣ. Киевляне, увидѣвъ бѣгущаго Князя, взволновались и требовали оружія, чтобы снова идти въ битву; Изяславъ не хотѣлъ вести ихъ; вспыхнула мятежь; онъ не могъ усмирить его. Народъ освободилъ Всеслава и провозгласилъ его Великимъ Княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ двоюродному брату своему Королю Болеславу II, сыну Маріи Владиміровны, взялъ у него войско и при помощи Поляковъ снова овладѣлъ престоломъ. Всеславъ успѣлъ скрыться въ Полоцкѣ. Тишина водворилась, но на краткое время.

4068.

4069.

Во время Всеславова княженія въ Киевѣ, Святославъ Черниговскій занялъ Новгородъ и не только не хотѣлъ уступить его Изяславу, возвратившемуся изъ Польши, но и самый Киевъ рѣшился отнять у старшаго брата, недостойнаго быть главою Руси. Съ Княземъ Черниговскимъ соединился Всеволодъ Переяславскій. Изяславъ вторично бѣжалъ изъ отечества, болѣе 4 лѣтъ скитался на чужбинѣ, искалъ покровительства у Болеслава II, у Генриха IV, Императора Римскаго, у самого папы Григорія VII, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы причислить Русь къ папскимъ владѣніямъ. Болеславъ не хотѣлъ вступить за Князя Киевскаго; Императоръ же и папа убѣждали Святослава прими-

4073.

1077. риться съ нимъ. Но слабыя старанія ихъ оставались безплодными до самой смерти Князя Черниговскаго: тогда Всеволодъ, невольный участникъ ссоры, примирился съ старшимъ братомъ и возвратилъ ему Кіевскій престолъ.

Еще прежде Святослава умерли Игорь и Вячеславъ, Князья Владимірскій и Смоленскій. Изъ Ярославичей остались только двое: Изяславъ и Всеволодъ. Они раздѣлили между собою землю Русскую на двѣ половины; хотѣли изгнать Всеслава изъ Полоцка, не дали удѣловъ племянникамъ Борису Вячеславичу, Олегу и Роману Святославичамъ, Давиду Игоревичу; назначили только участки своимъ дѣтямъ. Этотъ дѣлежъ произвелъ новое междоусобіе: племянники искали удѣловъ вооруженною рукою. Всеславъ не думалъ уступить Полоцкъ, отбился отъ Всеволода и сына его Владиміра Мономаха. Олегъ же Святославичъ, въ союзъ съ Борисомъ Вячеславичемъ, призвалъ на помощь Половцевъ, выгналъ Всеволода изъ Чернигова, сразился съ Изяславомъ, подогавшимъ брату, проигралъ битву и бѣжалъ въ Тмутаракань. Но эта битва стоила жизни Великому Князю и Борису.

Всеволодъ I
1078 - 1093.

42. Главою Руси, болѣе именемъ и правомъ, нежели самымъ дѣломъ, остался одинъ Ярославичъ, Всеволодъ: онъ занялъ престолъ Великокняжескій

и утвердивъ дѣтей Изяславовыхъ въ отведенныхъ имъ удѣлахъ, а сыну своему Владиміру отдавъ Черниговъ, продолжалъ начатое предшественникомъ его усмиреніе строптивыхъ племянниковъ. Но не ему было управиться съ Княземъ Полоцкимъ и Святославичами: первый воевалъ съ нимъ неутомимо, опустошая Смоленскую область; Святославичи приходили съ Половцами изъ Тмутаракани; даже Изяславичи, облагодѣтельствованные дядею, были недовольны своими удѣлами, требовали новыхъ и вооружались на Всеволода. Народъ между тѣмъ ропталъ на слабость Государя, неумѣвшаго унять тиуновъ и намѣстниковъ; Половцы вторгались непрестанно, и только мечъ Мономаховъ могъ обуздать враговъ внутреннихъ и вѣдшихъ.

43. Смерть послѣдняго Ярославича, Всеволода, развязала руки Князьямъ втораго колѣна Ярославова, внукамъ его. Они приступили къ дѣлежу земли Русской, предоставивъ титулъ Великаго Князя старшему въ родѣ, Святополку Изяславичу, Князю малодушному и вѣроломному. Этотъ дѣлежъ въ самомъ началѣ разсорилъ всѣхъ Князей: каждый изъ нихъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ. Святополкъ, вмѣсто примиренія двоюродныхъ братьевъ, коварными дѣйствіями ссорилъ ихъ другъ съ другомъ и съ самимъ собою. Четыре года враждовали Князья, изгоняли одинъ другаго и равнодушно смотрѣли на частыя

Святополкъ
Изяславича.
1093 - 1113.

вторженія Половцевъ, опустошавшихъ южныя области Руси. Владиміръ Мономахъ, сокрушаясь о бѣдствіяхъ отечества и готовясь нанести лютымъ врагамъ ударъ рѣшительный, пригласилъ Князей на сѣздѣ въ Любечъ, гдѣ съ общаго согласія, раздѣлили Русь; принявъ въ основаніе правило, что дѣтямъ принадлежитъ удѣль отцовскій. Святополюкѣ Изяславичу отдалъ Кіевъ, какъ столицу Великокняжескую, и Туровъ, какъ отчину; Владиміру Мономаху, кромѣ наследственной области Переяславской, Смоленскъ; Святославичамъ: Олегу Черниговъ, Давиду Рязань, Ярославъ Муромъ; Давиду Игоревичу Владиміръ Волынской; сверхъ того утвердили за племянниками, Мстиславомъ сыномъ Мономаха Новгородъ, за Ростиславичами Володаремъ и Василькомъ Перемышль и Теребовль. Всеславъ Полоцкій не участвовалъ въ княжескомъ сѣздѣ и удержалъ за собою Полоцкъ. Князья клялись жить мирно, рѣшать споры общимъ согласіемъ и обязались крестнымъ дѣлованіемъ защищать другъ друга отъ всякаго притѣснителя.

Договоръ въ Любечѣ положилъ прочное основаніе самостоятельности Князей удѣльныхъ, предоставивъ наследственное право поколѣніямъ на отцовскіе участки и власть судить самого Великаго Князя въ случаѣ его несправедливости. Но тишина не могла быть долговременною; въ дѣлѣ заключа-

лись смена распрей. Мономахъ, присвоивъ Новгородъ и Смоленскъ, вооружалъ противъ себя роды Изяслава, Вячеслава, Святослава, и только страхомъ своего имени могъ обуздывать ихъ, накликая грозу на дѣтей и внуковъ. Давидъ Игоревичъ съ своей стороны завидовалъ Ростиславичамъ, за отдѣленіе имъ лучшей части отцовскаго удѣла; а Великій Князь, лишенный даже права посредничества, думалъ самъ о присоединеніи Червенской области, гдѣ господствовали Володаръ и Василько. Вражда вскорѣ обнаружилась злодѣйствомъ, дотоле неслыханнымъ, ослѣпленіемъ Василька Ростиславича Теребовльскаго въ Кіевѣ, по приказанію вѣроломнаго Святополка, въ слѣдствіе наущеній Давида Игоревича. Этотъ поступокъ вооружилъ всѣхъ Князей удѣльныхъ на Святополка: предводимые Мономахомъ и Олегомъ, они подступили къ Кіеву съ войскомъ и грозно требовали отвѣта отъ Великаго Князя, для чего онъ не хотѣлъ судиться *судомъ Княжескимъ*, если Василько былъ виновенъ! Святополкъ сложилъ всю вину на Давида и обязался наказать его; но вступивъ въ Волинь, обратилъ оружіе на Ростиславичей. Разбитый ими на голову, призвалъ на помощь Короля Венгерскаго Коломана, который съ великими силами вступилъ въ Червенскую область. Давидъ, между тѣмъ примирившись съ Ростиславичами, призвалъ Половцевъ подъ начальствомъ храбраго Боняка, ограбившаго за нѣ-

1100. сколько лѣтъ предъ тѣмъ самый Кіевъ, и мужественный Володарь, подкрѣпленный имъ, снова поразили Святополка и Коломана близъ Перемышля. Венгры были изгнаны; но кровавая брань запыхала въ югозападной Руси, между Святополкомъ, Давидомъ и Ростиславичами; въ то же время Половцы опустошали края юговосточные. Мономахъ снова успѣлъ созвать Князей на съѣздъ, близъ Кіева, чтобы примирить ослабленныхъ родственниковъ, и снова успѣлъ: Давидъ, лишенный общимъ приговоромъ двоюродныхъ братьевъ Владиміра Волынскаго и родственнаго сыну Святополкову Ярославу, смирился и долженъ былъ довольствоваться однимъ Бужкомъ. Прочіе Князья остались при своихъ удѣлахъ. Вскорѣ водворилась всеобщая тишина внутренняя.

Примиреніе Князей было слѣдствіемъ не столько искренняго желанія мира, сколько вынужденной опасности отечества, громаднаго Половцами: пользуясь раздорами нашими, они неумолимо опустошали Русь во все время княженія Святополкова, разрушили многіе города, построенныя Владиміромъ и Ярославомъ I на берегахъ Роси, Сулы, Десны, врывались въ самый Кіевъ. Напрасно думалъ Святополкъ родственнымъ союзомъ прекратить ихъ набѣги, и женился на дочери Хана Половецкаго Тугоркана: дружба одного Хана не мѣшала другимъ тревожить

Русь. Князья нерѣдко соединяли свои силы, чтобы наказать варваровъ; но дѣйствуя несогласно, только губили свои рати и внушали врагамъ новую дерзость. Одинъ Мономахъ умѣлъ съ ними управляться: уже при отцѣ своемъ Всеволодѣ, онъ славился счастливыми походами въ землю Половецкую; при Святополкѣ же, господствуя въ области Перемыславской, болѣе другихъ подверженной набѣгамъ грабителей, былъ грознымъ бичемъ ихъ и стражемъ отечества: полонивъ въ разное время болѣе ста лучшихъ Хановъ, онъ выпустилъ ихъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ. Частные успѣхи его не могли однакожъ даровать государству желаемой безопасности; силы Половцевъ съ каждымъ годомъ возрастали и грозили новыми бѣдствіями. На послѣднемъ съѣздѣ Мономахъ убѣдилъ всѣхъ Князей, даже Полоцкого Давида Всеславича, соединить свои силы, чтобы дружнымъ ударомъ избавить Русь отъ лютыхъ злодѣевъ, и повелъ союзные полки за Донъ, въ средину земли Половецкой, куда, кромѣ древняго Святослава, ни одинъ Русскій Князь не дерзалъ углубляться; враги сдвинули свои вежи и окружили его воинство со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Но рѣшительная побѣда Русскихъ, сокрушивъ главныя силы Половцевъ, надолго обуздала ихъ, и что всего важнѣе доставила Мономаху верховное господство надъ Русью.

III. ВОЗВЫШЕНІЕ ДОМА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

1113 — 1132.

Владимиръ Мономахъ. 1113 - 1125. 44. Въ продолженіе 30 лѣтъ, во все время правленія Всеволода и Святополка, бывъ посредникомъ въ княжескихъ распряхъ, общимъ миротворцемъ, стражемъ отечества отъ лютыхъ Половцевъ, Мономахъ возвышался надъ всѣми современными Князьями дальновидною политикою, твердостью, мужествомъ; народъ привыкъ видѣть въ немъ главу Руси. Послѣднія же побѣды надъ Половцами озарили его такую славою, что имя его, по сказанію лѣтописцевъ, гремѣло на востокъ и западъ, и Кіевляне, по смерти Святополка, не хотѣли ни кого видѣть на Великокняжескомъ престолѣ, кромѣ Мономаха. Достоинство Великаго Князя, по праву, принадлежало Князьямъ Черниговскимъ, коихъ отецъ, Святославъ Ярославичъ, былъ старѣе Мономахова, Всеволода. Но Святославичи, при всеобщемъ желаніи народа, при могуществѣ Мономаха, не смѣли спорить съ нимъ о правѣ на Кіевъ, и вмѣстѣ съ другими признали его главою Руси.

Присвоеніе Мономахомъ Великокняжеской власти, мимо старшихъ братьевъ, произвело важную перемѣну въ удѣльной системѣ, бывшую слѣдствіемъ его политики. При свѣтломъ взглядѣ на современныя событія, онъ легко видѣлъ, что междуособія,

раздиравшія Русь при Всеволодѣ и Святополкѣ, должны будутъ кончиться раздробленіемъ отечества на части самостоятельныя и уничтожить мысль о единствѣ Русской земли. Для устранения сего бѣдствія, для внутренней тишины, для цѣлости государственной, онъ считалъ необходимымъ возстановить введенную Ярославомъ I систему господства въ одномъ родѣ, съ правомъ старшаго быть главою, и старался присвоить власть надъ Русью своему дому. Этой цѣли онъ достигъ вполнину, еще бывъ удѣльнымъ Княземъ, когда смуты родственниковъ и слабость Святополка дозволили ему присоединить къ отчинѣ своей, къ Переяславу, Новгородъ, Смоленскъ, частію Черниговъ. Оставалось утвердить за собою Кіевъ, владѣтель коего могъ еще быть главою Руси. Обстоятельства благоприятствовали: сильнѣйшихъ соперниковъ уже не было въ живыхъ, ни Всеслава Полоцкаго, ни Олега Черниговскаго, ни Володаря Перемышльскаго; всѣ они умерли прежде Мономаха. Дѣти ихъ наследовали отцовскіе удѣлы; но владѣли ими до тѣхъ только поръ, доколѣ исполняли волю Великаго Князя. Непокорные были укрощаемы рѣшительными мѣрами и теряли свои области, кои переходили въ родъ Мономаховъ. Эта участь постигла сперва сына Всеславова, Глѣба Князя Минскаго, потомъ сына Святополкова, Ярослава Князя Владимірскаго: первый за непокорность взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ Кіевской темницѣ; вто-

рой, также раздражившій Мономаха, тщетно искалъ помощи Венгровъ и Поляковъ; самъ потерялъ жизнь въ борьбѣ неравной; иноземцы были изгнаны; удѣлъ его отданъ одному изъ сыновей Владиміровыхъ, Андрею. Новгородцы съ своей стороны испытали строгость Великаго Князя: онъ смирилъ ихъ строптивость заточеніемъ знатнѣйшихъ гражданъ и далъ имъ въ посадники Кіевскаго вельможу.

Слѣдуя постоянно системѣ фамиліаго господства въ своемъ родѣ, Владиміръ Момахъ утвердилъ большую часть Руси за своими дѣтьми и внуками, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Суздаль, Переяславль, Владиміръ Волынкій; оставались неподвластными его дому только княжества Черниговское, Полоцкое и Червенское, гдѣ господствовали потомки другихъ поколѣній, Святослава, Всеслава и Ростислава, не смѣя однакожь раздражать Великаго Князя неповиновеніемъ. Власть его не уступала Ярославовой. Скрѣпивъ Русь внутри, сосредоточивъ всѣ силы ея въ своей державной десницѣ, онъ въ тоже время старался оградить ее извнѣ: Мстиславъ смирилъ мятежную Чудь; Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій, внукъ Момаховъ, совершилъ походъ въ Финляндію, Юрій Суздальскій въ Камскую Болгарію, Ярополкъ, Переяславскій въ землю Половецкую: они вездѣ одолевали враговъ, и Русь по прежнему стала грозною для сосѣдей. Между тѣмъ самъ

Мономахъ объѣзжалъ свои области, строилъ города (Владимірѣ на Клязмѣ), воздвигалъ каменные стѣны (въ Новгородѣ и Ладогѣ), созидалъ церкви, наводилъ мосты (чрезъ Дѣпръ), издавалъ законы (о ростахѣ).

45. Хитрою политикою, громкими побѣдами, истинными заслугами, успѣвъ присвоить себѣ большую часть Руси и установить наслѣдство Великокняжеской власти въ своемъ родѣ, подобно Ярославу, Мономахъ передалъ приобретенное имъ право своимъ дѣтямъ, возложивъ на нихъ трудную обязанность утвердить новый порядокъ вещей. Первый преемникъ, старшій сынъ его, Мстиславъ съ искусствомъ и успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ отцовской, имѣвшей цѣлью возвратить Великому Князю прежнюю силу, верховное первенство, и утвердить его достоинство за однимъ родомъ со всею Русью. Для достиженія этой цѣли, Мстиславъ держалъ удѣльныхъ Князей, своихъ братьевъ и племянниковъ, въ повиновеніи безпрекословномъ, требуя строго, чтобы каждый изъ нихъ довольствовался своею областью; Князей же другаго племени, Святославичей, Всеславичей, Ростиславичей, обуздывалъ мѣрами рѣшительными, хотѣлъ быть миротворцемъ ихъ и не давалъ пощадъ непокорнымъ. Самымъ разительнымъ доказательствомъ его силы и очевиднаго отрешенія къ фамильному господству было изгнаніе

Мстиславъ I.
1125-1132.

Князей Полоцкихъ. Какъ потомки старшаго сына Владиміра св. Изяслава, наследовавъ, отъ пра-
тери своей Рогіѣды непримиримую ненависть къ
Ярославичамъ, они хотѣли быть независимы, искали
всегда случая вредить имъ и не щадили отечества.
Всеславъ около 57 лѣтъ неутомимо враждовалъ Изя-
славу, Всеволоду, Святополку, и былъ опаснѣе даже
враговъ иноземныхъ. Мономахъ приготовилъ паденіе
этого враждебнаго дома, успѣвъ обуздать Князя
Минскаго; Мстиславъ сдѣлалъ болѣе: соединилъ
подъ свои знамена всѣхъ Князей, исключая однихъ
Ростиславичей, и послалъ ихъ въ землю Полоцкую
4198. брать города, полонить Князей; успѣхъ былъ совер-
шенный: всѣ Князья Полоцкіе, три сына и два
внука Всеславы, съ женами и дѣтьми, отвезены
въ Константинополь. Княжества Полоцкое и Мин-
ское отданы Изяславу Мстиславичу.

Завоеваніемъ Полоцкой области, Мстиславъ до-
вершилъ планы Мономаха: самъ грозно и твердо,
какъ глава и миротворецъ, господствовалъ въ Кіевѣ
и Смоленскѣ; братья его княжили: Ярополкъ въ
Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ
Владимірѣ, Юрій Долгорукій въ Суздаль; дѣти:
Всеволодъ въ Новгородѣ, Изяславъ въ Полоцкѣ и
Минскѣ. Оставались только два удѣла не въ родѣ
Мономаховомъ, Черниговскій, гдѣ княжилъ Всево-
лодъ Ольговичъ въ спорѣ съ дядею и двоюродными

братьями, и Червенскій, гдѣ господствовали также несогласные потомки Володаря и Василька. Снѣ удѣлы, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ дѣтьми Мономаха, должны были исчезнуть сами собою отъ собственныхъ раздоровъ; надобно было только предупредить распри въ самомъ домѣ Мономаховомъ. Мстиславъ видѣлъ опасность и старался устранить ее, назначивъ престоль, по смерти брата своего Ярополка, сыну своему Всеволоду, уже господствовавшему въ Новгородѣ. Этою мѣрою устанавливался порядокъ престолонаслѣдія по низходящей линіи. Но вопреки дальновиднымъ расчетамъ и планамъ Мстислава, междуособія, по смерти его, запылали съ большею яростію, чѣмъ прежде; распри Князей изъ споровъ дядей съ племянниками, обратились въ злобу родовую, во вражду поколѣній; стремленіе частей къ самобытности стало неодолимо.

IV. СПОРЫ КНЯЗЕЙ ЗА ПЕРВЕНСТВО.

1132 — 1157.

46. Утверждая власть надъ Русью въ своемъ родѣ, Мономахъ надѣялся, подобно Ярославу, что при господствѣ одной фамилии, кровное родство Князей будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ цѣлости государственной и тишины внутренней; и тотъ и другой равно обманулись: источники распрей остались тѣже; въ

Возобновленіе междуособій.

исторіи потомковъ Мономаха повторилась исторія Ярославичей: дѣти его, исключая Мстислава, были малодушны, слабы, или вѣроломны, а внуки его отличались мужествомъ, смѣлостію, всѣми свойствами витязей Норманскихъ. Вражда за дѣлежъ между дядями и племянниками была неизбежна.

Сверхъ того, присвоеніе младшимъ родомъ первенства и большей части Руси, уничтоживъ мысль о законности старѣйшинства, опредѣлявшаго порядокъ наслѣдства Великокняжеской власти, открыло обширное поприще властолюбію Князей безмоконныхъ, въ самомъ родѣ Мономаховомъ, и дало имъ смѣлость идти по слѣдамъ его. Тѣмъ менѣе думали отказаться отъ своего права старшіе потомки Ярославовы, Князья Черниговскіе, что Кіевскій престолъ послѣ Мстислава былъ пріобрѣтеніемъ завиднымъ.

Въ слѣдствіе сего, возобновленная Мономахомъ Ярославова система рушилась: 1, отъ междоусобія дѣтей и внуковъ его, отъ вражды дядей съ племянниками; 2, отъ стремленія къ первенству Князей Черниговскихъ, увлекшихъ за собою и другія поколѣнія.

Ярополкъ
Владимір.
1133 - 1139.

47. Междоусобія въ родѣ Мономаховомъ обнаружались немедленно по вступленіи на престолъ Кіевскій слабого Ярополка Владиміровича. Мстиславъ,

передавая ему Великокняжеское достоинство, обязалъ его договоромъ уступить въ удѣлъ сыну своему Всеволоду Князю Новгородскому Переяславль, отчину Мономахову, съ кою соединялась уже мысль о правѣ на престолъ Кіевскій. Ярополкъ хотѣлъ исполнить договоръ; но братъ его Юрій, властолюбивый Князь Суздальскій, самъ помышляя о Кіевѣ, выгналъ Всеволода изъ Переяславля; Ярополкъ, не умѣя поддержать своихъ распоряженій рѣшительными мѣрами, и въ тоже время проникая замыслы Юрія, отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу, который согласился въ замѣнъ уступить свой удѣльный городъ Туровъ племяннику, Изяславу Мстиславичу; но вскорѣ раздумалъ, вѣроятно устрешенный опаснымъ сосѣдствомъ Половцевъ, и возвратился въ Туровъ. Переяславлемъ снова завладѣлъ Юрій; а Изяславъ, оставшись безъ удѣла, обратился къ брату, Новгородскому Князю Всеволоду; оба Мстиславича соединились съ Князьями Черниговскими, Ольговичами, и пошли на дядей: Всеволодъ съ Новгородцами на Юрія, Изяславъ съ Ольговичами, призвавшими Половцевъ, на Ярополка. Первый проигралъ битву на Ждановой горѣ и бывъ за то изгнанъ Новгородцами, удалился во Псковъ, гдѣ и умеръ; а второй, опустошивъ область Переяславскую, примирился съ Ярополкомъ и получилъ отъ него Владиміръ Волинскій. Переяславль отданъ былъ Андрею Владиміровичу.

Князья Черниговскіе искусно вмѣшались въ эту вражду, чтобы раздѣлить силы дома Мономахова и ослабивъ ихъ раздоромъ, присвоить первенство, принадлежавшее имъ по праву. Они начали съ Новгорода, воспользовавшись своеволіемъ народа, и утвердили тамъ власть свою. Но избранный Новгородцами Святославъ Ольговичъ не умѣлъ угодить буйной черни, былъ изгнанъ и попался въ руки соперниковъ. Братъ его Всеволодъ, призвавъ Половцевъ, опустошилъ южныя области Руси. Тогда всѣ дѣти и внуки Мономаха соединились дружнымъ союзомъ и подступили къ Чернигову. Всеволодъ смирился и, чтобы отклонить грозу, заключилъ договоръ, ожидая перваго случая разсорить Мономахово племя и овладѣть Кіевскимъ престоломъ. Этотъ случай вскорѣ представился: Ярополкъ умеръ; мѣсто его спѣшилъ занять Вячеславъ Владиміровичъ. Зная малодушіе и безпечность новаго Великаго Князя, Князь Черниговскій быстро подступилъ къ Кіеву и выгналъ Вячеслава.

Всеволодъ.
Ольговичъ.
1139 - 1146.

48. Всѣ потомки Мономаховы вооружились на Ольговича, привыкнувъ считать Кіевъ собственностію своего рода. Всеволодъ спѣшилъ предупредить грозу и, пославъ воеводъ противъ Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владиміровича, самъ пошелъ на Андрея Перемыславскаго, въ намѣреніи отнять удѣлъ его для брата, какъ будущаго преемника

своего. Дѣти Мономаховы мужественною обороною удержали за собою свои удѣлы; но, не успѣвъ соединиться, принуждены были заключить миръ и оставить Всеволода спокойнымъ обладателемъ Кіева. Мстиславичи даже подружались съ нимъ, въ надеждѣ получить послѣ него Кіевскій престолъ, какъ онъ обѣщаль имъ. Всеволоду оставалось смирить только двухъ Князей, постоянно враждовавшихъ ему: Юрія Суздальскаго и Владимірка Галицкаго. Юрій, младшій сынъ Мономаха, будучи властолюбивѣе и коварнѣе старшихъ братьевъ, давно уже готовилъ себѣ Кіевскій престолъ, не спускалъ взора съ Переяславля, и всѣми мѣрами старался утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ. Подстрекаемые его происками, буйные Новгородцы изгнали братьевъ и сыновей Великаго Князя; при всемъ томъ не могли поладить съ Юріемъ и предавались всѣмъ неистовствамъ необузданной свободы. Сынъ же знаменитаго Володаря Перемышльскаго, Владимірко, не менѣе честолюбивый, еще болѣе хитрый и далеко превосходившій Юрія мужествомъ, бичъ Поляковъ и Венгровъ, основавъ свою столицу въ Галичѣ на Днѣстрѣ, прибиралъ къ своимъ рукамъ удѣлы братьевъ, вмѣшивался въ раздоры Князей сѣверной Руси, искалъ случая увеличить свою область и простиралъ свои замыслы на Владиміръ Волинскій, гдѣ господствовалъ сынъ Великаго Князя. Всеволодъ убѣдилъ своихъ братьевъ и домъ Мономаха предпри-

нять походы на Галичь. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ войскомъ, хитрый Владиміръ склонилъ на свою сторону брата Всеволодова Игоря, обѣщаніемъ содѣйствовать ему къ восшествію на Кіевскій престолъ и заключилъ миръ; вскорѣ нарушилъ его изгнаніемъ племянника, Іоанна Берладника, покровительствуемаго Всеволодомъ, снова вооружилъ противъ себя всѣхъ Русскихъ Князей и снова избѣгнувъ мщенія, мужественною обороною Звенигорода воеводою Иваномъ Хадѣвичемъ. Между тѣмъ Всеволодъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ брата своего Игоря.

1146.

Игорь
Одговичъ.

Кіевляне, раздражаемые несправедливостью и грабительствомъ тиуновъ Всеволодовыхъ, требовали, чтобы Игорь удалилъ ихъ и, получивъ обѣщаніе, согласились признать его Государемъ; но не видя исполненія даннаго имъ слова, предложили престолъ Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, напомиавшему своего дѣда мужествомъ, благочестіемъ, привѣтливостію, стольже хитрому и честолюбивому. Онъ прибылъ съ войскомъ изъ Переяславля и съ радостію былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ. Игоря же народъ заключилъ въ темницу.

1146.

Изяславъ
Мстиславъ.
1146 - 1154.

49. Овладевъ Кіевомъ, Изяславъ накликалъ на себя враговъ со всѣхъ сторонъ: Князя Черниговскіе должны были вооружиться за право родствен-

ника и за право старѣйшихъ; сыновья Мономаховы тѣмъ менѣ могли простить дерзкому племяннику, что Вячеславъ уже былъ Великимъ Княземъ, а Юрій давно искалъ сего достоинства, и пыталъ личную вражду къ Изяславу; Владимірку Галицкому, для вѣрнѣйшаго успѣха его замысла, хотѣлось видѣть въ Кіевѣ не мужественнаго Мстиславича, а слабого Игоря. Престоль его окруженъ былъ отвсюду опасностями, какъ скала, подмываемая бурнымъ моремъ. Онъ устоялъ на своемъ, одолѣлъ враговъ искусною политикою, геройскимъ мужествомъ, и умеръ Великимъ Княземъ, но подъ громомъ браней междоусобныхъ, низринувшихъ престоль Великаго Князя Кіевскаго и разорвавшихъ Русь на части.

Прежде всѣхъ вооружился Святославъ Ольговичъ, для освобожденія брата своего Игоря; въ слѣдъ за нимъ Юрій Суздальскій. Великій Князь, дѣйствуя быстро и рѣшительно, отражалъ ихъ набѣги и опустошалъ ихъ собственныя области тѣмъ успѣшнѣе, что Князья Черниговскіе, двоюродные братья Святославы, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи, держали его сторону. Вскорѣ однакожъ союзники коварно его оставили, соединившись съ врагами. Вѣроломство ихъ озлобило Кіевлянъ, любившихъ Изяслава; раздраженная чернь умертвила Игоря, уже схланика. Смерть его воспламенила войну все-

общую. Соперники дрались съ ожесточеніемъ. Къ счастью Изяслава, Юрій своею медленностію и коварною политикою раздражалъ союзниковъ, даже собственныхъ дѣтей, между тѣмъ, какъ сынъ Мстислава умѣлъ заслужить уваженіе самыхъ враговъ. Князья Черниговскіе предложили миръ, дали клятву блюсти Русскую землю заодно съ Изяславомъ и вооружились на Юрія, за покушеніе его овладѣть Новгородомъ.

Святославъ Ольговичъ не могъ однако забыть смерть брата и, считая Великаго Князя убійцею его, соединился съ Княземъ Суздальскимъ, который осадилъ Переяславль. Подъ стѣнами этого города сразились соперники. Осторожный Юрій, пользуясь опрометчивостію племянника, разбилъ его наголову, овладѣлъ Переяславлемъ, вскорѣ самымъ Киевомъ и распредѣлялъ удѣлы. Изгнанный Изяславъ, укрывшись въ Владимірѣ Волынскій, нашелъ союзниковъ въ Короляхъ Польскомъ, Венгерскомъ и Богемскомъ, которые привели ему свои войска. Но Юрій умѣлъ склонить иноземцевъ къ удаленію изъ Руси, заключилъ тѣсную дружбу съ Владиміркомъ Галицкимъ и послѣ успѣшныхъ дѣйствій въ Волини, прославившихъ мужественнаго сына его Андрея, принудилъ племянника смириться. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя, которое, съ общаго согласія, предоставили старшему

дядь его, Вячеславу, и удовольствовался Владимірскою областью, съ данями Новгородскими.

Юрій не исполнилъ договора, удержавъ Кіевъ за собою. Вражда запылала снова; Изяславъ быстро пошелъ на него, выгналъ его изъ столицы, удалилъ и другаго дядю Вячеслава; но въ свою очередь разбитый союзникомъ Юріевымъ, Княземъ Галицкимъ, удался въ область Владимірскую, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить дядю или умереть. Оставленный всѣми Князьями Русскими, онъ заключилъ союзъ съ Королемъ Венгерскимъ Гейзою, получилъ отъ него 10,000 воиновъ, воинскою хитростію обманулъ Владимірка, заслонявшаго ему дорогу къ Кіеву, и такъ быстро подступилъ къ столицѣ, что Юрій едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Кіевляне приняли его съ восторгомъ и снова провозгласили Великимъ Княземъ. Для лучшаго успѣха, онъ умѣлъ заслужить любовь добродушнаго Вячеслава, который охотно согласился раздѣлить съ нимъ престолъ и призналъ его сыномъ своимъ. Венгры возвратились восвояси. Юрій между тѣмъ собралъ войско, напрягъ всѣ силы свои, призвалъ Ольговичей, Половцевъ, и осадилъ Кіевъ. Вячеславъ убѣждалъ Юрія забыть вражду и прекратить кровопролитіе, говоря, что Изяславъ объявилъ его своимъ отцемъ и Государемъ. Князь Суздальскій соглашался признать старшаго брата Государемъ, но требовалъ,

чтобы племянники, Изяславъ и братъ его Ростиславъ, Князь Смоленскій, удалились изъ Кіева. Вячеславъ не хотѣлъ разстаться съ ними: тогда рѣшиши дѣло битвою, подъ стѣнами Кіева, упорною и кровопролитною. Не взирая на мужество сына своего Андрея, Юрій былъ разбитъ наголову и бѣжалъ въ Переяславль; изгнанный и отсюда, ушелъ въ Городню и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ отъ союзника своего Владимірка.

Но Изяславъ, умѣя побѣждать, умѣлъ и пользоваться побѣдою. Онъ снова призвалъ на помощь вѣрнаго союзника своего Короля Гейзу и вмѣстѣ съ нимъ поразилъ Владимірка на берегахъ Сана. Князь Галицкій едва успѣлъ укрыться въ Перемышлѣ, притворился тяжело раненымъ и молилъ союзниковъ о пощадѣ. Изяславъ, зная характеръ его, хотѣлъ довершить мечь. Но Гейза, поспѣшая отразить отъ своихъ предѣловъ Императора Мануила, вступившагося за друга своего, Князя Галицкаго, склонилъ союзниковъ къ миру и обязалъ общаго врага клятвою навсегда остаться другомъ Изяславу. Владимірко, по удаленіи Гейзы, не думалъ исполнить договоръ, и снова замышлялъ походъ на Изяслава, услышавъ, что Юрій опять вооружился. Неожиданная смерть прекратила его замысль. Сынъ его Ярославъ ласкалъ Великаго Князя; но также слѣдовалъ политикѣ отцовской: новая всеобщая вой-

на грозила отечеству. Изяславъ не успѣлъ примирить своихъ враговъ и умеръ, оплакиваемый, какъ отецъ, своими подданными.

50. Вячеславъ, переживъ племянника, коего онъ любилъ, какъ сына, призвалъ на престолъ Великокняжескій другаго Мстиславича, Ростислава, Князя Смоленскаго. Но ни Князя Черниговскіе, ни Юрій не хотѣли признать его Государемъ, и сами искали Кіева Изяславъ Давидовичъ выгналъ Ростислава, а Юрій вытѣснилъ Изяслава, и сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ. Онъ достигъ наконецъ своей цѣли, уже въ старости, и хотя по смерти Вячеслава имѣлъ болѣе другихъ право на первенство; но ни Князя, ни подданные не любили его. Впрочемъ непрерывныя междоусобія такъ всѣхъ утомили, что съ восшествіемъ Юрія на престолъ, водворилась тишина въ Руси, только не долговременная. Мстиславъ Изяславичъ, сынъ главнаго врага Юріева, не хотѣлъ признать его Великимъ Княземъ и дѣйствовалъ въ Волыни, какъ непріятель. Князя Черниговскіе соединились съ нимъ тѣснымъ союзомъ, къ коему пристаи и другіе Князя. Всеобщее междоусобіе готово было вспыхнуть: смерть Юрія предупредила его. Насталъ новый порядокъ вещей.

Юрій Дол-
горукій.
1154-1157.

113.

1157.

V. РАЗДРОВЛЕНІЕ РУСИ НА КНЯЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫЯ.

1157 — 1238.

Самостоя-
тельность
поколѣній

51. Смертью Юрія Долгорукаго рушилась устанавленная Мономахомъ система соединенія Русскихъ княжествъ въ одно цѣлое властію Великаго Князя Кіевскаго. Доселѣ, въ продолженіе 100 лѣтъ не взирая на явное стремленіе удѣльныхъ владѣтелей къ самостоятельности, не могла исчезнуть мысль о первенствѣ Князя Кіевскаго, о зависимости отъ него удѣльныхъ. На престолѣ его смотрѣли, какъ на опору верховной власти, и каждый Князь, успѣвавшій утвердиться въ Князѣ даже безъ законнаго права, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ силою и мало по малу приучалъ ихъ къ повиновенію: такъ господствовали Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Мстиславичъ, самъ Юрій Долгорукій, возсѣвшій уже на развалинахъ, ненавистный родственникамъ и народу. Онъ былъ послѣднимъ.

Понятіе о правѣ поколѣній на власть наследственную, на самостоятельность неограниченную, достигло полнаго развитія, уничтожило понятіе о первенствѣ Кіевскаго владѣтеля, разорвало союзъ частей и раздробило Русь въ родѣ Владиміра св. на множество княжествъ независимыхъ, изъ коихъ каждое пред-

ставляло міръ отдѣльный, принадлежало исключительно одной фамиліи и дробилось въ отрасляхъ ея на новыя княжества. Здѣсь вездѣ повторялась исторія прежней Руси, только въ меньшемъ объемѣ, ограничиваясь отраслями одного рода: тѣ же междоусобія дядей съ племянниками, тоже стремленіе къ первенству однѣхъ фамилій, противодействие другихъ. При внутреннемъ волненіи, княжества еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Киевомъ или Новгородомъ, переходившими изъ одного рода въ другой, и это столкновение было поводомъ къ новымъ распрямъ.

Рѣшительное стремленіе къ отдѣльной самостоятельности обнаружилось вскорѣ по смерти Мстислава Великаго, во всѣхъ потомкахъ Владиміра св. Главные
поколенія. Многіе роды угасли, не достигнувъ этой цѣли; другіе же, пользуясь слабостію преемниковъ Мстислава, въ особенности враждою Ольговичей съ дѣтьми и внуками Мономаха, утвердили наследственную власть въ прибрѣтенныхъ ими удѣлахъ и передали ее своимъ потомкамъ. Четыре главныя отрасли, раздѣлившіяся въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія на многія вѣтви, господствовали въ Русской землѣ отъ смерти Юрія до нашествія Монголовъ: I, въ родѣ Изяслава Полоцкаго; II, Володаря Перемышльскаго; III, Святослава Черниговскаго и IV, Владиміра Мономаха.

Князь
Полоцкіе.

52. Родъ Всеслава Полоцкаго былъ старшею отраслю Владиміра св. Онъ господствовалъ до Мстислава Великаго въ Полоцкѣ, Друцкѣ, Минскѣ, Логожскѣ, Лукомлѣ, и другихъ городахъ земли Кривской, раздѣляясь на два главные дома, Князей Полоцкихъ и Минскихъ; ранѣ всѣхъ другихъ потомковъ Владиміра св. хотѣлъ быть независимымъ, и не признавая первенства Великаго Князя Киевскаго, постоянно враждовалъ дому Ярослава Мудраго. Потрясенный Владиміромъ Мономахомъ, изгнанный въ Грецію Мстиславомъ I, родъ Всеславовъ успѣлъ снова утвердиться въ наслѣдственной области, при слабомъ Ярополкѣ, и съ тѣхъ поръ господствовалъ въ ней независимо до начала XIV вѣка. Внутреннія междоусобія свирѣпствовали здѣсь съ такимъ же ожесточеніемъ, по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ другихъ княжествахъ Русскихъ. Въ непримиримой враждѣ, Князья прибѣгали къ чужой помощи и давали поводъ утвердить надъ собою вліяніе Князьямъ Суздальскимъ, еще болѣе Черниговскимъ; наконецъ до того себя ослабили, что не имѣли средствъ отразить стремленіе Литовскихъ завоевателей и подпали ихъ власти.

Князь
Галицкіе.

53. Родъ Володаря Перемышляскаго ранѣ всѣхъ другихъ поколѣній Ярославовыхъ обнаружилъ стремленіе къ самостоятельности. Онъ господствовалъ болѣе 60. лѣтъ, до конца XII вѣка, неза-

висямо отъ Великаго Князя Кіевскаго, въ югозападной Руси; здѣсь, на берегахъ Днѣпра, сынъ Володаревъ Владимірко построилъ городъ Галичъ и положилъ основаніе могущественному *Княжеству Галицкому*, между Карпатами и обоими Бугами, присоединивъ къ нему удѣлы братьевъ и племянниковъ, Перемышль, Теробовль, Звенигородъ. Не довольствуясь богатою областію, онъ старался овладѣть Волиныю и тѣснилъ тамошнихъ Князей, завистливыхъ отъ Великаго Князя Кіевскаго. Властолюбіе и вѣроломство его вооружало неоднократно всѣхъ почти Князей Русскихъ на Галичъ. Всеволодъ Ольговичъ и Изяславъ Мстиславичъ нѣсколько разъ приходили туда съ союзниками и многочисленнымъ войскомъ: Князь Галицкій спасалъ свой престолъ частію мужествомъ, частію помощію Венгровъ и Поляковъ, а болѣе всего распрями своихъ неприятелей. Для вѣрнѣшаго успѣха въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ, онъ искусно вмѣшивался въ раздоры потомковъ Мономаха и въ родовую вражду ихъ съ Ольговичами, былъ непримиримымъ врагомъ Изяславу Мстиславичу и постояннымъ другомъ Юрію Долгорукому, коему болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ содѣйствовалъ къ изгнанію Изяслава изъ Кіева. Преемникъ его Ярославъ Владиміровичъ слѣдовалъ иной политикѣ: не искалъ безполезныхъ завоеваній, любилъ миръ, покровительствовалъ промышленности, заслужилъ уваженіе не только Рус-

скихъ Князей, чтившихъ въ немъ государя мудраго сильнаго, но и чужеземныхъ вѣнценосцевъ: Греческій Императоръ Мануилъ искалъ его пріязни; Греческій царевичъ Андроникъ покровительства; сосѣдственные же Короли Вейгерскій и Польскій трепетали его оружія. Плодомъ мудрой политики Ярослава, названнаго современниками *Осмомысломъ*, было цвѣтущее состояніе Галицкаго княжества, богатство жителей, обширная торговля и очевидное смягченіе правовъ народныхъ. Смертію недостойнаго преемника его Владимира пресѣкъ знаменитый домъ 1198. Володаря Перемышльскаго. Галичъ, послѣ многихъ волненій, перешелъ въ родъ Романа Мстиславича Князя Волинскаго.

54. Родъ Святослава Черниговскаго въ потомствѣ двухъ сыновей его, Олега и Ярослава, раздѣлился на четыре главныя отрасли: Князей Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Рязанскихъ и Пронскихъ.

I. Домъ Олега, въ родѣ старшаго сына его, *Всеволода* Ольговича, утвердилъ господство въ княжествѣ Черниговскомъ; въ родѣ младшаго сына, *Святослава*, въ княжествѣ Сѣверскомъ.

Князья Черниговскіе.

а) Князья Черниговскіе сосредоточивали вокругъ себя политику средней Руси: вели безпрестанныя

войны, или заключали союзы съ Князьями Смоленскими, Волынскими, Галицкими и Суздальскими; хотѣли имѣть вліяніе на Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ, и нерѣдко достигали своей цѣли. Присвоеніе Кіева, въ особенности Новгорода, вовлекало ихъ въ раздоры съ владѣтелями Суздальскими, которые со временъ Юрія Долгорукаго искали первенства надъ всѣми Князьями и на этомъ основаніи хотѣли властвовать въ Новгородъ, составлявшемъ искони удѣлъ Великаго Князя. Всѣ потомки Всеволода Ольговича отличались неутомимою дѣятельностію, воинственнымъ духомъ и беспокойнымъ нравомъ. Славнѣйшій изъ нихъ былъ сынъ Всеволодовъ, Святославъ: умомъ и оружіемъ онъ утвердилъ господство своего дома въ Черниговѣ, (коимъ овладѣлъ было младшій родъ Святослава Ярославича въ поколѣніи Давида, подъ вліяніемъ Князя Суздальскаго Андрея Боголюбскаго), искусно ссорилъ потомковъ Мономаховыхъ и съ успѣхомъ пользуясь ихъ распрями, господствовалъ въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ. Внукъ его Михаилъ Всеволодовичъ былъ свидѣтелемъ нашествія Батыева и жертвою своей великодушной твердости.

1194.

б) Князья *Сѣверскіе*, потомки большею частію Князья Сѣверскіе. Святослава Ольговича, господствовали въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Путивлѣ, Брянскѣ, Трубчевскѣ, Курскѣ, и другихъ городахъ на лѣвой сторонѣ Днѣп-

ра. Раздѣляясь на многія отрасли, они устремляли воинственную дѣятельность свою преимущественно на южныхъ сосѣдей, Половцевъ, и нерѣдко принимали отважные походы въ землю Половецкую. Изъ нихъ болѣе всѣхъ прославились мужествомъ ратнымъ два брата, дѣти Святослава Ольговича, Игорь Сѣверскій и Всеволодъ Трубчевскій; смѣлый подвигъ ихъ описанъ въ Словѣ о полку Игоревомъ.

Князья
Рязанскіе
и Пронскіе.

II. Домъ Ярослава Святославича *Рязанскаго*, раздѣленный въ родѣ двухъ сыновей его Ростислава и Святослава на два поколѣнія, господствовалъ въ *Рязани* и *Муромѣ*; въ началѣ XIII столѣтія отрасль Князей Рязанскихъ утвердилась въ *Пронскѣ*, въ поколѣніи внука Ростиславова Всеволода Глѣбовича. Потомки Ярослава Рязанскаго вели междоусобныя войны и дали поводъ Андрею Боголюбскому подчинить себя его власти; зависимость ихъ отъ Суздаля еще болѣе утвердилась при Всеволодѣ Юрьевичѣ. Но слабый Георгій Всеволодовичъ допустилъ имъ возвратить прежнюю самостоятельность.

55. Родъ Владиміра Мономаха, въ поколѣніи двухъ сыновей его Мстислава и Юрія, раздѣлившись на многія вѣтви, утвердилъ наслѣдственную власть въ большей части древней Руси. Старшее поколѣніе Мономахово господствовало въ кня-

жествахъ Волынскомъ, Галицкомъ, Смоленскомъ и Ярославскомъ, младшее въ Суздальскомъ.

1. Въ *Волынскомъ* княжествѣ, во Владимірѣ, Князя
Волынскіе. Луцкѣ и другихъ городахъ, съ половины XII вѣка утвердилось старшее поколѣніе Мстислава I, въ родѣ сына его Изяслава Мстиславича; знаменитѣйшимъ изъ Князей этого дома, былъ внукъ Изяславовъ Романъ Мстиславичъ, который въ 1198 году, по смерти Владиміра, послѣдняго потомка Володарева, овладѣлъ, при помощи Поляковъ, Галичемъ, прославился рѣдкимъ мужествомъ и неслыханнымъ тиранствомъ въ новомъ государствѣ своемъ: безъ пощады истреблялъ вельможъ, вымышлялъ муки и плавалъ въ крови подданныхъ; въ то же время былъ грозою для всѣхъ сосѣдей, располагалъ Кіевомъ, громилъ Польшу, обуздывалъ Литву, Ятвяговъ, и величался именемъ Самодержца всея Руси. Сынъ его Даніилъ еще болѣе прославился мужественною борьбою съ Монголами и упрочилъ наследственную власть своего дома въ княжествѣ Галицкомъ, гдѣ потомки его господствовали до соединенія Галиціи съ Польшею въ XIV столѣтіи.

II. Въ *Смоленскомъ* княжествѣ утвердилась другая отрасль Мстислава Великаго, въ родѣ втораго сына его Ростислава. Домъ его наиболѣе прославился двумя героями, Мстиславомъ Храбрымъ и Кн. Смоленскіе и Ярославскіе.

1183. Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ Храбрый, сынъ Ростислава, ознаменовалъ себя мужествомъ въ восточной Руси, въ дѣлахъ Новгорода съ Князьями Суздальскими; Мстиславъ Удамой, сынъ Храбраго, еще болѣе обезсмертилъ себя изгнаніемъ Венгровъ изъ Галиціи, коею они овладѣли было по смерти Романа, и битвою съ Монголами на Калкъ. Въ концѣ XIII вѣка отрасль Князей Смоленскихъ въ родѣ Феодора Чернаго утвердилась и въ Ярославѣ.
- 1224.

Князь
Суздальскій.

III. Младшій родъ Владиміра Мономаха, въ поколѣніи сына его Юрія Долгорукаго, утвердилъ наслѣдственную власть въ княжествѣ *Суздальскомъ*. Получивъ отъ отца въ удѣлъ страну менѣе другихъ обширную (между Волгою, Клязьмою и Протою), лѣсистую, малолюдную, съ тремя городами Сузда-лемъ, Ростовомъ и Владиміромъ, Юрій проложилъ въ лѣсахъ пути, построилъ храмы, обратилъ язычниковъ въ вѣру христіанскую, основалъ Переяславъ Залѣсскій, Дмитровъ, Юрьевъ, Москву, правилъ своимъ удѣломъ независимо, и вступивъ на Кіевскій престолъ, отдалъ свою отчину сыну Андрею, который, по смерти отца, принялъ титулъ *Великаго Князя*. Возвышаясь надъ понятіями современниковъ, Андрей Боголюбскій хотѣлъ ввести едино-властіе: первый изъ Русскихъ Князей не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, и съ именемъ Великаго Князя господствовалъ единодержа-

вно. Недовольный ни обширною областію, которая распространилась до береговъ Камы, ни зависимо- стію или союзомъ одиннадцати Князей, онъ рѣ- шился утвердить свою власть въ двухъ главныхъ пунктахъ Руси, въ Кіевѣ и Новгородѣ; откуда, опираясь на свою отчину, могъ повелѣвать, подо- бно Мономаху, почти всею землею Русскою. Рѣши- тельныя мѣры, къ которымъ онъ всегда прибѣгалъ въ важныхъ случаяхъ, вели его къ дѣли: Кіевъ былъ взятъ приступомъ и отданный въ управленіе брату Андрееву Глѣбу, навсегда утратилъ первенство ме- жду Русскими городами. Новгородъ, послѣ упор- наго сопротивленія, также призналъ надъ собою власть Государя Суздальскаго. Но преждевременная смерть не допустила его ввести новую систему господства. Престоль Суздальскій, по смерти Ан- дрея, долгое время былъ предметомъ распріи между двумя братьями его Михаиломъ и Всеволодомъ Юрь- евичами и тремя племянниками. Всеволодъ, одолевъ соперниковъ, поддержалъ могущество Княжества Суздальскаго, и хотя утратилъ господство надъ Кіевомъ и Полоцкомъ, но за то былъ сильнѣе са- мого Андрея въ сѣверовосточной Руси, утвердивъ свое вліяніе въ Рязани, Муромѣ, Пронскѣ, Новго- родѣ, Псковѣ и Смоленскѣ. Междоусобіе дѣтей Все- володовыхъ Константина и Георгія, соединенное съ правленіемъ слабымъ, имѣло слѣдствіемъ независи- мость Новгорода, Смоленска, Рязани, и раздробле-

1169.

1174.

1175.

1212.

ніе Суздальской области на многіе удѣлы. При всемъ томъ Андрей и Всеволодъ оставили столь сильное впечатлѣніе въ умахъ современниковъ, что съ тѣхъ поръ Князь Суздальскій могъ считать себя главою восточной Руси и преимущественно носилъ имя Великаго Князя. Предъ нашествіемъ Монголовъ княжество Суздальское раздѣлено было въ родъ Всеволода Великаго на три главные удѣла: Ростовскій и Бѣлозерскій, гдѣ княжили дѣти Константина Всеволодовича; Владимірскій, гдѣ господствовалъ Георгій Всеволодовичъ съ титуломъ Великаго Князя; Переяславскій и Тверской, принадлежавшій Ярославу Всеволодовичу.

Княжество
Новгородск.

56. Княжество Новгородское не принадлежало исключительно ни какому поколѣнію Владимира св., присвоило себѣ право избирать Князя по произволу, ограничило его власть, и управляясь народнымъ вѣчемъ, представляло также міръ отдѣльный. Преемники Ярослава I., занятые междуособіями въ южной Руси, упустивъ изъ виду сѣверную часть ея, дали время утвердиться въ Новгородѣ стремленію къ самостоятельности, замѣтному уже при первыхъ Князьяхъ Норманнскихъ. Новгородцы съ искусствомъ воспользовались этими междуособіями: такъ Святополкъ II долженъ былъ отказаться отъ намѣренія поручить Новгородъ своему сыну и согласился видѣть тамъ Князя, угоднаго

народу, Мстислава Владиміровича. Мономахъ и Мстиславъ I остановили бурное стремленіе къ независимости. Но едва вступилъ на Кіевскій престоль слабый Ярополкъ, Новгородцы изгнали своего Князя Всеволода Мстиславича, и народное вѣче, не требуя согласія Ярополкова, собственной властію избрало посадника. Сей верховный сановникъ, дотолъ зависѣвшій отъ Князя, назначаемаго обыкновенно государемъ Кіевскимъ, долженъ былъ отселъ исполнять волю только вѣча народнаго. Между тѣмъ запылала кровавая вражда Ольговичей съ домомъ Мономаха. Новгородцы пользовались ею искусно, выбирали Князя, какого хотѣли, отстраняя слишкомъ сильныхъ, изъ опасенія за свои права, и достигли наконецъ чего искали: права избирать Князя угоднаго народу. Тщетно властолюбивый Юрій употреблялъ всѣ средства, чтобы смирить ихъ, сѣялъ раздоръ, неразлучный съ господствомъ народнымъ, находилъ себѣ въ Новгородѣ друзей, тѣснилъ его предѣлы. Новгородцы ссорились, волновались, топили посадниковъ; но всегда, при первой опасности, дружно стояли за свою волю. Андрей Боголюбскій, желая быть главою всей Руси, властвуя неограниченно въ наслѣдственной области, назначая Князей, себѣ подручныхъ, въ Кіевъ, Рязань, Черниговъ, Смоленскъ, даже въ отдаленный Полоцкъ, требовалъ безусловной покорности Новгорода, назначалъ ему Князя, хотѣлъ быть верховнымъ судъ-

ею во всѣхъ дѣлахъ его гражданскихъ и церковныхъ. Новгородцы рѣшились отстоять свое право и подавить самовластіе государей Суздальскихъ въ самомъ началѣ: единодушно вооружились за св. Софію, за Великій Новгородъ, отбили грозное ополченіе Андрея, состоявшее изъ дружинъ союзныхъ съ нимъ Князей, и въ рѣшительномъ сраженіи, взяли такъ много въ плѣнъ, что за гривну отдавали 10 Суздальцевъ. Андрей устоялъ однако на своемъ: сначала согласился примириться съ Новгородцами на *всей волѣ* ихъ; но вскорѣ, посредствомъ однихъ переговоровъ, довелъ ихъ до того, что они согласились признать сына его своимъ Княземъ и представлять на верховный судъ Андрея дѣла гражданскія. Успѣхъ Боголюбскаго имѣлъ важныя послѣдствія: съ тѣхъ поръ каждый Великій Князь Суздальскій старался подчинить себѣ Новгородъ и утвердить тамъ верховную власть суда, съ правомъ получать ежегодно опредѣленную подать. Новгородцы, при всемъ желаніи полной независимости, не могли избавиться отъ неотступныхъ притязаній Князей Суздальскихъ, искали союзниковъ въ Князьяхъ Черниговскихъ, Смоленскихъ, и вообще слѣдовали правилу, признавать своимъ Княземъ только того, кто давалъ клятву держать ихъ по старинѣ, по льготнымъ грамотамъ Ярославовымъ; если же замѣчали малѣйшій признакъ самовластія, немедленно изгоняли его съ безчестіемъ и призы-

вали другаго. Въ слѣдствіе сего тамъ являлись одинъ за другимъ Князья изъ рода Суздальскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ. Рѣдкій изъ нихъ княжилъ болѣе 3 лѣтъ, и въ теченіе ста лѣтъ въ Новгородѣ перемѣнилось 30 Князей. Среди бурнаго волненія образовалось внутреннее устройство Новгородское, остававшееся неизмѣннымъ до Юанна III. Главныя черты его были слѣдующія :

Верховная власть законодательная и судебная, въ дѣлахъ общихъ, государственныхъ, принадлежала *народному вѣчу* или земскому совѣту, составленному изъ гражданъ Новгородскихъ. Собираясь по звуку вѣчеваго колокола, обыкновенно на дворѣ Ярославовомъ, иногда въ Софійскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, оно опредѣляло миръ и войну съ сосѣдями; избирало Князя, посадника, владыку (архіепископа), судило государственныхъ преступленія, измѣну, согласіе съ непріятелями; рассматривало самовольныя дѣйствія Князя и посадника; назначало соразмѣрныя винѣ ихъ наказанія: первому изгнаніе, второму нерѣдко смерть, и удовлетворяло жалобамъ бѣдныхъ людей на богатыхъ.

Власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ была исключительнымъ правомъ *Князя*, избраннаго народнымъ вѣчемъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за

внутреннимъ правосудіемъ и заботиться о вѣншей безопасности: для сего имѣлъ свою дружину, которая въ мирное время производила судъ и расправу, въ военное составляла княжеское войско. Въ награду за свои труды, Князь Новгородскій пользовался судными пошлинами и опредѣленнымъ сборомъ съ разныхъ предметовъ. Во время похода онъ былъ главнымъ вождемъ; но распоряжалъ дѣйствіями вмѣстѣ съ посадникомъ. Вообще Князь Новгородскій былъ только верховный судья и защитникъ Новгорода; если онъ не исполнялъ этихъ двухъ обязанностей, народное вѣче удаляло его.

Власть исполнительная была предоставлена *посаднику*, первому сановнику гражданскому, председателю народнаго вѣча. Онъ начальствовалъ вмѣстѣ съ *тысяцкимъ* надъ полками Новгородскими, велъ переговоры, былъ употребляемъ въ посольствахъ, помогалъ Князю въ судѣ и расправѣ, исправлялъ Княжескія обязанности въ случаѣ его отсутствія; вообще же былъ исполнителемъ всѣхъ опредѣненій народнаго вѣча.

Власть суда духовнаго принадлежала *владыкѣ* или архіепископу, избранному вѣчемъ и утвержденному митрополитомъ Кіевскимъ. Владыка сверхъ того принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ граж-

данскихъ, какъ миротворецъ; но въ свою очередь давалъ отчетъ въ своихъ поступкахъ народному вѣчу.

VI. РУСЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIII ВѢКА.

57. Главныя княжества въ Русской землѣ, предъ Главныя княжества. нашествіемъ Монголовъ въ началѣ XIII вѣка, были:

- 1, Полоцкое, въ родѣ Всеслава Брячиславича.
- 2, Галицкое, въ родѣ Романа Мстиславича.
- 3, Черниговское, въ родѣ Всеволода Ольговича.
- 4, Сѣверское, въ родѣ Святослава Ольговича.
- 5, Рязанское, въ родѣ Ростислава Ярославича.
- 6, Муромское, въ родѣ Святослава Ярославича.
- 7, Вольинское, въ родѣ Изяслава Мстиславича.
- 8, Смоленское, въ родѣ Ростислава Мстиславича.
- 9, Суздальское, въ родѣ Юрія Долгорукаго.
- 10, Новгородское. —

58. Не взирая на раздробленіе государства, на Единство Руск. непрерывныя распри Князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наследственную, крѣпкія узы соединяли всѣ части Русской земли въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытныя, неразрывныя, ожидавшій только великаго ума, чтобы явиться въ грозномъ величій. Во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они

говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, находились подъ властію одного дома, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки.

Языкъ.

Единственнымъ языкомъ во всей Русской землѣ было нарѣчіе Славянское: имъ говорили Князья, бояре, люди духовные и свѣтскіе; на немъ совершали Божественную службу, писали законы, церковныя книги, лѣтописи. Различіе могло быть только между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ: первый, принявшій многія формы Греческія, введенныя переводомъ Библии, былъ употребляемъ въ священнодѣйствіи и въ церковной литературѣ. Здѣсь онъ сохранялъ всё, даже не свойственные ему, слова и обороты Греческіе, и скованный подражаніемъ языку библейскому, не расширялъ своихъ предѣловъ. Языкъ разговорный былъ живѣе, разнообразнѣе, не боялся словъ и оборотовъ чуждыхъ, если они выражали новыя идеи, и смѣло заимствовалъ ихъ изъ сосѣдственныхъ нарѣчій Скандинавскихъ, Польскихъ, Венгерскихъ, даже Половецкихъ. Но могущественный своими элементами, своимъ глубокимъ смысломъ, своимъ мудрымъ устройствомъ, онъ сглаживалъ въ словахъ иноязычныхъ всё признаки чуждаго происхожденія, давалъ имъ нерѣдко свой смыслъ, свои формы и усваивалъ ихъ, какъ родные звуки; отъ сего не могло быть рѣз-

каго различія въ нарѣчіяхъ областныхъ: языкъ книжный былъ одинъ, языкъ народный тоже.

Еще болѣе единства мы встречаемъ въ другомъ
 основномъ элементѣ гражданскаго общества, въ
религии. Вся земля Русская исповѣдывала вѣру хри-
 стианскую, по Греческому обряду, безъ малѣйшихъ
 отмычъ въ богослуженіи, въ правахъ и обязанно-
 стяхъ духовенства. Ни язычество, ни расколы не
 возмущали спокойствія церкви. Все священное для
 Кіева, было святынею для Галича, Полоцка, Нов-
 города, Суздаля, Рязани; устройство монастырей,
 обряды священнодѣйствія, раздѣленіе іерархіи на
 степени, празднества, посты, все выражало одинъ
 типъ Византійскій.

Вѣра.

Верховная власть надъ Русскою землею принад-
 лежала *одному дому* Владиміра св. Хотя родъ его
 раздѣлялся на многія отрасли самостоятельныя, даже
 одна другой непріязненные; но при всемъ раздроб-
 лении, Князья тщательно берегли право своего дома
 на обладаніе Русскою землею: если угасало одно
 поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. На-
 родъ такъ былъ убѣжденъ въ законности, въ не-
 избѣжной необходимости Княжеской власти, и при-
 томъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не
 могли жить безъ Князя. Тѣмъ менѣе удавалось
 иноплеменикамъ оторвать хотя часть земли отъ

Господство
 одного дома.

того пространства, которое очертилъ Норманскій мечъ во времена Владиміра св. и Ярослава I. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами Князей, неоднократно присвоивали югозападные области Руси, но не надолго: если одинъ Князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣшили ему на помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали княжества другъ у друга, но иноземцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего*.

Мысль о еди-
нодержавіи.

Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезла мысль о необходимости *единодержавія*. Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Суздальскаго, Мстислава Удалаго. При всей самостоятельности удѣловъ, многіе изъ нихъ такъ ослабѣли, что сами собою не могли держаться, и искали покровительства сильныхъ государей Суздальскихъ или Галицкихъ. Не даромъ Князь принималъ титулъ Великаго: они помнили, что нѣкогда этотъ титулъ давалъ право господствовать надъ всею землею Русскою. Такъ Всеволодъ Суздальскій, воспитанный въ Греціи, хотѣлъ быть главою государства и повелѣвать сѣверовосточнымъ краемъ; такъ

Мстиславъ Удалой господствовалъ въ полуденномъ, съ именемъ Царя Галицкаго.

Внутреннее устройство Русскихъ княжествъ было Гражданск
устройство. вездѣ одинаково (исключая Новгородъ и Псковъ). Каждый Князь пользовался въ своемъ удѣлѣ неограниченнымъ правомъ суда и расправы, мира и войны; опредѣлялъ подати, строилъ города, назначалъ всѣхъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Дружину его составляли бояре, отроки и мечники. Съ нею онъ совѣтовался о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу; она же была и главнымъ войскомъ его; въ случаяхъ важныхъ созывалось народное вѣче, которое имѣло впрочемъ только голосъ совѣщательный. На войнѣ самъ Князь предводительствовалъ главнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ Княжеской дружины и владѣльцевъ поземельныхъ, съ присовокупленіемъ иногда наемниковъ. Во время битвы онъ всегда былъ впереди своей рати и управлялъ ея движеніями. За сборомъ податей наблюдалъ также самъ Князь, который для сего въ извѣстное время года объѣзжалъ свою область и возвращался въ столицу съ обозомъ хлѣба, меду, мягкой рухляди и другихъ естественныхъ произведеній. Судъ въ дѣлахъ тяжбныхъ и уголовныхъ производили Княжескіе тѣны, которые опредѣляли соразмѣрныя внигъ наказанія денежною пенею: одна часть ея отдавалась обижен-

ному, другая шла въ Княжескую казну, третью бралъ себѣ тѣмъ. Основаніемъ суда и расправы была Русская Правда, дополненная уставными грамотами Князей, носившими одинъ отпечатокъ.

Церковное
устройство.

Если устройство гражданское, при всей неограниченности Князей, не представляло отъѣтъ замѣчательныхъ; тѣмъ болѣе единства господствовало въ *устройствѣ церковномъ*, или въ іерархіи, одной изъ главныхъ стихій Европейской жизни. Главою Русской церкви былъ митрополитъ Кіевскій, назначаемый обыкновенно Византійскимъ патріархомъ; отъ митрополита зависѣли архіепископъ Новгородскій, епископы: Ростовскій, Черниговскій, Переяславскій, Галицкій, Туровскій и другіе. Каждый Князь, въ удѣлѣ коего находилась епархія, имѣлъ право назначить и низложить епископа, но не иначе, какъ съ согласія митрополита, который, сосредоточивая въ рукахъ своихъ верховную власть суда церковнаго, строго наблюдалъ за чистотою вѣры во всей Русской землѣ, за обрядами богослуженія, за исполненіемъ церковныхъ уставовъ.

Элементы
Руси.

59. Единство главныхъ началъ Русской гражданственности было неминуемымъ слѣдствіемъ счастливаго соединенія двухъ могущественныхъ элементовъ, изъ коихъ развилась Русская жизнь, Норманскаго и Византійскаго. Элементъ Норманскій отра-

зился въ общественной жизни Руси: онъ былъ источникомъ фамилнаго права одного дома на власть верховную, суда и расправы, хозяйственнаго управленія, искусства воинскаго. Могущество его такъ сильно дѣйствовало на все пространство земель, къ коимъ только прикасался Скандинавскій мечъ, что ни вѣки, ни иноплеменные народы не могли изгладить вѣзаннаго имъ отпечатка. Но бури, сопро-вождавшія развитіе сего элемента, въ началѣ XIII вѣка еще не утихли и не дали ему созрѣть; многое оставалось въ Руси нерѣшеннымъ, когда пришли въ нее Монголы: не утвердились взаимныя отношенія Князей, не опредѣлился порядокъ престолонаслѣдія, не означились степени сословій, не установились правильныя формы суда; законъ письменный еще не опредѣлялъ сихъ условій. Элементъ Византійскій отразился въ духовной жизни Руси: Греки дали намъ свою вѣру, вмѣстѣ съ обрядами богослуженія ввели повсемѣстно свою іерархію, церковный судъ, монастырскую жизнь, принесли образцы своего духовнаго краснорѣчія, своей исторіи; познакомили насъ съ своими искусствами, художествами, съ своею монетою и торговлею. Типъ Византійскій вѣзался еще глубже Норманскаго, бывъ тѣсно соединенъ съ святынею народною.

Оба элемента, дѣйствуя въ своей сферѣ съ равною силою, не противоборствовали одинъ другому:

ибо Греки, давъ намъ свою іерархію, дали вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе о зависимости ея отъ государя: не только каждый Князь, въ удѣлѣ коего была епархія, могъ назначить и низложить епископа; но и самъ митрополитъ былъ утверждаемъ въ санѣ своемъ властію Ведикаго Князя Кіевскаго, который нерѣдко отвергалъ присланнаго патріархомъ Греческимъ первосвятителя, требовалъ другаго или назначалъ своего, безъ согласія патріаршаго. Отъ сего въ Руси не было слѣдовъ бѣдственнаго двудержавія, раздиравшаго западную Европу. Согласіе обоихъ элементовъ, поддерживая политическое единство Руси, въ то же время благопріятствовало развитію промышленныхъ и нравственныхъ силъ народа.

Общевѣстіе. 60. Въ началѣ XIII вѣка Русь заключала въ предѣлахъ своихъ лучшія, плодоноснѣйшія земли нашего отечества, простираясь отъ горъ Карпатскихъ, Сана, Вислы, Нарева и Нѣмана до устья Оки, отъ верховьевъ Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы до прибрежныхъ пустынь Ледовитаго моря. Въ правленіе Ярослава I, эта обширная страна могла быть значительно населенною по Днѣпру, Припяти, вообще въ югозападныхъ равнинахъ; на востокъ же отъ Днѣпра она заключала въ себѣ безлюдныя пустыни, или дремучіе лѣса Карачевскіе, Муромскіе, Суздальскіе, въ коихъ обитали разсѣянныя, полудикія племена.

Двухвѣковые раздоры не могли конечно благоприятствовать успѣхамъ народонаселенія: отъ непрерывныхъ походовъ, отъ ужасовъ войны междоусобной, Русь, казалось, обратится въ унылую степь, города падуть, села исчезнуть, жители одичаютъ; вышло иначе: гдѣ въ XI столѣтїи безмолствовали пустыни или кочевали отдѣльныя племена, безъ всякихъ понятїй о выгодахъ общежитїя, въ XIII вѣкѣ мы видимъ города. Они возникали съ каждымъ поколѣнїемъ, не только въ обильныхъ областяхъ Черниговской, Галицкой, Кїевской, но и въ Полоцкой землѣ, менѣе благодарной къ трудамъ земледѣльца, въ самой Суздальской странѣ, искони покрытой непроходимыми лѣсами. Среди двухсотлѣтняго волненїя явилось въ Руси до 100 городовъ, болѣе или менѣе цвѣтущихъ.

Князья ли воздвигали ихъ для безопасности отъ непрїятелей, болѣе внутреннихъ, чѣмъ вѣншихъ, или народъ чувствовалъ выгоды общежитїя и строилъ ихъ по внутреннему влеченїю, рѣшить трудно. Изъ лѣтописей видно, что нѣкоторые изъ нихъ были основаны Князьями въ пограничныхъ областяхъ, для защиты отъ Печенѣговъ, Литвы, Половцевъ и другихъ грабителей; во время же раздоровъ, когда безначаліе и насилие заставляли изыскивать всѣ средства къ оборонѣ, внутри государства также могли быть построены крѣпости, гдѣ Князья без-

покойные или слабые находили убѣжище и нерѣдко спасались отъ мести или властолюбія озлобленныхъ родственниковъ. Но такихъ крѣпостей было не много, и кажется, съ вѣроятностію можно думать, что съ сею цѣлію основаны были только тѣ города, коихъ названіе удобно изъяснить, напримѣръ: Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Переяславль, Дмитровъ, Владиміръ, Дѣдославль; другіе же съ непонятными именами, Суздааль, Москва, Рязань, Курскъ, Путивль, Мценскъ, Трубчевскъ, Клецкъ, Теревовль, Лукомль, Логожскъ, Чечерскъ, образовались мало по малу изъ многолюдныхъ старинныхъ селеній.

Какъ бы то ни было, Русскіе города XII и XIII столѣтій существенно отличались отъ Нѣмецкихъ бурговъ: въ нихъ жили не одни Князья съ воинственными дружинами, но и мирные граждане, которые занимались промышленностію. Древніе города, не смотря на частыя опустошенія, съ каждымъ поколѣніемъ становились многолюднѣе. *Новгородъ*, во время Ярослава, окруженный топкими болотами и лѣсами, ограничивалъ свою предприимчивость землею Пермяковъ и берегами Финскаго залива; въ XIII столѣтій онъ овладѣлъ уже всѣмъ пространствомъ отъ Бѣлаго озера до Мурманскаго моря и хребта Уральскаго, получалъ богатства сѣверной Азіи съ берегомъ Оби, гдѣ имѣлъ уже прочныя поселенія, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Болгарами,

доставлявшими его купцамъ сокровища Персїи, посылалъ корабли въ Балтійское море, строилъ Русскія церкви на островѣ Готландѣ, и его войско проникло до самаго Стокгольма. Въ началѣ XIII вѣка имя Новгорода уже славилось на берегахъ Нѣмецкаго моря: ибо вскорѣ онъ занялъ почетное мѣсто въ союзѣ Ганзейскомъ. Если богатство его могло быть слѣдствіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, то чѣмъ изъяснить цвѣтущее состояніе другихъ городовъ, кои какъ будто возраждались изъ пепла въ новомъ, лучшемъ видѣ? *Кіевъ*, опустошаемый неоднократно Половцами, Князьями Черниговскими и Суздальскими, славился красотой и богатствомъ на отдаленномъ востокѣ. Купцы же Византійскіе съ такою выгодною сбывали на его рынкахъ свои издѣлія, что ни злодѣйства Половцевъ, облежавшихъ воды Днѣпровскія, ни внутреннія смятенія наши не устрашали Грековъ, посылавшихъ караваны въ область Кіевскую. *Смоленскъ*, *Полоцкъ*, *Витебскъ*, въ теченіе 200 лѣтъ бывшіе постоянною цѣлію Княжескихъ походовъ, такъ извѣстны были промышленностію своихъ обитателей, что купцы Готландскіе, Любскіе, Бременскіе, посѣщали ихъ съ охотою, имѣли въ нихъ собственныя церкви и заключали торговые договоры, утверждавшіе взаимную дружбу. Въ Галицкой области было много городовъ цвѣтущихъ. Поляки и Венгры съ завистию смотрѣли на богатство ея Князей, имѣвшихъ средства содер-

жать наемное войско. Король Венгерскій, удивляясь великолѣпно *Владимира Волынскаго*, говорилъ, что подобныхъ городовъ онъ мало видалъ и въ Нѣмецкой землѣ.

Словесность. 61. Усердно занимаясь земледѣлемъ; торговлею, воздвигая города, предки наши въ то же время не чуждались умственной жизни. Правда, удѣлвѣшіе памятники Русской словесности XII и XIII столѣтій слишкомъ малочисленны, въ сравненіи съ остатками современной литературы Нѣмецкой или Французской: мы знаемъ только творенія трехъ или четырехъ духовныхъ писателей, записки одного Князя, повѣсть одного поэта и нѣсколько летописей; но какъ время, а болѣе люди истребили всѣ почти рукописи древнѣе XIV столѣтія, и произведенія Русской словесности XII и XIII вѣковъ дошли до потомства въ позднѣйшихъ спискахъ, сохранившихся иногда въ одномъ экземплярѣ: то мы имѣемъ основательное право думать, что весьма немногія изъ древнихъ произведеній намъ извѣстны, и что большая часть ихъ погибла невозвратно, не оставивъ и слѣдовъ своего существованія. Между тѣмъ, если странникъ по немногимъ развалинамъ какого нибудь пантеона умѣетъ угадывать красоту цѣлаго строенія, то и бытописатель, въ полуистлѣвшихъ отрывкахъ собирая черты народной литературы, можетъ создать живую идею о духѣ времени

и степени гражданской образованности. Лѣтописи Нестора и его продолжателей, Поученіе Владиміра Мономаха, творенія Кирилла Епископа Туровскаго, Слово о полку Игоревомъ свидѣтельствуютъ, что Русскіе, во время господства права удѣльнаго, знали уже искусство выражать свои мысли не только ясно, но и убѣдительно, что имъ знакомы были произведенія словесности Византійской, что они имѣли наконецъ своихъ ораторовъ, своихъ историковъ, своихъ поэтовъ.

ГЛАВА III.

РАЗДѢЛЕНІЕ РУСИ НА ВОСТОЧНУЮ И ЗА- ПАДНУЮ ПОДЪ ИГОМЪ МОНГОЛОВЪ.

—

I. ПОКОРЕНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ.

1238 — 1243.

Обозръніе. 62. Внутреннее волненіе Руси, неминуемое слѣд-
ствіе Норманскаго владычества, послѣ двухвѣковой
борьбы потомковъ Владиміра св., съ начала XIII
вѣка приближалось къ развязкѣ: взаимныя отно-
шенія Князей становились яснѣе, права и обязан-
ности подданныхъ опредѣлительнѣе, гражданствен-
ность самобытная возникала. Но прежде, чѣмъ кон-
чилась эта борьба юнаго государства, прежде, чѣмъ
созрѣли понятія о правѣ и установились формы
общественныя, туча варваровъ изъ глубины Азіи
прошла по Русской землѣ, искоренила цѣлыя поко-
лѣнія, разрушила до основанія города и села, и
когда стихла, Русь наполнена была одними разва-
линами. Сокрушенная тяжкими ударами, она изне-

могла, признала надъ собою власть дикой, степной орды и въ теченіе ста лѣтъ была жертвою безпримѣрнаго злополучія. Виною нашего злосчастія былъ дикій Татаринъ, потрясшій всю Азію и низринувшій несмѣтныя орды лютыхъ завоевателей на Русскую землю.

63. Средняя Азія, обширная полоса степей отъ Монголии. Волги до Японіи, отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Китая, Тибета и Каспійскаго моря, искони была обитаема кочевыми народами. Въ началѣ XIII вѣка ее населяли три племени, раздѣлявшіяся на многія поколѣнія, Турецкое, Тунгусское и Татарское. *Турецкое* занимало западныя степи этой полосы, подъ именемъ Киргизовъ, Уйгуровъ, Кипчакъ и другихъ народовъ. *Тунгусское* господствовало на востокѣ, въ сѣверномъ Китаѣ. Между сими племенами, по верховьямъ Амура, къ югу отъ Байкалскаго озера, кочевало *Татарское*, подвластное Китайскимъ Императорамъ, также раздѣлявшееся на многія поколѣнія, Наймановъ, Меркитовъ, Керантовъ, Тайджутовъ и проч. Въ числѣ ихъ были и Монголы, обитавшіе на берегахъ Онана и Керулана. Татары, отличаясь отъ прочихъ народовъ средней Азіи языкомъ и наружнымъ очертаніемъ лица, вели жизнь однообразную, кочевую; обиталищемъ ихъ были кибитки, богатствомъ стада, отечествомъ привольныя паствы, любимую пищею ко-

нина, стихіею война. Они были непрестанно на конѣ, славились терпѣніемъ, чутьемъ удивительнымъ, самымъ лютымъ звѣрствомъ и безочетнымъ повиновеніемъ своимъ вождямъ, Нойанамъ, имѣвшимъ власть наслѣдственную. Силы ихъ свѣжія, суровыя, неодолимыя исчезали въ мелкихъ раздорахъ. Стоило только соединить ихъ, чтобы привести въ трепетъ сосѣдей. Это совершилъ Темучинъ, въ послѣдствіи названный Чингизханомъ.

Чингизханъ. 64. Темучинъ, сынъ Езугая, вождя 40.000 семействъ Монгольскихъ, кочевавшихъ при истокахъ Амура, до сорока лѣтъ своей жизни, боролся съ одними несчастіями и неудачами: по смерти отца, оставленный своею ордою, которая не хотѣла повиноваться ему, тринадцатилѣтнему отроку, и присоединилась къ другой ордѣ Татарской изъ племени Тайджутовъ, онъ долго безъ успѣха силился присвоить наслѣдственную власть надъ нею; нѣсколько разъ попадался въ руки непріятелей, и только случаемъ избѣгалъ неминуемой смерти; послѣ 20 лѣтнихъ неудачъ, онъ сталъ одолевать соперниковъ; прежде всего разбилъ Тайджутовъ и въ 80 котлахъ сварилъ плѣнныхъ. Эта мѣра доставила ему власть надъ мелкими ордами; оружіе, искусство, быстрота, надъ сильнѣйшими. Напрасно вожди окрестныхъ Татаръ составляли союзы, чтобы смирить Темучина: рѣшительными побѣдами надъ Меркитами

и Керантами, въ 10 лѣтъ онъ покорилъ все племя Татарское, соединилъ разсыянныя поколѣнія его въ одинъ народъ, воинственный, непобѣдимый, и не зналъ соперниковъ. Упоенный успѣхами, пожираемый властолюбіемъ, онъ хотѣлъ быть властителемъ вселенной, на 51 году жизни назвалъ себя *Чингизханомъ* (владыкою сильныхъ), и устремилъ свою грозную орду на обширныя государства средней Азии, съ единственною цѣлію быть завоевателемъ. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Сперва пала подъ его неотразимыми ударами имперія Тангутская, заключавшая въ себѣ западныя области нынѣшняго Китая; потомъ Уйгурская, по отрокамъ хребта Алтайскаго; въ слѣдъ за тѣмъ Кинская, въ сѣверномъ Китаѣ, дотолъ господствовавшая надъ Татарами, далѣе Кара-Китайская въ Бухаріи, наконецъ Хоразмійская въ Персіи и Кабулѣ. Походы его были ознаменованы всѣми ужасами опустошеній; цвѣтущіе города исчезали невозвратно; народы гибли милліонами, или становились рабами завоевателя.

1206.

65. Гроза приближалась и къ нашему отечеству: въ 1224 году она коснулась южныхъ предѣловъ его. Низринувъ Хоразмійскую имперію, Чингизъ поручилъ окончательное завоеваніе этой страны двумъ полководцамъ своимъ Чепе и Суботаю, а самъ возвратился къ берегамъ Амура, чтобы съ новыми силами нагрянуть на имперію южнаго Китая. Чепе

Битва на
Калкѣ.

1223.

и Суботай; исполнивъ свое порученіе, разоривъ въ конецъ всю Персію, повели свое войско, для соединенія съ Чингизханомъ, чрезъ Кавказскій перешеекъ, разбили въ горахъ Аланъ, за ними Половцевъ и погнали тѣхъ и другихъ къ берегамъ Днѣпра. Ханъ Половецкій Котьянъ, неутомимо преслѣдуемый грозными припельцами, со всѣмъ народомъ бросился въ Галицію и просилъ защиты у Галицкаго Князя, своего зятя, Мстислава Удалаго. Нашествіе степныхъ ордъ изъ за Волги было для Русскихъ не новостью: Князя не робѣли, соединяли свои дружины и прогоняли хищниковъ. Мстиславъ, по примѣру предковъ, спѣшилъ отразить *народъ невѣдомый*, призвалъ на ратный подвигъ Князей Кіевскаго, Мстислава Романовича, и Черниговскаго, Мстислава Святославича съ нѣкоторыми другими, и бодро повелъ союзныя дружины отъ Днѣпра на востокъ къ Азовскому морю. Побѣда надъ передовыми отрядами Монголовъ близъ Днѣпра увеличила его смѣлость: онъ опередилъ союзниковъ, встрѣтилъ враговъ на Калкѣ, близъ нынѣшняго Маріуполя, и проигралъ битву:

1 мая 1224. Русскіе были разбиты на голову; Мстиславъ Галицкій бѣжалъ; Князь Кіевскій погибъ. Побѣдители гнались за бѣгущими до Днѣпра, опустошая землю Половецкую; но имѣя въ виду не завоеваніе новыхъ странъ, а соединеніе съ Ханомъ, прямо отъ Днѣпра поворотили на востокъ и скрылись за Волгою, оставивъ Русскихъ въ недоумѣніи.

Оготай.

1227.

66. Судьба какъ будто отклоняла сокрушительный ударъ отъ нашего отечества. Чингизханъ, оставивъ Европу до времени въ покоѣ, чтобы довершить покореніе Азии, обратилъ всѣ силы свои на имперію Китайскую и едва успѣлъ рунуть западную часть ея, кончилъ дни свои въ глубинѣ Тартаріи, 72 лѣтъ. Смерть завоевателя, державшаго въ повиновеніи разноплеменные народы однимъ ужасомъ своего имени, однимъ страхомъ оружія, должна была съ одной стороны ободрить побѣжденныхъ, съ другой остановить стремленіе Монголовъ, пресыщенныхъ кровью и добычею. Но таково было могущество генія Чингизханова, что покоренные имъ народы не смѣли и думать о свободѣ; Монголы же, свидѣтели его славы, увлекаемые воинственнымъ фанатизмомъ, мечтали только о битвахъ и побѣдахъ, доколѣ не настало новое поколѣніе, знавшее о Чингизѣ по одному преданію. Главное правило его политики, давать миръ только побѣжденнымъ, обратилось въ священный законъ, и преемникъ его Оготай, слѣдуя этому правилу, двинулъ всѣми силами Монголовъ на страны Азіатскія и Европейскія, еще не признававшія его власти. Они пошли опустошать отдаленныя земли четырьмя многочисленными ордами: одна бросилась на Корею, другая на южный Китай, третья на Индію, четвертая на Европу. Корея, Китай, Кашемиръ были завоеваны въ короткое время, и испытавъ всю

тягость рабства, утратили надолго самую надежду на независимость, подобно всѣмъ народамъ, коихъ сокрушало Монгольское оружіе. Та же участь постигла и наше отечество.

Нашествіе
Батыя.

67. Одиннадцать внуковъ Чингизхановыхъ соединили свои орды для завоеванія восточной Европы. Главнымъ вождемъ былъ племянникъ Оготаевъ, Батый сынъ Чучи. Онъ велъ до полумилліона дикаго степнаго народа. Не внутренніе раздоры, не оружіе побѣдителей, не оскудѣніе страны, двинули этотъ народъ изъ родныхъ кочевьевъ: онъ шелъ съ безотчетною, фанатическою жаждою крови, убійства, разоренія. Стремленіе его было неотразимо: онъ ломился огромными массами, одушевленными одною мыслию грабежа, безусловно покорными одной волѣ и въ искусствѣ губить человѣчество не встрѣчавшими соперниковъ. Главныя основанія Монгольской тактики были: дружный ударъ, стремительный натискъ, искусная засада, благовременное отступленіе, отчаянная храбрость въ минуты опасности, смерть трусу, отвѣтственность частныхъ вождей въ случаѣ неудачи, правильное раздѣленіе на отряды и единство въ дѣйствіяхъ. Борьба съ такимъ народомъ для насъ была невозможна; мы съ отчаяннымъ мужествомъ защищали свою свободу: ни одинъ городъ не сдавался безъ сопротивленія; рѣдкій Князь бѣгалъ отъ враговъ безъ боя; народъ

стоялъ грудью за Князей, за вѣру, отбивался въ крѣпостяхъ, въ Божіихъ храмахъ, и лучше хотѣлъ погибнуть въ пламени, въ жестокихъ мукахъ, съ женами и дѣтьми, чѣмъ бросить оружіе. Но каждый городъ оборонялся отдѣльно. Самая очевидная опасность не могла примирить Князей и соединить ихъ силы къ одной цѣли. Для этого требовались заблаговременные переговоры, убѣжденія, окончаніе старинныхъ распрей; главное, требовался умъ Момоха или Андрея Боголюбскаго. Георгій Всеволодовичъ, сильнѣйшій изъ современныхъ Князей, могъ располагать только своею областію Владимірскою, и не имѣлъ ни какой власти надъ Князьями удѣльными: они ждали враговъ въ укрѣпленныхъ городахъ и погибали въ нихъ съ семействомъ и народомъ.

68. Въ два похода Батый завоевалъ наше отечество и наложилъ на него тяжкое иго рабства. Опустошеніе восточной Руси. Въ первый походъ онъ направилъ свои орды изъ Камской Болгаріи на сѣверовосточную Русь и, разоривъ Провскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, подступилъ къ Рязани, требуя десятой части всего достоянія. Рязанцы отвергли это предложеніе и одушевленные примѣромъ Князя своего Юрія, рѣшились обороняться. Послѣ пятинедельной осады, городъ былъ взятъ и сожженъ; Князь и подданные, безъ различія возраста и пола, погибли, частью въ битвѣ, 21 Дек. 1237.

частью въ мукахъ. Отсель Батый двинулся прямо на сѣверъ; близъ Коломны разбилъ сына Георгіева Всеволода, заслонявшаго ему путь, сжегъ Москву и осадилъ Владимірь. Георгій, поручивъ защиту столицы сыновьямъ, самъ удалился въ Ярославскую область, гдѣ поджидалъ Князей союзныхъ. Жители Владиміра надѣялись упорною защитою дать время Великому Князю собрать силы: но уже поздно.

7 Февр. 1238. Монголы разрушили сей крѣпкій городъ до основанія и чтобы лишить Георгія содѣйствія другихъ городовъ, разсѣялись отрядами по Суздальскому княжеству, опустошая Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Ярославль, Галичъ. Между тѣмъ самъ Батый пошелъ на Великаго Князя, и сокрушивъ его

4 Март. 1238. силы на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу, двинулся было на Новгородъ путемъ Селигерскимъ; но не доходя ста верстъ, собралъ свои орды, обратился къ югу и взявъ Козельскъ, (въ Калужской губерніи), послѣ семинедѣльной осады, вывелъ Монголовъ изъ Русской земли на берега Дона, чтобы завоеваніемъ страны Половецкой обезопасить свой тылъ въ движеніи на Русь югозападную. Развалины городовъ и селъ, несмѣтное множество труповъ означали слѣды Батыева нашествія.

Опустошеніе западной Руси.

69. Выгнавъ Половцевъ изъ Кипчака въ Галицію и Венгрію, Батый двинулъ свои силы двумя ардами на югозападную Русь. Одна разрушила до основа-

нія Переяславль, съ окрестными городами, другая Черниговъ. И здѣсь Монголы встрѣтили сопротивленіе отчаянное; но Князья не успѣли соединить подданныхъ и такъ были ослѣплены, что уже зналъ о нашествіи враговъ, еще спорили о верховномъ правѣ на Кіевъ. Вскорѣ вся сила Батыева облегла древнюю столицу Руси, знаменитую на востокъ и западъ торговлею, богатствомъ, великолѣпиемъ. Данилъ Галицкій, преемникъ Мстислава, отнявшій ее у Михаила Черниговскаго, ввѣрилъ защиту города боярину Дмитрію, а самъ удалился въ Венгрію искать помощи Бѣлы IV. Кіевляне, ободряемые доблестнымъ вождемъ своимъ, оборонялись съ мужествомъ непримѣрнымъ; сбитые съ укрѣпленій, они рѣзались до послѣдняго издыханія въ Софійскомъ соборѣ. Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ ^{9 Мая 1240.} въ Волинь и Галицію, гдѣ разорилъ въ концѣ Владиміръ, Галичь, Кременецъ и многіе другіе города; оттуда нѣсколько разъ вторгался въ Польшу, Моравію, Силезію, Венгрію, Далмацію. Владѣтели сихъ странъ, по слабому сопротивленію, спасали жизнь свою бѣгствомъ; ихъ подданные гибли въ пылающихъ развалинахъ городовъ и селъ, подъ мечами Монголовъ.

70. Вся Европа была въ ужасѣ, съ трепетомъ ^{Батый на берегахъ Волги.} ожидая участи Руси, Венгріи, Польши, — и не безъ основанія: западные христіане въ суевѣрномъ стра-

хъ видѣли въ Монголахъ орудіе кары небесной и готовились къ жертвѣ очистительной. Папа призывалъ ихъ подѣ знаменіе креста, но въ то же время проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Императора Нѣмецкаго Фридриха II. Своевольные бароны не думали соединять своихъ полковъ съ полками этого мужественнаго героя, и Монголы въ западной Европѣ могли встрѣтить отдѣльныя дружины тяжело вооруженныхъ рыцарей, съ нестройными толпами крестьянъ, — преграду ничтожную для ихъ быстрой, многочисленной кавалеріи, привыкшей одолавать враговъ стремительнымъ натискомъ, тяжестью удара, искусствомъ движенія. Къ счастью Европы, умеръ Оготай: Батый послѣшилъ сблизить свою орду съ главною, чтобы участвовать въ избраніи ему преемника, и оставивъ Венгрію, расположился кочевать въ Кипчакѣ или въ нынѣшнихъ степяхъ Астраханскихъ и Саратовскихъ, откуда могъ держать опустошенныя страны въ повиновеніи, и въ то же время дѣйствовать на Татарію, смотря по обстоятельствамъ. Трехлѣтнія интриги, предшествовавшія избранію Гаюка, нелюбимаго Батыемъ, удержали его въ бездѣйствіи на берегахъ Волги. Это бездѣйствіе продолжалось и во все время правленія Гаюка, который самъ собирался итти на Европу; по смерти же его, Батый занятъ былъ возведеніемъ Хановъ на престолъ и уже не хотѣлъ разстаться съ привольными степями Астраханскими,

29 Ноября
1241.

1243.

гдѣ орда его привыкла кочевать, какъ въ родной сторонѣ. По стеченію этихъ случайныхъ обстоятельствъ, Монголы остановили свое стремленіе на западную Европу и расположились на берегахъ Волги.

71. Орда Батыева, столь знаменитая въ нашей Исторіи подъ именамъ Золотой, Кипчакской и Сарайской, заняла весь Кипчакъ или землю Половецкую, отъ береговъ Днѣстра до Урала, отъ Чернаго и Каспійскаго моря до Ворсклы, верховьевъ Хонра и устья Камы¹. Главныя силы ея сосредоточивались на степяхъ Астраханскихъ, столь удобныхъ для кочеваго народа. Тамъ на берегахъ Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ Волги, Батый построилъ для себя Сарай, откуда онъ и первые преемники его властвовали надъ Русскою землею именемъ Великаго Хана, который, имѣя свой юртъ въ глубинѣ Татаріи, между рѣками Орхономъ и Тамиромъ, въ городѣ Каракорумѣ, какъ преемникъ Чингизовъ, былъ верховнымъ повелителемъ всего Монгольскаго міра, назначалъ Хановъ, начальствовавшихъ отдѣльными ордами, требовалъ отъ нихъ

Золотая
Орда.

1. Орда Батыева состояла изъ народовъ Татарскаго племени; отъ того летописцы называютъ ихъ Татарами. Но какъ Чингизъ и преемники его были Монголы, то, кажется, справедливѣе именовать нашихъ властителей Монголами. Въ послѣдствіи, когда угаснетъ домъ Чингизовъ, и Золотая орда распадется на части, правильнѣе будетъ называть ихъ Татарскими ордами.

отчета въ управленіи покоренными землями, особенно въ сборъ податей, и самъ опредѣлялъ налоги. Зависимость частныхъ Хановъ отъ Великаго Хана продолжалась не долго: государство Чингизово, составленное изъ многихъ разпоплеменныхъ народовъ, соединенныхъ одною силою оружія, однимъ страхомъ, безъ всякихъ узъ общественныхъ, занимая страны, раздѣленные одна отъ другой неизмѣрными пространствами, уже по самой обширности своей, должно было раздробиться на части. Кромѣ того, по закону Чингизову, потомство каждаго изъ четырехъ сыновей его имѣло право на юрть или удѣлъ наслѣдственный: старшему сыну Чучи онъ назначилъ Кипчакъ, Чагатаю Трансоксиану или Марренагарь, Оготаю страну Уйгуровъ, Тулюю наслѣдственную Монголію. Самовольное восшествіе на престолъ четвертаго преемника Темучинова, Хубилая и удаленіе его изъ Каракорума въ Пекинъ ускорило разрывъ; въ Монгольскомъ мірѣ возникло множество самостоятельныхъ ордъ, кои вели одна съ другою междоусобныя кровавыя войны, сливались, раздѣлялись, исчезали и снова возникали. Главными изъ нихъ были: Кипчакская, въ родѣ Чучи; Чагатайская, въ родѣ Чагатая; Иранская (Персія) въ родѣ Гулягу, и Китайская, въ родѣ Хубилая.

Ханы Золотой орды до конца XIV столѣтія были изъ поколѣнія Чучи; власть ихъ переходила отъ

брата къ брату и отъ дяди къ племяннику. Сперва господствовалъ въ ней Батый, утвердившій владычество Монголовъ въ нашемъ отечествѣ; за нимъ 1256. братъ его Беркай, при коемъ весь Русскій народъ былъ обложенъ поголовною данью; ему наследовалъ 1266. третій братъ Батья Менгутемиръ, положившій начало введенію въ орду магометанской вѣры; послѣ Менгутемира, ордою Кипчакскою управляли два Хана: меньшой братъ Батыевъ Ногай западными кочевьями и сынъ Батыевъ Туда-Мангу Сараемъ. Ногай, господствуя между Дономъ и Днѣстромъ, тревожилъ частыми походами Польшу и Венгрію; разбилъ своего племянника, лишилъ его жизни и овладѣлъ всею Золотою ордою; но чрезъ три года былъ 1291. изгнанъ сыномъ Менгутемировымъ Тохтою или Тохтагу и съ отчаянія самъ себя умертвилъ. Потомство Ногаево утвердилось въ Тавридѣ, гдѣ въ послѣдствіи основано отдѣльное ханство Крымское. Тохта же передалъ престолъ Сарайскій въ 1313 году знаменитому Узбеку, покровителю первыхъ Князей Московскихъ.

72. Господство Золотой орды въ Европѣ ограничивалось одною Русскою землею; сопредѣльныя нашему отечеству страны, Венгрія, Польша и Литва не были ей подвластны. Рабство наше началось съ 1243 года, когда Батый потребовалъ въ Сарай Русскихъ Князей, принялъ ихъ, какъ вождей по-

коренной оружіемъ его страны, назначилъ дань и предоставилъ себѣ верховное право располагать судьбою Руси. Оно имѣеть свой отличный характеръ.

Чингизханъ и преемники его, покоряя народы, большею частію стоявшіе на высшей степени образованности, съ одною дѣлюю завоеванія и грабежа, не хотѣли и не могли принять на себя заботы внутренняго управленія, господствовали издали, требовали одной дани, безусловной покорности, не вмѣшивались въ судъ и расправу, ни въ отношенія своихъ данниковъ къ сосѣдямъ, имѣли дѣло только съ туземными государями, коихъ возводили на престолъ или низвергали по произволу, и рѣдко, только въ особенныхъ случаяхъ, замѣняли ихъ Монгольскими сановниками. Для обузданія же покоренной страны, на предѣлахъ ея обыкновенно располагалась орда, подъ начальствомъ одного изъ потомковъ Чингизхановыхъ.

Въ слѣдствіе сего, находясь въ подданствѣ Монголовъ, Русь удержала свое внутреннее устройство, по прежнему имѣла своихъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ, свой судъ и расправу, свою вѣру, своихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, воевала и мирилась со всѣми сосѣдями, не спрашивая согласія Хановъ, и въ то же время испытала всѣ

ужасы рабства. Главныя черты его въ первый вѣкъ были слѣдующія :

1, Непосредственнымъ, верховнымъ властителемъ Руси былъ Ханъ орды Сарайской (Золотой или Кипчакской). Онъ присвоилъ себѣ право раздавать Князьямъ области по своему произволу; назначать изъ числа ихъ Великаго Князя, судить ихъ въ случаѣ междоусобныхъ споровъ собственнымъ судомъ или чрезъ пословъ, отнимать у виновнаго княжество и наказывать его самою смертію.

2, Каждый Князь, Великій и Удѣльный, не прежде могъ вступить въ управленіе наслѣдственною областію, какъ по утвержденіи Ханомъ. Для сего онъ долженъ былъ ѣхать въ орду Сарайскую, а въ первые годы рабства въ Татарію, бить челомъ Хану, искать благоволенія сановниковъ его, дарить женъ его, самыхъ служителей, ждать иногда по цѣлому году и часто уступать свое право другому Князю, болѣе хитрому, успѣвавшему заслужить благосклонность Хана. Въ случаѣ немилости Ханской, онъ могъ спасти себя и народъ свой однимъ смиреніемъ, дарами, частыми путешествіями въ орду.

3, Утверждая Князей владѣтелями удѣловъ, Ханъ по большей части не отступалъ отъ стариннаго

нашего порядка престолонаследія; но имѣлъ неограниченное право назначить младшаго Князя мимо старшаго; впрочемъ никогда не поручалъ княжеской власти Монгольскимъ сановникамъ или не потомкамъ Рюрика.

4, Вся Русь была обложена данью, весь народъ былъ переписанъ поголовно опредѣленными для сего Монгольскимъ сановниками, — баскаками или численниками; Русскіе платили безпрекословно все, чего требовали Ханы; въ случаѣ отказа въ дани, платили своею свободою.

5, Сборъ дани въ первый вѣкъ нашего рабства былъ отдаваемъ Ханами, по Азіатскому обычаю, на откупъ купцамъ Хивинскимъ, Бухарскимъ, Армянскимъ, Еврейскимъ, которые являлись къ намъ подъ именемъ пошлинниковъ, таможниковъ, съ Ханскими грамотами, не рѣдко съ отрядами Монголовъ, брали все, что могли, опредѣляли налоги по произволу; въ случаѣ неплатежа, назначали неумѣренныя росты, а должниковъ несостоятельныхъ отводили въ неволю.

6, Наконецъ жертвуя своимъ имуществомъ и свободою, мы нерѣдко должны были жертвовать самую жизнь за своихъ тирановъ: Князья обязаны были, по первому требованію, посылать свои

дружины на подкрѣпленіе Ханской рати въ походахъ ея на Литву, Венгрію и Кавказъ.

73. Владычество Монголовъ надъ Русью продолжалось 237 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе Князья признали себя данниками Сарайскаго Хана, до того времени, когда Іоаннъ III объявилъ себя независимымъ и разрушилъ орду Кичкаджую. Государственное иго наше имѣло два періода: въ первый вѣкъ (1243-1328), оно угнетало всю Русскую землю всюю тяжестью своею; во второй вѣкъ (1328-1480), Ханы господствовали только въ восточной половинѣ Руси, и притомъ власть ихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ослабѣвала, уступая мѣсто инымъ дружинамъ; западную же Русь исторгли изъ власти Монголовъ Князья Литовскіе, объявъ ея въ то же время у потомковъ Владиміра св. и присвоивъ себѣ.

Монгольск.
періодъ.

II. РУСЬ ВОСТОЧНАЯ.

1243 — 1328.

74. По удаленіи Батые къ берегамъ Волги, Русская земля представляла самое печальное зрѣлище; цвѣтущіе города ея были грудями развалинъ; несмѣтное множество народа погибло подъ мечами

Подданство
Руск.

варваровъ, или въ пламени своихъ жилищъ; многіе роды Княжескіе пресѣклись. Уныніе было повсемѣстное. Князья вмѣстѣ съ народомъ упали духомъ; смотря на жизнь, какъ на милость завоевателя, въ безусловной покорности видѣли единственное средство спасти ее, и по первому призыву Батыя, являлись одинъ за другимъ въ орду смиренно бить челомъ. Прежде всѣхъ отправился туда Ярославъ Всеволодовичъ; по смерти брата своего Георгія вступившій на престолъ Владимірскій; за нимъ удѣльные Князья Суздальскіе и Рязанскіе; потомъ Михаилъ Черниговскій и владѣтели Сѣверскіе. Батый назвалъ Ярослава главою всѣхъ Князей Русскихъ, утвердивъ однако и другихъ потомковъ Владиміра св. въ принадлежавшихъ имъ удѣлахъ, исключая одного Михаила Черниговскаго: сей благочестивый Князь хотѣлъ лучше погибнуть, нежели поклониться кумирамъ, какъ того требовали Монгольскіе жрецы, и принялъ въ орду вѣнецъ св. мученика.

Раздѣленіе
Руси на во-
сточную и
западную.

Назначеніе Ярослава Великимъ Княземъ всея Руси должноствовало, по видимому, соединить раздробленные части государства въ одно цѣлое: въ самомъ дѣлѣ Ярославъ, опираясь на волю Хана, господствовалъ въ большей части Русской земли, назначая намѣстниковъ въ Кіевъ, Черниговъ, въ княжества Новгородское, Псковское, отчасти въ

Полоцкое, властвуя въ Смоленскомъ, Рязанскомъ, во всѣхъ удѣлахъ Суздальскихъ. Но югозападная Русь была отъ него независима: Данилъ Романовичъ Галицкій, долго не признавая Батыя своимъ повелителемъ, грозя вооружить на Монголовъ Европейскія государства, умѣлъ внушить къ себѣ такое почтеніе, что Ханъ съ радостію утвердилъ его владѣтелемъ западной Руси, какъ скоро онъ явился въ орду покорнымъ данникомъ, послѣ тщетныхъ усилій избавиться отъ ига. Такимъ образомъ съ первыхъ лѣтъ Монгольскаго владычества, внутренняя и внѣшняя политика Князей сосредоточилась въ двухъ главныхъ пунктахъ: во Владимірѣ на Клязьмѣ и въ Галичѣ, съ одной стороны въ родѣ Ярослава Всеволодовича, съ другой въ потомствѣ Данила Романовича; и хотя какъ тамъ, такъ и здѣсь все постоянно выражало одинъ типъ Русскій, однакожь отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ различія въ политикѣ Князей того и другаго поколѣнія, судьба восточной Руси была отлична отъ судьбы западной.

1280.

75. Ярославъ Всеволодовичъ, покоряясь необходимо- Ярославъ и
дѣти его. сти, смиреніемъ старался отклонить отъ своего отечества новыя бѣдствія; неоднократно ѣздилъ въ орду къ Батыю, приносялъ ему дань, странствовалъ въ неизмѣримыхъ степяхъ Татаріи, гдѣ близъ чедомъ Ведикому Хану, Гаюку, и предпринѣвъ всѣ

1246. роды уничтоженія, самую жизнь кончилъ на воз-
 вратномъ пути изъ глубины Монголіи. Иначе мы-
 Андрей. слилъ преемникъ его; Андрей Ярославичъ Суздаль-
 скій: онъ хотѣлъ воспользоваться общею ненавистью
 народною и возвратить отечеству независимость ору-
 жіемъ, не приготовивъ средствъ къ одолѣнію Мон-
 головъ, еще крѣпкихъ внутреннимъ согласіемъ, не-
 побѣдимыхъ въ борьбѣ открытой. Преждевремен-
 ныя усилія стоили дорого ему и народу: Монголы
 пришли снова, чтобы въ конецъ разорить Русскую
 землю. Андрей принужденъ былъ бѣжать въ Шве-
 цію, оставивъ подданныхъ на произволъ врагамъ.
 Къ счастью явился спаситель: старшій сынъ Яро-
 1252-1263. слава Александръ, господствовавшій въ то время
 по волѣ Хана въ Кіевѣ, спѣшилъ въ орду, укро-
 тилъ гнѣвъ Батыя, оправдалъ свой народъ, и при-
 знанный главою Руси, возобновилъ политику отца.
 Не слабость духа, не робость, а любовь къ отече-
 ству принудила его унижаться предъ Монголами;
 мужество свое онъ доказалъ во многихъ войнахъ
 съ неприятелями Руси, до вступленія на Велико-
 княжескій престолъ: бывъ удѣльнымъ Княземъ въ
 Новгородѣ, Александръ смѣло ополчался на вра-
 говъ отечества, въ кровопролитной сѣчѣ разбилъ
 Шведовъ на берегахъ Невы, нѣсколько разъ истре-
 блялъ хищныхъ Литовцевъ и своими побѣдами при-
 велъ въ ужасъ Орденъ Ливонскій; но смирился
 предъ грознымъ могуществомъ Монголовъ; угож-

Александръ
Невскій.

далъ Батью и сыну его Сартану, коему дряхлый Ханъ при жизни поручилъ Русь въ управленіе; неоднократно ѣздилъ въ орду, съ богатыми дарами, ласкалъ Ханскихъ вельможъ, и въ надеждѣ усынить злодѣевъ, до того простеръ свое смиреніе, что позволилъ Ханскимъ численникамъ переписать народъ, для обложенія его тяжелою данью, самъ содѣйствовалъ имъ къ поголовной переписи и къ взысканію налоговъ, обуздывая народъ, самихъ дѣтей своихъ въ порывахъ великодушнаго, но бесполезнаго негодованія. Такою политикою онъ спасъ отечество отъ конечнаго порабощенія: безъ сей мѣры Ханы могли лишити Князей власти и назначити въ правители Руси своихъ баскаковъ; Монгольскій судъ, Монгольскій образъ управленія, истребленіе всего Русскаго были бы неминуемымъ слѣдствіемъ. Братья Александровы Ярославъ Тверской и Василій Костромской слѣдовали его примѣру,

76. Но дѣти и внуки Александра Невскаго и Дѣти Алек-
сандра Нев-
скаго. Ярослава Тверскаго упустили изъ виду главную цѣль ихъ политики. Александръ, смиреніемъ отклоня новыя нашествія Монголовъ, хотѣлъ спасти Русь, ея вѣру, языкъ, внутреннее устройство; они же думали только о присвоеніи Великокняжескаго достоинства, которое теперь давало власть надъ всею Русью, одинъ за другимъ являлись въ орду, клеветали другъ на друга; судились судомъ Хан-

скимъ, набирали толпы Монголовъ и при помощи ихъ изгоняли другъ друга. Пагубное ослѣпленіе 1276-1328. Князей продолжалось болѣе полувѣка, отъ смерти Василія Ярославича Костромскаго до Іоанна Калиты. Во все это время, самое мрачное въ нашей Исторіи, мы видимъ однѣ крамолы, свирѣлые раздоры внутренніе, безпрерывныя нашествія Монголовъ, приводимыхъ самими Князьями, не менѣе опустошительныя вторженія западныхъ сосѣдей, Шведовъ, Ливонскихъ Рыцарей, Литовцевъ, очевидное изнеможеніе беззащитной Руси.

Андрей и
Димитрій.

Кровавыя междоусобія начались при дѣтяхъ Александра Невскаго. Сынъ его Андрей, Князь Городецкій, по совѣту бояръ, хотѣлъ свергнуть съ Великокняжескаго престола роднаго брата, Димитрія, дарами и лестію склонилъ на свою сторону Хана, получилъ отъ него грамоту и войско, разорилъ всю Владимірскую область отъ Ростова до Торжка, и выгналъ Димитрія. Когда же сей Князь нашелъ усердныхъ защитниковъ въ жителяхъ Переяславля, Андрей вторично привелъ Монголовъ и снова одолѣлъ его. Димитрій обратился къ Ногаю, повѣдавшему своею ордою на правомъ берегу Волги, и выхлопоталъ отъ него грамоту. Андрей смирился, но чрезъ два года успѣлъ вооружить противъ соперника Князей удѣльныхъ и оклеветать его предъ Ханомъ. Монголы явились въ Руси,

1290.

въ третій разъ, чтобы возвести Андрея на престолъ, и напомнили ей время Батыево: Муромъ, Суздааль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Колойна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и другіе города были разорены. Одна Тверь спаслась мужествомъ юнаго Князя своего, Михаила Ярославича. Вскорѣ Дмитрій умеръ. Андрей достигъ своей цѣли: сѣлъ на престолъ Великокняжескій и думалъ повелѣвать, по примѣру отца, всею Русью; но Князья удѣльные Михаилъ Тверской, Іоаннъ Переяславскій, Даниль Московскій хотѣли быть независимы. Андрей жаловался Хану; Ханъ нарядилъ судъ, подѣ предсѣдательствомъ своего баскака. Князья были непримиримы: ни угрозы Ханскаго посла, ни убѣжденія духовенства не могли согласить ихъ; они спорили съ Андреемъ за права независимости до самой смерти его.

1304.

1304.

77. Примѣръ Андрея открылъ Князьямъ новый путь къ Великокняжескому престолу, доказавъ имъ, что достоинство Великаго Князя принадлежало не тому, кто имѣлъ на оное право наслѣдственное, но тому, кто умѣлъ угодить Хану. Право старѣйшинства, доселѣ опредѣлявшее порядокъ престолонаслѣдія, исчезло; имъ дорожилъ только тотъ, кому оно доставалось, т. е. старшій въ родѣ; младшіе не уважали этого права, предпочитая ему Ханскій производъ, открывавшій всѣмъ Князьямъ путь къ

Вражда
Твери съ
Москвою.
1304-1323.

престолу. Въ слѣдствіе сего смерть каждаго Великаго Князя воспламеняла вражду между искателями его достоинства: одни опирались на право, другіе на милость Хана; спѣшили въ орду, чернили другъ друга, не щадили ни даровъ, ни ласкательствъ, и обыкновенно возвращались въ отечество непримиримыми врагами. Народу оставалось терпѣть и лить кровь за Князей ослѣпленныхъ.

Михаилъ и
Георгій.

По смерти Андрея, два Князя хотѣли быть главою Руси: племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ Тверской, какъ старшій въ родѣ, и внукъ Александровъ Георгій Даниловичъ Московскій, младшій изъ Князей удѣльныхъ; одни города стояли за Князя Тверскаго, другіе за Московскаго. Соперники отправились въ орду на судъ Хана. Ханъ утвердилъ Михаила. Георгій отвлекъ отъ него Новгородцевъ, дотолъ завистъвшихъ отъ Великаго Князя. Михаилъ привелъ полки Монгольскіе и смирилъ Новгородъ. Князь Московскій принялъ другія мѣры: уѣхалъ въ орду, три года кланялся Узбеку, женился на сестрѣ его Кончакѣ, и получивъ грамоту на достоинство старѣйшаго Князя, повелъ Монголовъ въ Тверскую область, для отмщенія сопернику. Михаилъ, не желая раздражать Хана, отказывался отъ чести быть Великимъ Княземъ: Георгій хотѣлъ отнять у него наслѣдственную область и пошелъ съ сильною ратью

на Тверь. Князь Тверской, доведенный до крайности, встрѣтилъ врага и поразилъ его наголову при селѣ Бортновѣ, взявъ въ плѣнъ жену Георгіеву Кончаку и воеводу Узбекова Кавгыдал; но снова предложивъ великодушный миръ, признавая Князя Московскаго Великимъ Княземъ и требуя суда Ханскаго. Къ его несчастію, Кончака умерла во время мирныхъ переговоровъ; Георгій бросился къ Узбеку и обвинилъ Михаила въ смерти жены своей. Несчастнаго призвали въ орду и умертвили. 1219.

Князь Московскій вторично получилъ грамоту на Великокняжеское достоинство; но недолго пользовался плодами своего вѣроломства: сынъ Михайловъ Дмитрій, (Грозныя очи), имъ тѣснямый, жаловался Узбеку и выходилъ въ орду для себя грамоту на первенство. Георгій, чтобъ поправить дѣло, снова отправился въ орду; за нимъ Князь Тверской; они предстали на судъ Хана. Дмитрій такъ ненавидѣлъ своего врага, виновника смерти отцовской, что едва сошелся съ нимъ, вонзилъ въ него мечъ; вскорѣ погибъ и самъ, умерщвленный по приказанію Хана. 1228.

Александръ Михайловичъ, второй сынъ Михаила Тверскаго, признанъ былъ Узбекомъ въ достоинствѣ Великаго Князя; но вскорѣ утратилъ его милость, истребивъ Монголовъ, приведенныхъ въ Александръ и Иоанна.

Тверь двоюроднымъ братомъ Ханскимъ Шевкаломъ, для обращенія народа, какъ носилась молва, въ магометанскую вѣру. Узбекъ далъ 50,000 войска Князю Московскому Іоанну Даниловичу, брату Георгіеву, для наказанія Александра и Тверитянъ. Область его была опустошена; самъ онъ бѣжалъ во Псковъ; оттуда въ Литву. Іоаннъ, въ награду за свое усердіе, получилъ грамоту на достоинство Великаго Князя, и утвердивъ оное навсегда въ своемъ родѣ, далъ судьбѣ нашего отечества благотворное направленіе.

1398.

Враги
западные.

78. Междоусобія потомковъ Ярослава Всеволодовича имѣли самое пагубное слѣдствіе, коего болѣе всего должно было опасаться наше отечество: Князья удѣльные стали считать себя совершенно независимыми отъ Великаго Князя и охотнѣе дружились съ Монголами, чѣмъ съ нимъ, частію для того, чтобы избавиться отъ его вліянія, частію и для того, чтобы присвоить право на первенство, которое, не давая власти, давало средства къ обогащенію ихъ казны: ибо дань ихъ переходила въ орду чрезъ руки Великаго Князя. Къ концу перваго вѣка Монгольскаго владычества, силы Руси въ конецъ раздробились и какъ будто онѣмѣли: Великій Князь могъ располагать только своею отчиною и съ трудомъ отбиваясь отъ завистливыхъ совмѣстниковъ, былъ не главою Руси, а только

общимъ собирателемъ дани для Монголовъ. Не имѣя силъ управиться съ внутренними непріятелями, онъ тѣмъ менѣе могъ быть защитникомъ сѣверозападныхъ княжествъ, доселѣ непосредственно зависѣвшихъ отъ Великокняжеской власти, Кривскихъ, Псковскаго и Новгородскаго. Два сильные врага постоянно тревожили эти области во все продолженіе перваго вѣка нашего рабства и къ концу онаго успѣли присвоить многіе Русскіе города: то были папы, устремлявшіе на Русь Шведовъ и Меченосцевъ, и Литовцы, движимые духомъ завоеванія.

79. Не довольствуясь владычествомъ надъ всѣми Папы. Германскими народами, вытѣсняя Греческое духовенство изъ южныхъ земель Славянскихъ, признававшихъ главою Византійскаго патріарха, Римскіе первосвященники со временъ Григорія VII, покровительствовавшаго Изяславу Ярославичу, не теряли надежды подчинить себѣ Русскую церковь и дѣйствовали тѣмъ ревностиѣе, что власть ихъ утвердилась въ самой Византіи, покоренной оружіемъ крестоносцевъ. Сначала они хотѣли уловить насъ хитрою политикою: обѣщали Князьямъ защиту апостольскаго меча и вѣнцы Королевскіе, ссылались на государей умершихъ, будтобы изъявившихъ согласіе покориться намѣстнику св. Петра, ¹ въ особен-

1. Такъ писалъ къ Александру Невскому папа Иннокентій IV, увѣряя, будто бы отецъ его Ярославъ, находясь у Великаго Хана въ Татаріи,

ности спѣшили воспользоваться злополучіемъ Руси, сокрушенной Монголами; сулили ей свободу, защиту всей Европы, готовой для спасенія нашего предпринять крестовый походъ, если только наши Князья согласятся зависѣть отъ Римской церкви, — и все тщетно: ни велерѣчіе легатовъ, ни папскія обѣщанія не могли поколебать нашего православія. Видя безуспѣшность такой политики, папы прибѣгли къ инымъ мѣрамъ: рѣшились распространить свою власть въ нашемъ отечествѣ мирскимъ оружіемъ и подстрекали Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей къ обращенію Русскихъ въ Латинскую вѣру силою; тѣ и другіе, возбужденные папою, съ половины XIII вѣка стали непрестанно тревожить наши сѣверозападные области, и мы, громимые съ востока фанатизмомъ воинственнымъ, въ то самое время на западѣ должны были бороться съ релігіознымъ, не менѣе сильнымъ и опаснымъ.

Шведы. До половины XII вѣка Русскіе не имѣли никакихъ распрей съ Шведами. Основаніе Королемъ съ 1157. Эрикомъ IX многихъ Шведскихъ поселеній въ южной Финляндіи служило первымъ поводомъ къ раздору. Новгородцы съ неудовольствіемъ и опасеніемъ смотрѣли на пришельцевъ, силившихся обратить въ

даль слово папскому миссіонеру Плато-Карпину принять Латинскую вѣру. Мы знаемъ записки Карпина: онъ ни слова не говоритъ о князю желаніи Ярослава оставить вѣру праотцевъ.

Латинскую вѣру и присвоить себѣ два народа, издавна подвластные Новгороду, Емь и Корелу: первый обиталъ въ Ниландѣ, Тавастландѣ и Саволакскѣ (въ южной части Финляндіи); второй въ Корелии. Съ 1164 года началась война. Русскіе постоянно одерживали верхъ: при первомъ вторженіи неприятелей въ Ладожское озеро, Новгородцы истребили множество судовъ ихъ и удержали за собою Емь и Корелу; въ послѣдствіи выслали многочисленный флотъ, который, переплывъ Балтійское море, пробрался въ озеро Меларъ (протокомъ, гдѣ основанъ Стокгольмъ), и разорилъ въ конецъ многолюдный городъ Сигтуну; въ исходѣ же XII вѣка истребивъ большую часть Шведскихъ поселеній въ Финляндіи, сожгли городъ Або, бывшій мѣстопробываніемъ Латинскаго епископа. Шведы не хотѣли покинуть Финляндію и напрягали всѣ силы, чтобы удержать ее за собою. Война была непрерывная.

1184.

1191.

Но до нашествія Монголовъ, единственнымъ поводомъ къ раздору Шведовъ съ Новгородцами было стремленіе одного народа вытѣснить другой изъ Еми и Корелии. Съ тѣхъ поръ началась борьба религіозная. Самымъ достопамятнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ былъ походъ Шведскаго полководца Биргера, посланнаго Королемъ Эрихсономъ, для обращенія Новгородцевъ въ Латинскую вѣру, въ то самое время, когда Батый громилъ южную Русь.

16 Июля
1240.

Винovníкомъ нашествія Биргера былъ папа, который въ 1237 году повелѣлъ буллою Упсальскому епископу проповѣдывать въ сѣверныхъ странахъ крестовый походъ противъ Финляндіи и Руси. Тогдашній Князь Новгородскій Александръ Ярославичъ образумилъ Шведовъ: онъ разбилъ ихъ на голову при устьѣ Ижоры, на берегахъ Невы, собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лице Биргера, убилъ епископа и заслужилъ отъ потомства прозвание Невскаго. По смерти Александра, бывшаго грозой непріятелей, пользуясь раздорами сыновей его, Шведы присвоили всю Русскую Емь и часть Кореліи, гдѣ построили Кексгольмъ и Выборгъ; въ концѣ же XIII вѣка хотѣли овладѣть и теченіемъ Невы, при устьѣ коей основали Ландскрону, въ надеждѣ рано или поздно ввести въ Русскихъ земляхъ Римскую вѣру. Новгородцы вытѣснили ихъ, и чтобы удержать за собою Неву, въ началѣ XIV вѣка заложили крѣпость Орѣшекъ (нынѣшній Шлиссельбургъ). Безпрерывная война утомила оба народа: въ 1323 году они заключили вѣчный миръ Орѣховскій, опредѣливъ границу обоюдныхъ владѣній черту отъ устья рѣки Сестры до югозападной части нынѣшняго Кексгольмскаго уѣзда. Этотъ миръ служилъ въ послѣдствіи, до Михаила Феодоровича, основаніемъ всѣхъ трактатовъ между Швеціею и Россіею. Но фанатизмъ не угасъ: Шведскіе Короли, подстрекаемые папою, вскорѣ возобновили прежнюю

мысль обратить Русскихъ оружіемъ въ Латинскую вѣру, доколѣ частыя неудачи не убѣдили ихъ въ непоколебимомъ православіи нашихъ предковъ.

Еще ревностиѣ служили папѣ рыцари ордена Меченосцы Меченосцевъ, овладѣвшіе въ первый вѣкъ нашего ита всюю Ливонію, страшные для Пскова и Новгорода, сокрушенные послѣ долговременной борьбы Іоанномъ IV. Страна, извѣстная подѣ общимъ названіемъ Ливоніи, заключающая въ себѣ нынѣ Эстляндію, Лифляндію, Курляндію, искони была обитаема народами частію Финскаго, частію Латышскаго самобытнаго племени: въ Эстляндіи Эстами или Чудью, въ Лифляндіи Ливами и Леттами, въ Курляндіи Корсью или Куронами. Первые три народа, со времянь Ярослава, построившаго въ землѣ ихъ Юрьевъ (Дерптъ), зависѣли отъ Новгородцевъ, частію отъ Псковитянъ и Князей Полоцкихъ, имѣвшихъ въ началѣ XIII столѣтія на Двинѣ города, съ православными церквами, Кокейнось (Кокенгаузенъ) и Герсике (Крейцбургъ). Упорствуя въ грубомъ язычествѣ, въ дикихъ нравахъ, жители Ливоніи весьма неохотно платили дань, и для обузданія ихъ Князья Новгородскіе приходили къ нимъ съ войскомъ. Язычество Ливонцевъ съ конца XII вѣка обратило на себя вниманіе набожныхъ проповѣдниковъ Нѣмецкихъ, которые, слѣдуя общему духу времени, искали только случая и мѣста, чтобы

ознаменовать свое усердіе къ Римской вѣрѣ, тѣмъ
 болѣе къ папѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіан-
 ства въ Ливоніи, по благословенію Бременскаго
 1186. епископа, былъ Августинскій священникъ, Мейн-
 гардъ, построившій на Двинѣ, съ согласія Великаго
 Князя Полоцкаго, Иксуль, для безопасности сво-
 ихъ послѣдователей. По слѣдамъ Мейнгарда, въ
 самомъ концѣ XII вѣка, прибылъ съ крестоносною
 дружиною Албертъ Буксгевденъ, рѣшившій надолго
 судьбу Ливоніи. Утвержденный папою въ званіи
 Ливонскаго епископа, онъ не только положилъ проч-
 ное основаніе владычеству Нѣмцевъ на Двинѣ, по-
 1200. строеніемъ города Риги, многихъ костеловъ и зам-
 ковъ, но приготовилъ и преемникамъ своего званія
 вѣрное средство къ покоренію всей Ливоніи, обра-
 зовавъ изъ сподвижниковъ своихъ, съ согласія папы
 Иннокентія III, военнодуховный орденъ, подъ назва-
 ніемъ *Братства креста Господня*. Таково было
 1204. начало знаменитаго ордена Меченосцевъ. Онъ по-
 лучилъ отъ папы уставъ Храмовыхъ рыцарей, бѣлую
 мантию съ краснымъ крестомъ и право на владѣніе
 покоренными землями, но въ зависимости отъ Ли-
 вонскаго епископа. Послѣ тридцатилѣтней трудной
 борьбы съ туземцами, Меченосцы успѣли мечемъ и
 пламенемъ подчинить большую часть упорныхъ языч-
 никовъ Римской церкви. Покоряя Ливонію, они обра-
 щали оружіе и на Русскіе предѣлы, сначала для
 отраженія Полоцкихъ Князей, слившихся исхи-

титъ подвластную имъ страну на Двинѣ изъ рукъ пришеельцевъ, въ послѣдствіи для утвержденія своего господства и Латинской церкви въ земляхъ Кривскихъ. Но чувствуя слабость своихъ средствъ, встрѣчая неодолимые препятствія въ дикомъ упорствѣ Ливонцевъ и въ мужествѣ Русскихъ, Меченосцы, съ согласія папы Григорія IX, въ 1237 году присоединились къ ордену Тевтонскому, господствовавшему въ Пруссіи; удержали однако свое прежнее устройство, своихъ епископовъ, своихъ гермейстеровъ, назначаемыхъ великими магистрами Тевтонскими, свое право на покоряемыя оружіемъ ихъ земли, приобрѣли только новыя силы, новую бодрость, и съ тѣхъ поръ подстрекаемые Римскимъ дворомъ, духомъ фанатизма, жаждою корысти, вступили въ непрерывную борьбу съ Князьями Полоцкими, Псковскими и Новгородскими. Постоянныя впаденія ихъ въ наши предѣлы начались въ то время, когда Батый разрушалъ Кіевъ, а Шведы хотѣли овладѣть Новгородомъ. Александръ Невскій, едва успѣлъ отразить Биргера, долженъ былъ спѣшить на помощь Пскову, коимъ рыцари уже овладѣли. Мужественный Князь выгналъ ихъ изъ Пскова, освободилъ Изборскъ и поразивъ главныя силы непріятелей на Чудскомъ озерѣ, привелъ орденъ въ такой ужасъ, что гермейстеръ его Вельвенъ трепеталъ за самую Ригу и просилъ помощи у Короля Датскаго; между тѣмъ, чтобы остановить успѣхи

1237.

5 Апрель.
1242.

Русскихъ, уступилъ Новгороду значительную часть Лэтгаліи. По смерти Александра, война запылала снова. Рыцари, вопреки трактату, напали на Новгородцевъ, шедшихъ въ Эстонію противъ поселившихся тамъ Датчанъ; но при Раковорѣ или Везенбергѣ въ 1268 году потерпѣли жестокое пораженіе, положивъ на мѣстѣ много и Русскихъ, коими предводительствовалъ Князь Димитрій Александровичъ. Гермейстеръ собралъ новыя великія силы, до 18,000, и осадилъ Псковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій. Князь Псковской, мужественный Довмонтъ, упорною защитою далъ время Новгородцамъ подождать на помощь и отбилъ рыцарей.

При всѣхъ неудачахъ, Меченосцы хотѣли непрерывно овладѣть Псковомъ, который съ тѣхъ поръ былъ главною цѣлью ихъ походовъ и стражемъ Русскихъ предѣловъ. Къ счастью нашему, въ концѣ XIII вѣка, въ орденѣ возникли раздоры между епископами и рыцарями, за право господства надъ покоренными землями, и на время отвлекли его вниманіе отъ Руси.

Литва.

80. Къ довершенію бѣдствій нашего отечества, въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, на западныхъ предѣлахъ Руси усилился народъ, дотошъ едва замѣтный въ нашей Исторіи, съ половины XIV вѣка грозный для всѣхъ сосѣдей, — Литва.

Единоплеменная съ коренными древнѣйшими народами, жившими по юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, съ Прусами, съ Зимголою въ Семигалия, Жмудью въ западной части Виленской губерніи, съ Корсью въ Курляндіи, съ Ливью и Летголою въ Лифляндіи, Литва искони обитала въ дремучихъ лѣсахъ, между Нѣманомъ и западною Двиною, въ нынѣшней Виленской губерніи, гдѣ въ низшихъ сословіяхъ доселѣ господствуетъ особенный языкъ, равно отличный отъ Славянскихъ, Нѣмецкихъ и Финскихъ нарѣчій. До нашествія Монголовъ, она извѣстна была нашему отечеству смѣлыми набѣгами, коихъ цѣлю былъ одинъ грабежъ, упорною привязанностію къ полудикой жизни и грубымъ язычествомъ. Для обузданія сего свирѣпаго народа, со временъ Ярослава I, рѣдкій изъ Князей западной Руси не ходилъ въ его бѣдную страну, чтобы завоевать ее. При появленіи Русскихъ, жители скрывались въ глуши священныхъ лѣсовъ своихъ, и только въ крайности платили дань звѣриными шкурами, даже лыками и вѣниками. Походы Русскихъ Князей не всегда были успѣшны; самъ Мстиславъ Великій, счастливый во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, испыталъ неудачу въ Литвѣ, гдѣ погбли цѣлые полки его, избитые врагами. Скудная дань, которую они иногда платили, стоила намъ дорого: Князья, частыми вторженіями въ Литву озлобивъ ея обитателей и не успѣвъ по-

корить ихъ своей власти, накликали на себя враговъ непримиримыхъ. Съ половины XII вѣка Литовцы стали мстить намъ неутомимо, обнаруживая въ набѣгахъ грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость: нерѣдко въ жестокую зиму, вырывались многочисленными толпами изъ своихъ лѣсовъ и съ остервененіемъ опустошали предѣлы Полоцкіе, Новгородскіе, Псковскіе, даже Волинскіе. Романъ Мстиславичъ Галицкій въ концѣ XII вѣка прекратилъ на время ихъ набѣги на Волинь и вообще на югозападную Русь, одержавъ надъ ними нѣсколько побѣдъ и грозою своего оружія внушивъ имъ такой страхъ, что имя его нѣсколько вѣковъ памятно было въ Литвѣ; тамъ еще въ XVI столѣтіи говорили въ пословицу: „Романе, худымъ живеша, Литвою ореша:“ онъ впрягалъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли. Въ другихъ княжествахъ сосѣдственныхъ, къ востоку, при слабости ихъ владѣтелей, Литовцы находили болѣе поживы: въ 1224 году они проникли до самой Русы; вскорѣ появились въ области Псковской, потомъ въ Полоцкой; въ 1239 году едва не овладѣли Смоленскомъ. Въ тоже время тревожили и орденъ Ливонскій и Польшу: въ одной изъ битвъ съ Меченосцами они едва не истребили всего ордена; самъ гермейстеръ Вольквинъ положилъ въ ней голову со многими Псковитянами, призванными на помощь.

По завоеваніи Руси Монголами, въ первые годы нашего рабства, Литовцы выступили изъ своихъ лѣсовъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ овладѣть сосѣдственными Русскими городами. Ими предводительствовали многіе конунгасы или князьки, главою коихъ былъ храбрый и хитрый Мишдовгъ, первый достовѣрный Князь Литовскій, имѣвшій свою столицу въ Керновѣ, баснословно прозванный Польскими лѣтописцами отъ племени Римлянъ, нашими отъ Князей Полоцкихъ. Сперва онъ двинулъ весь свой народъ, всѣхъ подвластныхъ вождей на княжества Кривскія, Псковское, Новгородское. Напоръ Литвы такъ былъ стремителенъ, что Александръ Невскій восемь разъ выводилъ въ поле храбрую дружину противъ новыхъ завоевателей, овладѣвшихъ уже Торжкомъ: онъ вытѣснилъ ихъ и спасъ свои области. Раздоръ сыновей и внуковъ его облегчалъ Литовскимъ Князьямъ завоеваніе княжествъ Полоцкаго, Минскаго и Витебскаго. Новгородъ и Псковъ, понимая всю опасность, напрягли всѣ свои силы, чтобы спасти свои города, и отстояли ихъ. Видя здѣсь неудачу, Литовцы обратились къ югу, раздвинули предѣлы свои до самаго Пинска, и грозили завоеваніемъ Волинскихъ княжествъ. Отсель исторія Литвы тѣсно соединяется съ исторіею югозападной Руси.

III. РУСЬ ЗАПАДНАЯ.

1238. — 1320.

Данилъ
Галицкій.
1238-1264.

81. Нашествіе Батыя оставило въ югозападной Руси столь же глубокіе слѣды, какъ и въ восточной: многіе цвѣтущіе города въ Волинѣ и Галиціи были разрушены до основанія, въ особенности Каменецъ, Галичь, Перемышль; многія поколѣнія Волинскихъ Князей изъ рода Изяслава Мстиславича угасли; жители скрылись въ лѣсахъ, или бѣжали въ сосѣдственныя государства, еще болѣе погибли. Данилъ Романовичъ, преемникъ Мстислава Удалаго, видя невозможность бороться съ Монголами, удалился въ Венгрію; по минованіи же грозы, когда Батый возвратился къ берегамъ Волги, спѣшилъ исцѣлить нанесенныя имъ язвы: вызвалъ подданныхъ изъ лѣсовъ, возстановилъ разрушенные города и необыкновенною дѣятельностію въ короткое время образовалъ государство могущественное, заключавшее въ себѣ всю нынѣшнюю Галицію, Волинъ, Подолію, часть Гродненской губерніи, Люблинскаго воеводства и большую часть Молдавіи.

Держава Галицкая не была подвластна Великимъ Князьямъ Владимірскимъ, утвержденнымъ въ орды государями всей Руси, ни Ярославу Всеволодовичу, ни Александру Невскому, тѣмъ менѣе преемникамъ ихъ: ибо Данилъ осторожно поли-

тикою умѣлъ внушить Батыю такое къ себѣ уваженіе, что когда явился въ орду, побѣдъ долговременнаго отказа, съ покорностію, Ханъ принялъ его болѣе какъ союзника, чѣмъ подвластнаго себѣ владѣтеля, и объявилъ главою югозападной Руси. Позже всѣхъ другихъ Князей признавъ себя данникомъ Монголовъ, онъ не терялъ надежды на независимость, съ рѣдкимъ благоразуміемъ изыскивалъ средства къ освобожденію себя отъ ига и чтобы уснѣть въ своемъ намѣреніи, рѣшился искать помощи въ западныхъ Европейскихъ государствахъ. Болѣе всего онъ надѣялся на папу Иннокентія IV, который могъ ополчить Европу на Монголовъ, вступилъ съ нимъ въ дружелюбныя сношенія и обѣщаль содѣйствовать соединенію восточной церкви съ западною, о чемъ папы постоянно заботились, если только согласится на оное Вселенскій соборъ, который предполагалось созвать, какъ скоро Русь будетъ избавлена отъ враговъ. Иннокентій такъ обрадовался вызову Данила, что прислалъ ему вѣнецъ Королевскій и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Монголовъ. Ополченіе однако не состоялось отъ раздоровъ христіанскихъ государей. Даниль, видя безсиліе папы, прервалъ сношенія съ Римскимъ дворомъ, удержавъ за собою титулъ Королевскій, остался непоколебимъ въ православіи и однимъ союзомъ съ Королями Польскимъ, Венгерскимъ, Богемскимъ хотѣлъ избавиться

1234.

отъ рабства : укрѣпилъ города, собралъ войско многочисленное, такъ хорошо вооруженное, что оно заслужило удивленіе Венгровъ, коимъ помогало противъ Императора Фридриха, и изгнавъ Ханскихъ баскаковъ изъ всѣхъ областей своихъ до самого Днѣпра, объявилъ себя непріателемъ преемника Батыева. Сонмы Монголовъ устремились на Галицкое королевство; Даниилъ ждалъ только союзниковъ, чтобы вступить въ борьбу: они его оставили. Тутъ онъ увидѣлъ, что борьба невозможна, снова призналъ себя данникомъ Хана, даже разрушилъ, по волѣ его, укрѣпленія Кременца, Луцка, Львова, Владиміра. При всемъ томъ онъ и преемники его менѣе всѣхъ Русскихъ Князей рабствовали Хану: не ѣздили въ орду бить челомъ, не требовали Ханскаго утвержденія въ отцовскихъ удѣлахъ, заставили Монголовъ уважать себя, грозя иногда тѣснымъ союзомъ съ Европою, иногда собственнымъ оружіемъ, главное же, не взирая на раздробленіе Галицкаго королевства по праву удѣльному, дѣйствовали въ политикѣ вѣшной и внутренней съ рѣдкимъ въ нашей Исторіи единодушіемъ.

Преемники
Даниила.

82. По смерти Даниила, Галицкое королевство раздѣлилось на четыре удѣла: въ княжествѣ Владимірскомъ господствовалъ братъ его Василько; въ Перемышльскомъ, Луцкомъ и Галицкомъ сыновья Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. Они вели счастливыя

войны съ Королями Польскими и съ Князьями Литовскими, удерживая стремленіе сихъ новыхъ завоевателей на южную Русь; строили, обновляли города; платили Монголамъ дань, но не приглашали ихъ для разбора своихъ наследственныхъ правъ на удѣлы, и только въ случаѣ войны съ сосѣдями призывали ихъ на помощь, какъ нѣкогда Половцевъ, съ тѣми же послѣдствіями: мнимые союзники болѣе вредили ихъ собственному государству, чѣмъ непріятелямъ, и мало по малу доводили его до изнеможенія. Сынъ Льва Даниловича, Юрій, вступившій на престолъ въ самомъ началѣ XIV столѣтія, соединилъ подъ свою державу, по праву наследства, всю югозападную Русь, и по примѣру великаго дѣда своего, въ сношеніяхъ съ иноземцами именовался Королемъ Русскимъ (преемники же его назывались Королями Малой Руси). Государство его было самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ княжествъ Русскихъ, занимая страну обширную, плодородную, со многими цвѣтущими городами. При всемъ томъ, иго рабства тяготѣло надъ нимъ, такъ точно, какъ и надъ всею Русью; тяжкая дань, своеволие баскаковъ, походы Монголовъ на Литву, Польшу и Венгрію, куда они неоднократно вторгались, все это изнуряло Галицкое королевство; оно могло назваться счастливымъ, только по сравненію съ другими княжествами.

Отношенія
къ Литвѣ.

83. Послѣ Монголовъ, главнымъ предметомъ политики Королей Галицкихъ была Литва. Миндовгъ, встрѣтивъ отпоръ въ сѣверозападной Руси, обратилъ своихъ князковъ на югъ и завоевалъ Ново-городекъ. Даниль Романовичъ спѣшилъ заключить противъ него оборонительный союзъ съ Князьями Польскими и съ орденомъ Ливонскимъ; въ то же время пользовался раздорами Литовскихъ Князей, вооружалъ ихъ другъ противъ друга, билъ враговъ при каждой встрѣчѣ и проникъ въ самую Литву. Миндовгъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, прибѣгнувъ къ хитрости: изъявляя желаніе креститься со всѣмъ народомъ, онъ просилъ покровительства Римскаго папы Александра IV, получилъ отъ него санъ Королевскій въ награду за мнимое усердіе къ христіанской вѣрѣ и при посредничествѣ его избавился отъ Меченосцевъ; Данила же Романовича склонилъ къ миру, возвративъ ему Новогородекъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за меньшаго сына его Шварна, съ обѣщаніемъ не тревожить Воляни. Миндовгъ обманулъ и папу и Данила: остался язычникомъ, спѣшилъ воспользоваться раздоромъ Князя Галицкаго съ Монголами, и снова обратилъ оружіе на Волянскія княжества; но не успѣлъ овладѣть ими, бывъ умерщвленъ родственниками.

1265.

Смерть его сильно потрясла Литву и была поводомъ соединенія сей страны съ Галицкимъ кня-

жествомъ, къ несчастію кратковременнаго. Сынъ Миндовга, Воишелгъ, принявшій христіанскую вѣру по Греческому обряду, еще при жизни отца отказался отъ свѣта и удалясь въ Полонинскую обитель (Волинской губерніи), ревностно исполнялъ всѣ обязанности инока. Злодѣйство родственниковъ вызвало его къ мести: онъ свергнувъ съ себя монашескую одежду, явился въ Литвѣ грознымъ мстителемъ, при помощи сыновей Даниловыхъ овладѣлъ государствомъ, истребилъ убійцъ своего отца и подорвавъ подданныхъ въ соучастіи, плавалъ въ крови ихъ. Нѣсколько сотъ семействъ Литовскихъ, гонимые Воишелгомъ, искали убѣжища во Псковѣ и тамъ крестились; въ числѣ ихъ былъ Довмонтъ, защитникъ Пскова, знаменитый набожностію и неоднократнымъ спасеніемъ своей новой отчизны отъ Ливонскихъ рыцарей, отъ самыхъ Литовцевъ. Воишелгъ искалъ престола только для того, чтобы наказать родственниковъ, виновныхъ въ смерти отца; совершивъ месть, онъ снова, въ одеждѣ инока, удалился въ монастырь, а государство уступилъ усердному сподвижнику, зятю своему Шварну, меньшому сыну Данила Романовича. Шварнъ, получивъ отъ отца большую часть Галицкаго королевства, присоединилъ къ своему удѣлу все Литовское княжество, въ коемъ господствовалъ около двухъ лѣтъ. Преждевременная смерть его не допустила утвердиться соединенію Литвы съ Русью: старшій братъ

1266.

1267.

его Левъ Даниловичъ, наслѣдовавъ Шварнову область, Галицію, не умѣлъ утвердить свою власть въ Литвѣ, гдѣ его ненавидѣли, какъ убійцу Войшелга. Литовскимъ престоломъ овладѣлъ одинъ изъ туземцевъ, язычникъ Тройденъ, врагъ Русскихъ. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ и считая себя законнымъ наслѣдникомъ Литвы, обратился съ просьбою о помощи къ Хану Сарайскому Менгутемиру. Призванные имъ Монголы, соединясь съ полками Галицкими, Смоленскими, Сѣверскими, устремились въ Литву, чтобы завоевать ее для сына Данилова; но остановленные на пути раздорами союзныхъ Князей, дошли не далѣе Новогродека и не столько повредили неприятелямъ, сколько Русскимъ княжествамъ, разоривъ на возвратномъ пути множество селъ и городовъ въ Галиціи. Эта неудача не образумила Льва: онъ снова призвалъ Монголовъ изъ Ногаева улуса; плоды были тѣже. Тройденъ и преемникъ его Витень утвердились на самой Горыни. Малолѣтство же наслѣдниковъ Льва и наконецъ пресѣченіе рода Данилова доставило всю Волинь въ руки Князей Литовскихъ.

IV. РУСЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIV ВѢКА.

Предѣламъ
Руск.

84. Въ началѣ XIV вѣка родъ Владиміра св., раздѣленный по прежнему на многія отрасли, гос-

подствоваль, въ зависимости отъ Хановъ Сарайскихъ, въ тѣхъ же предѣлахъ, кои имѣла Русская земля предъ нашествіемъ Монголовъ, исключая княжества Кривскія, покоренныя Литвою, Ливонію, присвоенную Меченосцами, и южную Финляндію, отторгнутую Шведами. Все пространство отъ горъ Карпатскихъ, береговъ Сана, Западнаго Буга, Псковскаго озера и Выборга до Волги и Камы, отъ Ворсклы, верховьевъ Хопра и Медвѣдицы до Мурманскаго или Бѣлаго моря, было подвластно одному семейству. Многія отрасли его угасли, или не ознаменовавъ себя ничѣмъ достопамятнымъ не были замѣчены лѣтописцами. Господствующимъ поколѣніемъ, какъ было до Монголовъ, осталось Мономахово, раздѣлившееся, въ потомствѣ правнука его Ярослава Всеволодовича и праправнука Романа Мстиславича, на два главные рода, изъ коихъ одинъ сосредоточиваль въ себѣ всю политику въ восточной Руси, другой въ западной.

85. Родъ Ярослава Всеволодовича, въ потомствѣ трехъ сыновей его Александра, Андрея и Ярослава, раздѣлился на три отрасли: домъ Александра Ярославича Невскаго господствовалъ въ княжествѣ Московскомъ, домъ Андрея Ярославича въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ, домъ Ярослава Ярославича въ Тверскомъ.

Русь восточная.

Московское княжество было слабѣе и малолюднѣе всѣхъ прочихъ княжествъ. Москва, самый юный изъ городовъ Суздальской области, основанная вѣроятно не прежде Юрія Долгорукаго, по крайней мѣрѣ неизвѣстная прежде 1147 года, до нашествія Монголовъ, не имѣла даже своего Князя и составляла отчину государей Суздальскихъ. Александръ Невскій отдалъ ее въ удѣлъ младшему сыну своему Данилу, который, владѣя сначала одною Москвою съ нѣсколькими селами и деревнями, въ послѣдствіи увеличилъ свою область, приобрѣвъ, по духовному завѣщанію племянника своего Іоанна Димитріевича, богатый и многолюдный Переяславль Залѣсскій. Сынъ его Георгій присовокупилъ еще Коломну, отнявъ ее у Князя Рязанскаго. Іоаннъ Калита наслѣдовалъ, по смерти брата, кромѣ Москвы, Можайскъ, Коломну, Перемышль, Звенигородъ, Рузу, Серпуховъ, Переяславль.

Суздальское, вмѣстѣ съ *Нижегородскимъ*, принадлежало многимъ Князьямъ изъ рода Андрея Ярославича; главою ихъ былъ внукъ его Константинъ Васильевичъ. Господствуя въ древнихъ городахъ, съ именемъ коихъ современники привыкли соединять мысль о Великокняжескомъ достоинствѣ, располагая сверхъ того Нижнимъ Новгородомъ, Галичемъ, Костромою, Городцомъ, Стародубомъ, Угличемъ,

Константинъ былъ сильнѣйшимъ государемъ въ восточной Руси.

Тверское княжество, доставшееся по смерти Дмитрія Михайловича, соперника Георгія Московскаго, брату его Александру, внуку Ярослава Ярославича, состояло изъ городовъ Твери, Ржева, Зубцова, Кашина; славилось мужествомъ народа и благородною твердостью Князей, менѣ всѣхъ раболѣпствовавшихъ Хану.

Какъ правнуки Ярослава Всеволодовича, признаннаго во время Батыя Великимъ Княземъ всея Руси, Князя Московскій, Суздальскій и Тверской только себя считали въ правѣ быть на Великокняжескомъ престолѣ; потомки другихъ поколѣній Владиміра св., не изъ рода Ярослава Всеволодовича, не оспаривали у нихъ этого права, искали одной независимости, и смотря по обстоятельствамъ, держались то той, то другой стороны. Въ числѣ княжествъ второстепенныхъ, относившихся къ системѣ восточной Руси, сильнѣйшія были: *Ростовское и Бѣлозерское*, принадлежавшія потомству Константина Всеволодовича, брата Ярославова; *Рязанское*, гдѣ господствовали потомки Ярослава Святославича Черниговскаго въ Рязани, Переяславѣ, Пронскѣ; *Сверское*, здѣсь княжилъ родъ Святослава Ольговича и Михаила Всеволодовича, раздѣляясь на Кня-

зей Брянскихъ, Козельскихъ, Курскихъ, Глуховскихъ, Одоевскихъ, Карачевскихъ, Трубчевскихъ, Путивльскихъ, и другихъ; *Смоленское* оставалось за домомъ Ростислава Мстиславича, коего отрасль утвердилась сверхъ того въ *Ярославль*; *Кіевское* и *Черниговское* княжества не всегда имѣли своихъ, особенныхъ владѣтелей: главные города ихъ, состоящіе изъ однихъ развалинъ, съ немногими жителями, были управляемы Ханскими баскаками; Кіевъ такъ опустѣлъ, что митрополитъ всея Руси Максимъ, въ исходѣ XIII вѣка, перенесъ оттуда свой престолъ во Владиміръ на Клязьмѣ, бывшій со времени Ярослава Всеволодовича столицею Руси. Впрочемъ въ ордѣ было принято за правило считать Кіевъ и Черниговъ въ числѣ городовъ Великаго Князя; но потомки Ярослава, занятые своими распрями, не имѣли даже времени и подумать о столь отдаленныхъ владѣніяхъ.

Новгородское княжество по прежнему принадлежало не исключительному поколѣнію, а тому, кто былъ признаваемъ въ ордѣ главою другихъ Князей. Составляя въ нѣкоторомъ смыслѣ маіоратъ каждаго Великаго Князя, оно давало ему значительный перевѣсъ, если только онъ умѣлъ поладить съ вѣчемъ. Впрочемъ это случалось рѣдко: своеволіе черни болѣе ослабляло, чѣмъ усиливало Великаго Князя, озабочивая его безпрестанно спорами о пра-

въ собирать дань, производить судъ и расправу. Владѣнія Новгородскія были весьма обширны; въ нихъ находились города: Новгородъ, Ладога, Орѣшекъ, Руса, Копорье, Торжокъ, Вышній Волочекъ, Вологда, Устюгъ. Земли: Заволоцкая, (въ Архангельской губ.), Печерская, Пермская, Вятская, Югорская, доставлявшія мягкую рухлядь, даже дорогіе металлы, были области Новгородскія.

Псковское княжество, усвоивъ внутреннее устройство, сходное съ Новгородскимъ, составляло равнымъ образомъ маіоратъ Великаго Князя. Въ немъ находились города: Псковъ, Изборскъ, Опока, Торопецъ.

86. Въ югозападной Руси господствовалъ также родъ Владиміра Мономаха, въ потомствѣ Романа Мстиславича Волинскаго Многочисленныя княжества, извѣстныя прежде подъ именемъ Волинскихъ, Червенскихъ, Туровскихъ, Галицкихъ, принадлежавшія отчасти потомкамъ Мономаха и Володаря, отчасти другимъ отраслямъ Ярослава I, въ продолженіе XIII вѣка вошли въ составъ одного могущественнаго государства, *Королевства Галицкаго*, въ коемъ хотя были частныя удѣлы, но владѣтели ихъ безпрекословно признавали надъ собою господство Короля Галицкаго, въ родѣ Даниила Романовича. Оно простиралось отъ устьевъ Дуная до исто-

Русь юго-западная.

ковъ Нѣмана, отъ береговъ Сана и горъ Карпатскихъ до Днѣпра, включая въ своихъ предѣлахъ всю нынѣшнюю Волинь съ частию Кіевской губерніи, Подолію, Галицію, часть воеводствъ Люблинскаго, Сандомирскаго и Гродненской губерніи. Замѣчательнѣйшіе города, подвластные потомкамъ Данила, были: Галичь, Львовъ, Перемышль, Дубно, Луцкъ, Владиміръ, Червень, Хелмъ, Белзь, Камеенець, Кременецъ, Овручь, Туровъ, Пинскъ, Брестъ, Волковискъ, Новоградекъ.

Русь сѣверо-западная.

87. Къ сѣверу отъ королевства Галицкаго, за верховьями Нѣмана, Русскія земли, принадлежавшія до половины XIII вѣка потомству Всеслава Полоцкаго, были во власти частию Литовскихъ Князей, частию ордена Меченосцевъ. Первые утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, и зависѣвшихъ отъ нихъ городахъ; вторые въ Крейцбургѣ, Юрьевѣ и проч. Владычество тѣхъ и другихъ имѣло совершенно разныя начала. Литовскіе Князья были идолопоклонники, признавали Перкуна, покла- нялись священному огню, обожали лѣса, но вообще охотно крестились въ христіанскую вѣру по Гре- ческому обряду, и вступали въ брачныя союзы преимущественно съ Русскими Князьями. Они смотрѣли на Русь, какъ на новое отечество, гдѣ ожидала ихъ лучшая жизнь, и нерѣдко въ случаѣ междоусобій искали въ ней убѣжища: цѣлыя сотни

семействъ переселились во Псковъ и Новгородъ, принявъ тамъ христіанскую вѣру. Поступокъ Воишелга, отдавашаго свое государство сыну Даниилу Шварну, лучше всего объясняетъ взаимныя отношенія Литвы къ Руси: оба племени сливались въ одинъ народъ, въ коемъ Русскій языкъ, Русская вѣра, Русскіе уставы должны были господствовать. — Меченосцы отбирали наши города съ иною цѣлю: они вводили все свое, и дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ орденъ, все Русское исчезало, все становилось Нѣмецкимъ; самыя названія Русскихъ городовъ и селъ были замѣнены Нѣмецкими именами.

88. Изъ вышесказаннаго очевидно, что Русь въ началѣ XIV вѣка находилась въ какомъ то нерѣшительномъ состояніи. съ одной стороны главныя условія жизни общественной, выразившія всюду одинъ типъ, соединяли всѣ земли ея въ одно цѣлое, въ одно государство, подвластное одному владѣтельному дому (исключая немногія области); съ другой же стороны стремленіе Князей къ самостоятельности разрывало ее на части. Это стремленіе, подъ вліяніемъ Монголовъ, было столь сильно, что надлежало опасаться болѣе, чѣмъ когда либо неминуемаго раздробленія Русской земли на нѣсколько державъ самостоятельныхъ, — и Галицкое королевство, по видимому, служило примѣромъ для прочихъ

Политика
Князей.

княжествъ. При всемъ томъ узы единства были несокрушимы: кромѣ вѣры, языка, общественныхъ уставовъ, кромѣ недостатка физическихъ началъ раздробленія, самая мысль о первенствѣ, о верховномъ господствѣ того или другаго лица, занимавшая, ссорившая всѣхъ Князей, свидѣтельствовала, что потомки Ярослава I смотрѣли на Русскую землю по прежнему: т. е. все, что носило на себѣ Русскій отпечатокъ, было ихъ общимъ достояніемъ. Удѣлы переходили изъ рукъ въ руки, сливались, раздѣлялись и снова соединялись. Какъ одинъ родъ успѣлъ присвоить власть надъ всею югозападною Русью, такъ другой домъ могъ господствовать въ восточной и мало по малу составить съ первымъ одно семейство: надлежало только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ. Этотъ вопросъ однакожь до того былъ запутанъ, что только продолжительныя, кровавыя распри могли развязать его.

При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было ожидать скорого облегченія рабства. Главною, единственною цѣлюю политики Князей было первенство одного надъ другимъ. Стремленіе къ нему вооружало ихъ другъ противъ друга. Ханы Сарайскіе съ искусствомъ поддерживали духъ раздора, не давали преимуществъ исключительному поколѣнію и, назначая Великихъ Князей то изъ того, то изъ другаго рода, не усиливали ни одного. Всѣ Князья

были равны: каждый изъ нихъ могъ надѣяться на достоинство Великокняжеское, и какъ оно стало гораздо почетнѣе, по крайней мѣрѣ прибыльнѣе, чѣмъ прежде, получить же его можно было только угодливіостію Хану: то всѣ они, при каждомъ управленіи престола, спѣшили въ Орду, кланялись Хану, искали его родства, дарили его женъ, мурзь, и возвращались непримиримыми врагами. Слѣдовательно Ханъ всегда имѣлъ средства подавить первый, великодушный порывъ къ государственной независимости. Притомъ же орда была еще такъ могущественна, что могла бороться со всею Русью.

89. Въ Золотой ордѣ съ 1313 года господствовалъ Ханъ, доселѣ знаменитый на востокѣ, Узбекъ. Золотая орда. Имя его, по Татарскимъ понятіямъ, соединяло въ себѣ идею всѣхъ царственныхъ добродѣтелей: многіе Ханы считали себѣ за честь называться Узбеками. Долговременное 30 лѣтнее царствованіе, ознаменованное строгимъ правосудіемъ, крѣпостію правленія, подавило таившіяся въ ордѣ сѣмена раздоровъ и такъ ее скрѣпило, что по первому мановенію Хана, она могла подняться съ прежнимъ могуществомъ и сокрушить каждаго непріятеля. Важное обстоятельство еще болѣе усилило ее: уже со времени Беркая, многіе Монголы поклонялись Лжепророку; Узбекъ ввелъ магометанскую вѣру во всѣхъ своихъ улусахъ. Духъ нетерпимости, на

коемъ основано ученіе алкорана, не нашелъ въ Монголахъ столь усердныхъ фанатиковъ, какъ въ пламенныхъ жителяхъ Аравіи: одинъ неудачный опытъ въ Твери охладилъ въ нихъ ревность къ распространенію магометанства въ нашемъ отечествѣ; при всемъ томъ, исповѣдая вѣру, согласную съ духомъ завоеванія, Монголы удвоили свои силы, и при первой борьбѣ, Русскіе могли встрѣтить въ нихъ грозныхъ противниковъ.

Въ слѣдствіе сего, предки наши менѣе, чѣмъ когда либо думали облегчить цѣпи рабства. Оно становилось годъ отъ году тягостнѣе. Князья трепетали Ханскаго зова; пять знаменитыхъ потомковъ Ярослава I, Михайлъ Тверской, дѣти его Димитрій, Алѣксандръ съ сыномъ, Феодоръ Стародубскій были жертвами звѣрскаго самовластія Узбекова. Баскаки его призывали на судъ потомковъ Мономаховыхъ, выслушивали ихъ оправданія и рѣшали Княжескія ссоры, какъ верховные судьи. Народъ платилъ дань тяжкую; численники, таможенники, мытари объѣзжали Русскую землю, собирали подать съ безпримѣрнымъ тиранствомъ, ставили должниковъ на правезь или отводили въ неволю.

Такъ миновалъ первый вѣкъ нашего рабства!

ГЛАВА IV.

МОСКВА И ЛИТВА.

I. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

1328 — 1462.

90. Участь Руси въ первый вѣкъ ея рабства Пережънакъ
лучшему. была самая злосчастная: съ востока и юга громили ее степныя орды, съ сѣвера и запада тѣснили фанатики и опустошали Литовцы; внутри терзали Князья. Тяжкіе, непрерывные удары довели ее до крайняго изнеможенія, до послѣдняго предѣла бѣдствія народнаго, за коимъ ожидала ее или смерть или новая жизнь. Судьба ея рѣшилась въ первой половинѣ XIV вѣка. Большая, лучшая часть древней Руси Ярославовой, исключая области Псковскую, Новгородскую, Суздальскую и Рязанскую, была исторгнута изъ власти Монголовъ Князьями не Рюрикова племени и подпала господству потомковъ

Литовскаго государя Гедимина; она сохранила вѣру, языкъ, нравы, обыкновения, отчасти гражданское устройство; но утративъ господство природныхъ Князей, по вступленіи внука Гедимина Ягелла на Польскій престолъ, должна была раздѣлять судьбу Польши, участвовать во всѣхъ войнахъ ея, въ самыхъ неурядицахъ внутреннихъ, и терпѣть гоненіе за вѣру. Еще горшая участь грозила остальной Руси, восточной, подвластной Монголамъ: народъ привыкалъ къ рабству, безмолвно коснѣлъ въ невѣжествѣ и въ суевѣрномъ страхѣ смотрѣлъ на свою неволю, какъ на удѣлъ, назначенный Провидѣніемъ. Князья гордились милостію Хана, кланялись въ ордѣ, и только заботились, чтобы онъ не отдалъ ихъ престоловъ совмѣстникамъ или своимъ баскакамъ. Распри ихъ были непримиримы; болѣе, чѣмъ когда либо они разрознили Русскую силу и уже не думали о возможности свергнуть ихъ. Но когда все, казалось, погибло, среди всеобщаго разстройства, возвысила главу свою Москва, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сосредоточить раздробленныя силы Русскаго народа, спасти его отъ разновластиа, отъ ига чужеземнаго, и подъ сѣнью Москвы, укрѣпленная св. вѣрою, Русь воскресла къ новой жизни.

Москва.

Новый благотворный порядокъ вещей настаётъ въ восточной Руси въ первой половинѣ XIV вѣка :

тамъ съ 1328 года водворяется тишина внутренняя. Князья еще спорятъ о верховномъ правѣ, но уже рѣдко осмѣливаются рѣшать свои споры кровавыми битвами, и уступаютъ исключительное первенство одной фамилии, которая съ каждымъ поколѣніемъ беретъ явный перевѣсъ. Монголы все еще гнетутъ народъ налогами, но уже опредѣленными, не терзаютъ его откупщиками, какъ жертву беззащитную, и не разъ встрѣтивъ мужественный отпоръ Князей, властвуютъ не безусловно. Литва расширяетъ свои предѣлы за Днѣпръ, но беретъ города послѣ долговременнаго сопротивленія и нерѣдко терпитъ неудачу. Восточная Русь сосредоточиваетъ свои силы, повинуется одному уму, одной волѣ, и обнаруживаетъ явное стремленіе къ независимости. Эта благодатная переменѣ началась съ тѣхъ поръ, когда Москва стала главою отечества и достоинство Великокняжеское утвердилось въ потомствѣ Іоанна Даниловича, внука Александра Невскаго.

91. Іоаннъ I (Калита) принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ Исторіи Государей, которые, успѣвъ разгадать духъ времени, изобрѣтаютъ сообразную съ нимъ политику и даютъ направленіе судьбѣ народовъ. Онъ понялъ, что Русь, при всемъ изнеможеніи, заключала въ себѣ силы неодолимыя, но раздробленныя, несогласныя, следовательно слабыя,

Іоаннъ I.
1326-1340.

что она умирала единственно отъ внутренняго неустойства, отъ запутанности Княжескихъ отношеній, что спасти ее отъ неминуемой гибели могло только единоедержавіе, которое сосредоточило бы всѣ силы ея къ одной цѣли, что для введенія единоедержавія необходимо было утвердить власть Великаго Князя за однимъ родомъ, который могъ бы слѣдовать постоянной политикѣ, и вкоренить мало по малу мысль объ исключительномъ правѣ одной фамиліи на достоинство верховное.

Въ стремленіи къ этой цѣли Іоаннъ встрѣчалъ великія препятствія. Утвержденный Ханомъ въ достоинствѣ Великаго Князя, онъ могъ властвовать неограниченно только въ наследственной области Московской, состоявшей изъ 8 городовъ: Москвы, Можайска, Коломны, Звенигорода, Рузы, Серпухова, Перемышля, Переяславля Залѣскаго; сверхъ того, какъ Великій Князь, господствовалъ въ княжествахъ Владимірскомъ, Псковскомъ и Новгородскомъ; всѣ прочія области, подвластныя Монголамъ, имѣли своихъ государей, не думавшихъ отказаться отъ права наследственнаго. Однѣ изъ этихъ областей принадлежали древнимъ отраслямъ Ярослава I: Смоленская, потомкамъ Ростислава Мстиславича; Рязанская, Муромская и Пронская поколѣнію Святослава Черниговскаго; другія же княжества возникли изъ удѣла Юрія Долгорукаго и также имѣли

своихъ Князей наследственныхъ : въ Ростовскомъ и Бѣлозерскомъ господствовали потомки Константина Всеволодовича, въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ потомки Андрея Ярославича, въ Тверскомъ потомки Ярослава Ярославича. Каждый Князь удѣльный считалъ свою отчину неотъемлемою собственностію и часто хотѣлъ лучше погибнуть въ ордѣ, чѣмъ уступить ее другому роду. Такимъ образомъ власть Великаго Князя въ восточной Руси имѣла три степени : въ отчинѣ своей онъ властвовалъ неограниченно и могъ завѣщать ее въ наследство своимъ дѣтямъ, даже не спрашивая Ханскаго дозволенія : ибо въ ордѣ обыкновенно утверждали сына въ отцовской области; княжествами Владимірскимъ и Новгородскимъ онъ управлялъ, какъ намѣстникъ Ханскій, но не могъ отказать ихъ своимъ дѣтямъ : ибо Владиміръ и Новгородъ были только пожизненнымъ достояніемъ каждаго Великаго Князя. Въ прочихъ областяхъ, имѣвшихъ своихъ Князей, онъ былъ только миротворецъ ; сверхъ того получалъ отъ нихъ *выходы ордынскіе* или ежегодную дань для доставленія Ханамъ. Великій Князь въ свою очередь, наравнѣ съ прочими, зависѣлъ совершенно отъ произвола Татарскаго. Ханъ могъ, безъ всякаго суда, лишить его верховной власти, самой отчины; никакой умъ, никакія доблести не могли отвратить удара, въ случаѣ Ханскаго гнѣва; на содѣйствіе Князей удѣль-

ныхъ надежды не было: всѣ они ловили первый случай, чтобы самимъ сѣсть на престолъ Великокняжескій.

Политика
Иоанна.

92. При такомъ положеніи дѣлъ, еще рано было думать объ искорененіи удѣльной системы; тѣмъ менѣе о сверженіи ея. Иоаннъ Калита не искалъ ни того, ни другаго, и оставилъ событія идти обыкновеннымъ ходомъ, какъ было прежде: не отнималъ Княжескихъ удѣловъ, не озлоблялъ Хановъ, платилъ имъ дань и ѣздилъ въ орду. При всемъ томъ, въ кратковременное княженіе свое, онъ положилъ твердое начало новому порядку вещей, изъ коего развивались послѣдующія событія. Постояннымъ правиломъ его политики было: 1, дать власти Великаго Князя ту силу, которую она имѣла при Ярославѣ I и Владимірѣ Мономахѣ; 2, утвердить право Великаго Князя исключительно за своимъ родомъ; 3, увеличить наследственную отчину, Московское княжество, приобрѣтеніемъ новыхъ областей и городовъ.

Возвышая санъ Великаго Князя и присвоивая верховную власть своему роду, Иоаннъ съ рѣдкимъ искусствомъ пользовался обстоятельствами времени. Главное орудіе къ достиженію своей цѣли онъ нашелъ въ самомъ источникѣ нашего злополучія, въ ордѣ. Ханы ордынскіе, безотчетно управляя на-

нимъ отечествомъ, назначали въ свои намѣстники преимущественно тѣхъ Князей, которые усяѣвали заслужить ихъ благосклонность смиренною угодливостію, богатыми дарами, поклонами. И прежде Калиты Князя искали милости въ ордѣ; но никто изъ нихъ не умѣлъ такъ угодить Ханамъ, какъ Іоаннъ Даниловичъ: онъ неоднократно ѣздилъ къ Узбеку, приносилъ ему груды серебра, представлялъ дѣтей, какъ будущихъ усердныхъ слугъ Ханскихъ, и неумолимо преслѣдовалъ Александра Михайловича Тверскаго, заслужившаго гнѣвъ Узбека. Пользуясь безпредѣльною довѣренностію Хана, удовлетворяя корыстолюбію Монголовъ, Іоаннъ самовластвовалъ въ отечествѣ: именовался *Великимъ Княземъ всея Руси*, тѣснилъ Князей, стращалъ ихъ гнѣвомъ Ханскимъ, посылалъ къ нимъ своихъ бояръ для сбора ордынскихъ выходовъ, въ то же время обогащалъ свою казну значительною частію дани, собираемой для Монголовъ, и могъ закупить себѣ селъ и городовъ въ областяхъ отдаленныхъ.

Не менѣе надежное орудіе нашелъ Іоаннъ внутри отечества, въ духовной власти митрополита. Пастыри Русской церкви искони были миротворцами нашихъ Князей; не принимая прямаго участія въ ихъ спорахъ, они могли однакожь нерѣдко давать перевѣсъ тому, чью сторону держали: ибо глубокое благочестіе было отличительною чертою Князей

и народа древней Руси. Тяжкое иго, оставивъ нашимъ предкамъ одно утѣшеніе, религію, естественно возвысило санъ духовный тѣмъ болѣе, что и сами Монголы оказывали ему явное уваженіе. Митрополитъ не могъ спорить съ Великимъ Княземъ о правахъ верховной власти, но могъ служить ему крѣпкою опорою. Іоаннъ Калита угадалъ эту истину, и бывъ еще удѣльнымъ Княземъ, убѣдилъ митрополита всея Руси св. Петра оставить Владимірь, (куда предшественникъ сего святителя, Максимъ еще въ 1299 году перенесъ свой престолъ изъ Кіева, тѣснимаго Монголами), и поселиться въ Москвѣ, гдѣ набожный Князь обѣщалъ ему тишину и безопасность. Здѣсь остались и преемники св. Петра, тѣмъ охотнѣе, что подъ вліяніемъ Князей Московскихъ, они получали отъ Хановъ многія льготы. Съ тѣхъ поръ Москва стала выше всѣхъ городовъ, какъ градъ первопрестольный, и если владѣтель ея встрѣчалъ еще соперниковъ, то мнѣніе общественное было на его сторонѣ. Іоаннъ Калита и преемники его, понимая всю выгоду столь важнаго обстоятельства, не рѣшались ни на одно значительное дѣло безъ совѣта и благословенія митрополита, который съ своей стороны, вполнѣ завися отъ Великаго Князя, служилъ ему самымъ надежнымъ орудіемъ къ обузданію внутреннихъ мятежниковъ угрозою отлученія отъ церкви. Такъ обѣ власти, духовная и мірская, соединяясь тѣсными узами, сосредоточивались къ

одной цѣли, поддерживали одна другую и вскорѣ обнаружили силу неодолимую.

93. Плоды Иоанновой политики обнаружились немедленно по его кончинѣ. Три Князя искали чести быть намѣстниками Ханскими: Константинъ Михайловичъ Тверской, Константинъ Васильевичъ Суздальскій и Симеонъ Иоанновичъ Московскій. Первые два, какъ старшіе въ родѣ, какъ дяди Симеона, имѣли неоспоримое право на престолъ; но сынъ Калиты представилъ Узбеку вѣрную службу отца, въ тоже время не щадилъ даровъ Ханскимъ вельможамъ, имѣя богатую казну, между тѣмъ, какъ соперники его не могли сыпать золотомъ, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ. Онъ вполне понялъ отцовскую политику: столь же усердно угождалъ Узбеку и сыну его Чанибеку, столь же рѣшительно и грозно властвовалъ въ отечествѣ. Усыпляя Хановъ льстивымъ смиреніемъ, онъ торжественно вступилъ на престолъ въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ, по примѣру отца называлъ себя Великимъ Княземъ *всѣя Руси*, и держалъ удѣльныхъ владѣтелей въ такомъ почтительномъ отдаленіи, что современники проименовали его *гордымъ*. Спокойствіе господствовало внутри восточной Руси во все время его правленія: уже никто не смѣлъ съ нимъ спорить; сами Новгородцы, испытавъ его твердость, должны были платить ему дань.

Симеонъ
Гордый.
1340-1353.

Къ несчастію Симеонъ княжилъ недолго; его похитила лютая моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; изъ Китая она проникла въ Сирію, Египеть, Грецію, Италію, Францію, Англію, Германію; отсюда въ Новгородъ и Псковъ, истребивъ несмѣтное множество народа; у насъ опустѣли цѣлые города. Судьба, какъ бы испытывая Русскую силу, готовила ей новые удары.

Іоаннъ II.
1353-1359.

94. Преемникъ Симеоновъ, второй сынъ Калиты. Іоаннъ, признанный въ достоинствѣ Великаго Князя Чанибекомъ, далеко уступалъ отцу и брату въ твердости и искусствѣ государственнаго управленія. Князья удѣльные, не споря съ нимъ о верховномъ правѣ, хотѣли быть по прежнему независимы: рѣзались другъ съ другомъ и не слушали Князя Московскаго.

Правда, еще не совсѣмъ погибли плоды Іоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные въ его школѣ, руководили сыномъ, слѣдуя указанію великаго и мудраго святителя митрополита Алексѣя, который духовною властію смиралъ крамольниковъ, тѣмъ успѣвшиѣ, что самъ онъ пользовался особенною милостію Хана. Но Іоаннъ вскорѣ умеръ; въ то же время, среди кровавыхъ распрей, погибли и Узбеки, покровители Москвы. Князья удѣльные, доселѣ терпѣвшіе ея насиліе, единственно изъ опа-

сенія раздражить благосклонныхъ къ ней Хановъ, рѣшились возобновить свои права на первенство. Они тѣмъ болѣе надѣялись на успѣхъ, что изъ дома Московскаго остались три юные отрока, внуки Калиты, изъ коихъ самымъ старшимъ былъ девятилѣтній Дмитрій Іоанновичъ. Пользуясь ихъ малолѣтствомъ Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, правнукъ Андрея Ярославича, получилъ въ ордѣ граммату, и объявилъ себя Великимъ Княземъ.

1339.

Геній Калиты спасъ Русь. Мысль объ исключительномъ правѣ его рода на первенство глубоко вкоренилась въ умахъ современниковъ. Митрополитъ и бояре Московскіе, частію для собственныхъ выгодъ, частію по убѣжденію совѣсти, спѣшили воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ, и безъ труда выхлопотавъ въ ордѣ граммату юному Дмитрію Іоанновичу, провозгласили его Великимъ Княземъ. Князь Суздальскій не хотѣлъ уступить; но устрашенный полками Московскими, смирился, призналъ Дмитрія главою Руси и въ послѣдствіи скрѣпилъ дружбу, выдавъ за него дочь свою Евдокію.

1362.

95. Доселѣ многія обстоятельства благопріятствовали Князьямъ Московскимъ: собственныя силы ихъ были слабы; но они находили надежную опору въ покровительствѣ Узбековъ и безопасные отъ запад-

Дмитрій
Донской.
1362-1389

ныхъ сосѣдей, удерживаемыхъ Новгородомъ и Псковомъ, имѣли дѣло только съ недалековидными Князьями, которые въ надеждѣ, что властолюбіе Московское скоро минуетъ, не брали мѣръ рѣшительныхъ. Теперь Москва увеличила свои области, могла выставить многочисленное войско и собственною силою одолѣть каждаго Князя отдѣльно; но вмѣстѣ съ тѣмъ она обнаружила явное стремленіе къ самовластию, открыла глаза соперникамъ, могла опасаться отчаяннаго упорства Князей, должна была выдержать всю тяжесть ударовъ Князей Литовскихъ и обнажить мечъ на самихъ Монголовъ. Настало время окончательно рѣшить трудный вопросъ о правѣ, присвоенномъ Калитой. Дмитрій рѣшилъ его, къ счастью отечества.

Потрясеніе
удѣловъ.

96. По примѣру дѣда и дяди, именуясь Великимъ Княземъ всея Руси, онъ хотѣлъ властвовать надъ Князьями удѣльными, вмѣшивался въ ихъ распри, тѣснилъ непокорныхъ, раздавалъ и отнималъ престолы. Князья Ростовскіе, Нижегородскіе, Стародубскіе, Галицкіе и многіе другіе, или безпрекословно, или по слабому сопротивленію, признавали его своимъ главою. Но Тверь, Рязань и Новгородъ хотѣли быть независимы. Самымъ дѣятельнымъ и упорнымъ соперникомъ былъ Князь Тверской Михаилъ Александровичъ, коего отецъ погибъ въ ордѣ, по навѣтамъ дѣда Дмитріева Іоанна Ка-

литы. Увлекаемый родовой местью и по праву старейшинства считая себя законнымъ государемъ Руси, Михаилъ не хотѣлъ терпѣть въ своей отчинѣ самоуравства Москвы и просилъ помощи у зятя своего Олгерда. Князь Литовскій три раза поднималъ всѣ свои силы и доходилъ до самой Москвы, какъ побѣдитель, ознаменовавъ свои походы жестокимъ опустошеніемъ; но каждый разъ встрѣчалъ мужественный отпоръ и непреклонную волю Дмитрія смирить Князя Тверскаго. Олгердъ прекратилъ вторженія въ Московское государство и оставилъ нуриня на произволъ судьбы. Михаилъ обратился къ Монголамъ, выхлопоталъ у Хана грамоту на Великокняжеское достоинство, подружился съ Новгородомъ, и все напрасно: непреклонный Дмитрій не уступилъ ему престола и заставилъ его смириться. Неудача Михаила, убѣдивъ другихъ Князей въ невозможности одолѣть Государя Московскаго сильною помощію сосѣдей, даже содѣйствіемъ Хана, лишила ихъ всякой надежды возвратить самостоятельность. — Смиривъ Князя Тверскаго, Дмитрій обуздалъ и другаго врага, равно опаснаго, Олега Рязанскаго, который, еще при отцѣ его присвоивъ власть надъ всею Рязанскою областью, объявилъ себя независимымъ отъ Москвы и былъ жестокимъ врагомъ ея. Полки Московскіе овладѣли Рязанью и отдали ее Князю Пронскому; Олегъ выгналъ совѣстника, и притворною дружбою снѣ-

шилъ умиловитивъ Великаго Князя. — Съ Новгородомъ Димитрій управился въ послѣдствіи.

Ворьба съ
ордою.

97. Стѣсня Князей удѣльныхъ, государь Московскій неоднократно раздражалъ Хановъ непослушаніемъ и хотя еще слѣдуя правилу предковъ, старался усыпить ихъ ласками, даже ѣздилъ въ Сарай; но съ одной стороны сама орда вызывала его на брань, съ другой, Русь, оживленная умомъ Калиты, готова была измѣрить свои силы, и Димитрій, достойный представитель народа, одушевленнаго ненавистью къ злодѣямъ, упованіемъ на Бога, рѣшился поднять оружіе на Монголовъ.

Орда Батыева, болѣе вѣка постоянно кочуя на Волгѣ, сохранила прежній образъ жизни полудикой, коей не могла смягчить вѣра магометанская, введенная въ концѣ XIII вѣка; не строила ни селъ, ни городовъ, не любила земледѣлія, и находила легкое средство къ существованію въ дани покоренныхъ народовъ. Время охладило въ ней воинственный жаръ, воспламененный Чингизханомъ; но безотчетная страсть къ разрушенію только уступила мѣсто ненасытному корыстолюбію, которое, измѣнивъ цѣль набѣговъ, не измѣнило ни лютой кровожадности, ни военного искусства, и орда, по прежнему сильная, безусловно покорная своимъ Ханамъ, могла привести въ трепеть великія госу-

дарства. Одолѣть и смирить ее вышнимъ оружіемъ было невозможно: примыкая съ востока къ несмѣтнымъ ордамъ единоплеменниковъ, она всегда имѣла средства найти, въ случаѣ опасности съ запада, надежное убѣжище и оправиться отъ пораженія. Еслибы одинъ Ханъ допустилъ христіанамъ разсѣять свои улусы, другой легко могъ собрать ихъ, пробудить еще неостывшій фанатизмъ разрушенія и снова разгромить Европу. Это была гидра, которая отъ каждаго удара становилась ужаснѣе. Орда могла погибнуть только сама собою; надобно было выждать, когда внутренній раздоръ предасть ее въ жертву безначалія и сокрушить главную пружину ея крѣпости, единодушіе; раздоръ же былъ неминуемъ, не взирая на всѣ мѣры дальновиднаго Чингизхана: орда Сарайская, подобно другимъ ордамъ, возникшимъ изъ его имперіи, уже при первыхъ преемникахъ Батыевыхъ, съ каждою перемѣною Хана, была позорищемъ кровавыхъ сценъ; рѣдкій Ханъ вступалъ на престолъ, не сорвавъ головы съ своихъ совмѣстниковъ. Бердибекъ, внукъ Узбековъ, умертвилъ отца и 12 братьевъ; преемникъ и родственникъ его Кульпа со всѣми сыновьями чрезъ 5 мѣсяцевъ былъ убитъ Наврусомъ, который въ свою очередь зарѣзанъ полководцемъ Хидыремъ; Хидыря умертвилъ сынъ Темирхожа, княжившій только 6 дней; его свергнулъ темникъ Мамай, возмутилъ всю орду и назвавъ Ханомъ Авдула,

1357.

1359.

перешелъ на правый берегъ Волги: въ Сараѣ воцарился Мурутъ, въ землѣ Болгарской явился особенный Ханъ, въ Мордовской тоже. Всѣ они рѣзались другъ съ другомъ и плавали въ крови Монголовъ. Эти неуройства были только предвѣстниками паденія орды, но не сокрушили ея; головы Хановъ падали; она же была крѣпка по прежнему: отдѣлившіеся части ея не могли жить своею жизнью, легко сливались въ одно цѣлое, и сильный Мамай, погубивъ всѣхъ соперниковъ, безъ труда восстановилъ Батыево царство, давъ ему въ Ханы Маманта Саатана, именемъ коего самъ властвовалъ. Орда по прежнему стала неодолима.

1270.

Дмитрій мыслялъ иначе: бывъ еще въ малолѣтствѣ свидѣтелемъ мятежей ордынскихъ, онъ думалъ, что пришло время свергнуть постыдное иго и острить мечъ за свободу: дѣговорныя грамоты съ Князьями удѣльными свидѣтельствуютъ, что мысль избавить отечество одушевляла его съ первыхъ лѣтъ правленія. Съ одной стороны ободряло его мнимое безсиліе орды, терзаемой внутренними раздорами; съ другой же онъ угадывалъ, что при всеобщемъ народномъ озлобленіи на *Татаръ*, достигшемъ высшей степени, Князья удѣльные волею и неволею должны будутъ соединить свои полки съ Московскими. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, что не взирая на войну съ Литвою, не препятство-

валъ народу бить отряды Монголовъ, врывающихся въ юговосточные города во время мятежей ордынскихъ; наконецъ управясь съ Олгердомъ, самъ выступилъ противъ нихъ съ Московскими полками и на берегахъ Вожи (въ Рязанской области) истребилъ нѣсколько тысячъ злодѣевъ, посланныхъ 11 Августа
1378. Мамаемъ для разоренія Московскаго княжества.

Мамай поднялъ всю орду, чтобы смирить Русь, и для лучшаго успѣха заключилъ союзъ съ Ягелломъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, который въ одно время съ нимъ долженъ былъ устремить свои силы на Москву съ запада. Димитрій давно ожидалъ грозы, взялъ свои мѣры и такую умѣлъ внушить къ себѣ довѣренность, что, по первому воззванію его, вся Русь восточная закипѣла бранною тревогою; всѣ Князья, исключая измѣнника Олега Рязанскаго, даже дѣти Олгердовы стали съ своими полками подъ знамена Московскія, и предводимые Димитріемъ, спѣшившимъ предупредить соединеніе Мамаю съ Ягелломъ, бодро пошли на встрѣчу Монголамъ къ берегамъ Дона. За Дономъ, на Куликовомъ полѣ, орошаемомъ рѣчкою Непрядвою (Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда), сразились Русскіе со всѣми силами Мамаю. Оба войска бились съ 8 Сентября
1380. ожесточеніемъ на пространствѣ 10 верстъ. Димитрій былъ впереди своихъ полковъ. Борьба рѣшилась ударомъ засаднаго полка, подъ начальствомъ

опытнаго вождя, боярина Дмитрія Волынскаго и двоюроднаго брата Великаго Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. 200,000 труповъ, если вѣрить преданію, покрыли поле Куликово. Мамай, разбитый на голову, въ бѣгствѣ искалъ спасенія; остатки его войска были разсыяны близъ Мариуполя соперникомъ его Тохтамышемъ; самъ онъ погибъ въ Кафѣ, убитый Генуэзцами. Но время нашей свободы было еще далеко.

Для избавленія Руси отъ неволи, надобно было разорить въ конецъ улусы Сарайскіе, чтобы искоренить гнѣздившуюся тамъ мысль о правѣ Чингизхановыхъ потомковъ на господство въ нашемъ отечествѣ. Дмитрій не рѣшился на столь трудный подвигъ. Русь такъ дорого заплатила за Куликовскую побѣду, что долго не могла собраться съ силами для борьбы отчаянной; Кипчакъ же вскорѣ наполнился несмѣтными толпами Монголовъ, взволнованныхъ въ глубинѣ Азіи новымъ Темучиномъ, Тамерланомъ. Орда Золотая ожила снова. Тохтамышъ, сподвижникъ Тамерлановъ, воцарившись въ Сараѣ, хотѣлъ властвовать и въ Руси; неожиданно ворвался въ ея предѣлы и дошелъ до самой Москвы. Великій Князь удался изъ столицы, чтобы собрать войско, поручивъ Москву Остею, внуку Олгердову. Мужественный Остей отбилъ всѣ приступы Татаръ. Тохтамышъ вступилъ въ мирные перего-

26 Августа
1382.

воры и воспользовавшись оплошностью Москвитянъ, повѣрившихъ клятвѣ Князей Нижегородскихъ, что Татары не сдѣлаютъ имъ зла, нечаянно ворвался въ городъ и все предалъ огню и мечу. Разрушивъ столицу, онъ грозилъ опустошить всю землю Русскую, если Димитрій не смирится. Оставленный Князьями, не имѣя средствъ продолжать борьбу съ Монголами, онъ согласился платить дань. Побѣда Куликовская не принесла тѣхъ плодовъ, коихъ ожидали современники: они искали свободы и по прежнему остались въ неволѣ. Тѣмъ не менѣе она имѣла благотворное вліяніе на будущую судьбу Руси: слава, озарившая Димитрія, разувѣрила Русскихъ въ суевѣрномъ мнѣніи о непобѣдимости Монголовъ, пробудила живѣйшее желаніе свободы и, что всего важнѣе, возвысила въ понятіяхъ современниковъ поколѣніе Калиты на чреду царскую. Народъ не могъ забыть Донскаго побойща, и съ мыслию о побѣдѣ сливалась мысль о Москвѣ: въ ней одной свѣтился отрадный лучъ свободы.

98. Оставшись данникомъ орды, Димитрій не терялъ надежды на свободу отечества, съ твердымъ упованіемъ передавалъ ее преемникамъ, и тѣмъ ревностнѣе заботился о довершеніи мысли своего дѣда сосредоточить раздробленную Русь въ одно государство Московское. Никто изъ Князей удѣльныхъ не смѣлъ съ нимъ спорить: побѣда Кули-

Ускрѣпеніе
Новгорода.

ковская поставила его выше всѣхъ; одни только Новгородцы искали независимости, не хотѣли относиться въ дѣлахъ церковныхъ къ митрополиту, грабили Московскіе города и самовольно отдавали свои волости Князькамъ Литовскимъ въ управленіе. Димитрій видѣлъ всю опасность отъ тѣсной связи ихъ съ Литвою и спѣшилъ разорвать ее: грознымъ ополченіемъ 26 областей осадивъ Новгородъ, объявилъ его признать себя верховнымъ Государемъ, внести въ казну Великокняжескую значительную пеню, и платить ежегодно такъ называемый *черный боръ* или поголовную подать съ низшихъ классовъ.

1386.

Престо-
наследіе.

99. Усмиреніемъ Князей удѣльныхъ, обузданіемъ своеволія Новгородцевъ, отпоромъ Литвѣ, блестящею побѣдою надъ Монголами, Димитрій достигъ той цѣли, къ коей стремился Калита, безспорнаго первенства Князя Московскаго среди потомковъ Ярослава. Но этого было мало: удѣлы древніе исчезали; новые готовы были возникнуть въ самомъ родѣ Калиты; могла повториться прежняя исторія дѣтей Ярослава, Мономаха, Всеволода. До селѣ одно случайное малолѣдство Московскаго дома спасало его отъ раздоровъ. Димитрій оставлялъ по себѣ пять сыновей и одного двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича Храбраго, героя Куликовской битвы; по древнему обыкновенію, Владиміръ, какъ старшій въ родѣ Калиты, имѣлъ неоспоримое

право на власть Великокняжескую; дѣти же Дмитрія должны были получить въ наследственную отчину особенные удѣлы. Наступалъ рѣшительный переломъ, долженствовавшій погубить или спасти отечество: при переходѣ власти Великокняжеской изъ одной линіи въ другую, Князя неминуемо равнялись и мысль о царственности одной фамиліи исчезала. Московской державѣ грозило то же раздробленіе, съ тѣми же гибельными послѣдствіями, которыя испытала Русь по смерти Александра Невского. Дмитрій спасъ ее, утвердивъ Великокняжескій престолъ исключительно *въ своемъ* родѣ, съ согласія Владиміра, который договорною грамотою отказался отъ первенства и призналъ племянника, Василя Дмитріевича старшимъ или Великимъ Княземъ. Дмитрій не могъ окончательно уничтожить удѣльнаго права, освященнаго вѣками, назначивъ отчины младшимъ сыновьямъ своимъ и брату, не могъ установить и наследства престола въ прямой низходящей линіи, объявивъ преемникомъ Василю не внука, а одного изъ сыновей своихъ; но главный шагъ былъ сдѣланъ: право старѣйшинства, еще неискорененное, однакожь весьма ослабленное, при новыхъ помятыхъ о державной власти, должно было неминуемо уступить мѣсто праву первородства ¹.

1389.

1. Дмитрій назначилъ: 1) Василю, кромя Великаго Княжества, въ особый удѣлъ Коломну; 2) Юрію Галичъ, Звенигородъ, Рузу; 3) Андрею Можайскъ, Верейю, Калугу, Бѣлозерскъ; 4) Петру Дмитровъ; 5)

Довершивъ великую мысль Каиты, возвысивъ свой домъ выше всѣхъ домовъ удѣльныхъ, на чреду царскую, главою Руси восточной, Дмитрій оставилъ своимъ преемникамъ довершить то, что самъ онъ началъ: сосредоточить Русскія силы въ одну державу Московскую, спасти ее отъ Литвы, вырвать изъ рукъ Монголовъ и утвердить новое, право престолонаслѣдія, которое одно могло подать удѣльную систему. Два поколѣнія созрѣвала мысль Каиты; еще болѣе требовалось времени, ума, благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобы исполнить планы Донскаго. Хотя они были неминуемымъ слѣдствіемъ того, что уже совершилось, и развивались такъ сказать сами собою, вопреки всѣмъ препятствіямъ; тѣмъ не менѣе они могли исчезнуть, такъ точно, какъ исчезла система Мономахова, если бы благоразумный преемникъ Дмитрія продолжительнымъ 36 лѣтнимъ правленіемъ не далъ времени окрѣпнуть дѣлу отцовскому.

Василій I.
1380-1425.

100. Василій Дмитріевичъ не имѣлъ блестящихъ свойствъ отца, ни его доблести воинской, ни его истинно царскаго великодушія, ни его благородной смѣлости; но былъ очень уменъ, остороженъ, и дѣйствовалъ такъ хитро, дальновидно, что Москва,

Лешему нѣсколько сель. В. Книгина Ефенія получила равныя нѣмѣстья. Владиміръ Андреевичъ имѣлъ свой удѣлъ, состоявшій изъ городовъ Серпухова, Боровска, Волока, Ржева и др.

по смерти его стояла уже на развалинах удѣльной системы, готовая вступить въ рѣшительную борьбу съ Литвою и съ ордою. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ слѣдовалъ болѣе осторожной системѣ Иоанна Калиты и Симеона Гордаго, чѣмъ рѣшительной политикѣ своего отца: подобно Димитрію, стараясь увеличить Московскую державу присоединеніемъ тѣхъ областей, въ которыхъ преемники Калиты господствовали какъ Великіе Князья, не имѣя права передавать ихъ своему дому въ смыслѣ отчины; столь же неутомимо тѣснилъ Новгородъ и Князей удѣльныхъ, вмѣшиваясь въ ихъ распри, требуя ихъ къ себѣ на судъ; но всѣ свои дѣйствія, по примѣру Калиты, подкрѣплялъ волею Хана Сарайскаго; для чего, въ началѣ правленія, неоднократно ѣздилъ въ орду, искалъ благосклонности Царя и тѣмъ болѣе успѣвалъ, что Монголы, зная его силу, дорожили его покорностью. При такихъ мѣрахъ, Князья удѣльные спасали тѣнь самостоятельности смиренными договорами и постоянною дружбою съ Москвою; ни Тверь, ни Рязань не рѣшались вступить съ нею въ борьбу; а Ростовъ, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ одинъ за другимъ вошли въ составъ государства Московскаго.

1292.

Усиливая свое княжество внутри, Василій съ искусствомъ спасалъ его извнѣ отъ властолюбія Литвы и хищности Монголовъ. Въ Литовскомъ кня-

жествѣ, во все время его правленія, господствовали могущественный Витолдъ, желавшій освободить Русь западную отъ вліянія Польши, Русь восточную отъ власти Монголовъ, составить изъ обѣихъ частей одно самостоятельное подвластное ему государство и быть грозою сосѣдей. Онъ обладалъ большею частью древней Руси, всѣми княжествами Заднѣпровскими, кромѣ Галицкаго, и хотѣлъ присвоить области, подвластныя Московскому Государю, не взирая на то, что Василій женатъ былъ на дочери его Софїи. Для вѣрнѣйшаго успѣха, Витолдъ рѣшился прежде всего сокрушить Золотую орду и предложилъ Василю напасть на нее общими силами. Великій Князь подстрекалъ славлюбиваго тестя къ войнѣ съ Монголами, въ надеждѣ ослабить враговъ врагами, но уклонялся отъ участія въ борьбѣ ихъ, зная, что Витолдъ, сокрушивъ орду, не пощадитъ и Москвы. Литовскій Князь выступилъ противъ орды съ одними своими полками и на берегахъ Ворсклы былъ разбитъ на голову — Монгольскимъ полководцемъ Эдигеемъ. Здѣсь пали лучшіе витязи его и сокрушились его грозныя силы. Великій Князь доселѣ избѣгалъ ссоры съ могущественнымъ тестемъ, дозволивъ ему овладѣть Смоленскомъ, многими городами Рязанскими, тѣснить Новгородъ. Послѣ пораженія Витолда при Ворсклѣ, онъ началъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, принявъ за правило не уступать Литвѣ ничего, что не было ею

присвоено прежде, и какъ скоро Литовскій Князь обнаружилъ властолюбивые замыслы на Псковъ, Василій собралъ свои полки, выступилъ въ поле, остановилъ тестя и всегдашнею готовностью къ отпору удерживалъ стремленіе его на Русь восточную.

Съ тою же осторожностію, съ тѣмъ же благо-разуміемъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Монголамъ: главною цѣлью его было ослабить узы рабства и мало по малу уничтожить въ Ордѣ мысль о правѣ ея господствовать въ Руси. Къ этой цѣли онъ стремился неутомимо съ тѣхъ поръ, когда грозный завоеватель востока Тамерланъ потрясъ Батыево царство. Сынъ одного изъ мелкихъ Князьковъ имперіи Чагатайской, изнуренной слабостію Хановъ, властолюбіемъ и раздорами эмировъ, предавшихъ ее въ жертву Гетамъ или Кадмыкамъ, Тамерланъ рѣшился освободить свое отечество отъ власти иноземной и возстановить его прежнее могущество. Начавъ свое поприще съ самыми ничтожными средствами, подобно Темучину, онъ успѣлъ одолѣть всѣ препятствія умомъ, храбростію, искусствомъ, обуздавъ эмировъ, покорилъ Гетовъ, и упоенный своими успѣхами, вздумалъ, по примѣру Чингизхана, быть владыкою вселенной. Его оружіе вскорѣ привело въ трепетъ всю Азію: Персія, Сирія, Турція, Индія, Китай, опустощенные свирѣлымъ

завоевателемъ, признали власть его надъ собою. Сподвижникъ его Тохтамышъ, воцарившись въ Сарай послѣ Мамаева пораженія на Куликовомъ полѣ, при Василии Дмитріевичѣ, хотѣлъ быть независимъ отъ своего могущественнаго покровителя и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Разбитый на голову въ степяхъ Астраханскихъ, онъ не смирился, собралъ всѣ свои силы и напалъ на Тамерлана близъ нынѣшняго Екатеринограда. Битва была самая упорная и кровопролитная. Монголы рѣзались съ остервененіемъ и гибли тмами. Сотни тысячъ труповъ покрыли пространство между Терекомъ и Кумою. Счастливый Тамерланъ взялъ верхъ и разсѣялъ полки Тохтамыша. Великій Князь Московскій съ радостию услышалъ о бѣдствіяхъ Хана Золотой орды; но эта радость скорѣе обратилась въ неописанный ужасъ: Тамерланъ, преслѣдуя бѣгущаго

1395. Тохтамыша, перешелъ Волгу, двинулъ всѣ свои силы прямо на сѣверъ къ предѣламъ Руси и овладѣлъ Ельдомъ. Народъ съ трепетомъ услышалъ о нашествіи несмѣтныхъ враговъ и ждалъ возобновленія временъ Батыевыхъ. Василий не потерялъ бодрости, собралъ всѣ свои силы и расположился близъ Коломны, для отпора Тамерлану; между тѣмъ зная, что только заступленіе небесъ могло спасти и Москву и Русь, онъ велѣлъ перенести чудотворную икону св. Богородицы изъ Владиміра въ столицу. Въ тотъ самый день, когда всѣ жители Мо-

сквы встрѣтили ее съ теплою мольбою о спасеніи, Тамерланъ, уже дошедшій до верховьевъ Дона, вдругъ обратился назадъ, вступилъ въ Золотую орду, разрушилъ Сарай, опустошилъ весь Кипчакъ и скрылся за Ураломъ. По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ хотѣлъ возстановить разоренную орду; но встрѣтилъ опаснаго совмѣстника въ одномъ изъ Батыевыхъ потомковъ, въ Тимуръ-Кутлукъ, который объявилъ себя Ханомъ ордынскимъ, воцарился въ Сарай и изгналъ своего соперника; въ свою очередь Тимуръ былъ изгнанъ другими властолюбцами, снова потрясшими орду кровавымъ междоусобиемъ.

Нашествіе Тамерлана и внутренніе раздоры до того ослабили орду, что Василій нѣсколько лѣтъ не платилъ ей дани, не ѣздилъ въ Сарай, смиренно бить челомъ, не посылалъ туда и бояръ, какъ бывало прежде; впрочемъ не рѣшался озлоблять Монголовъ явнымъ отказомъ въ покорности, изъ опасенія образумить злодѣевъ и въ надеждѣ, что орда падеть сама собою отъ собственныхъ неурядицъ. Опасенія и надежды его были не безъ основанія: побѣдитель Витолда, Эдигей, проникнувъ намѣреніе Василія, безъ явной борьбы, однимъ прекращеніемъ связей съ ордою подъ благовидными предлогами, заставилъ Хановъ, такъ сказать, забыть Русь, рѣшился напомнить ему прежнюю покорность Кня-

1408.

зей Московскихъ: нечаянно вторгся въ Русскіе предѣлы, осадилъ Москву, которою не могъ впрочемъ овладѣть отъ мужественной обороны Владиміромъ Храбрымъ, и съ богатымъ окупомъ возвратившись въ орду, грозилъ Великому Князю новымъ вторженіемъ, если онъ не смирится. Василій покорился необходимости и даже счелъ нужнымъ отправиться въ Сарай. Но въ слѣдъ за тѣмъ въ ордѣ возобновились жестокія междоусобія; явились многіе искатели Ханскаго престола; соперники рѣзались, истребляли другъ друга, какъ было по смерти Узбека. Василій возобновилъ прежнюю политику, ласкалъ Хановъ безъ униженія, изрѣдко посылалъ имъ дары, но не ѣздилъ болѣе въ орду и всегда готовъ былъ къ отпору.

Къ концу жизни его восточная Русь сосредоточилась въ одно цѣлое подъ знамена Москвы; удѣльные Князья такъ ослабѣли, что не смѣли думать о равенствѣ или соперничествѣ съ Княземъ Московскимъ. Оставалось предупредить междоусобія въ самомъ семействѣ Калиты. Дмитрій Донской успѣлъ устранить ихъ на цѣлое поколѣніе, благодаря великодушію Владиміра Храбраго; но въ то же время глубоко посѣялъ сѣмя раздоровъ, назначивъ Великимъ Княземъ, по смерти старшаго сына, одного изъ прочихъ. Василій Дмитріевичъ хотѣлъ исправить ошибку отца, или лучше сказать, довершить

его дѣло, и наименовалъ себя преемникомъ не брата, Юрія Дмитріевича, коему престолъ принадлежалъ по завѣщанію Донскаго, а собственнаго сына Василя.

101. Василій Васильевичъ, по распоряженію отца, Василій II.
1425 - 1462. принявъ титулъ Великаго Князя, встрѣтилъ опаснаго соперника въ родномъ дядѣ Юріи Дмитріевичѣ, Князѣ Галицкомъ, имѣвшемъ право на престолъ по завѣщанію Дмитрія Донскаго. Первымъ слѣдствіемъ ихъ спора былъ судъ въ ордѣ, напомнившій злочастныя распри дѣтей Александра Невскаго. Хотя искусство и дары бояръ Московскихъ склонили Хана Улу-Махмета признать Василя главою Руси; но Юрій не хотѣлъ уступить, и кровавое междоусобіе, доселѣ шадившее Москву, было другимъ слѣдствіемъ соперничества Князей. 1425. Василій имѣлъ на своей сторонѣ народъ, который, постигая всю выгоду новаго порядка престолонаслѣдія, стоялъ за него усердно, какъ за Государя истиннаго, законнаго. Юрій взялъ верхъ личнымъ мужествомъ и искусствомъ; выгналъ племянника изъ Москвы, овладѣлъ ею и объявилъ себя Великимъ Княземъ. Впрочемъ торжествовалъ недолго: смерть скоро пресѣкла его честолюбивые замыслы. 1434. Василій возвратился въ Москву; народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ; но междоусобіе возобновилось на цѣлые 20 лѣтъ.

Юрій оставилъ по себѣ трехъ сыновей, безпокойныхъ и жестокосердыхъ, Василя Косого, Дмитрія Шемяку и Дмитрія Краснаго. Старшій изъ нихъ Василій Косой не былъ доволенъ своимъ удѣломъ Звенигородскимъ, питалъ сверхъ того личную ненависть къ Василю, бывъ оскорбленъ матерью его Софією, объявилъ себя Великимъ Княземъ, собралъ войско и началъ опустошать государство Московское. Василій Васильевичъ успѣлъ разбить его, взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ.

Дмитрій Шемяка, Князь Галицкій, рѣшился отмстить за брата, и ждалъ благоприятнаго случая. Этотъ случай скоро представился. Ханъ Золотой орды Улу-Махметъ, изгнанный изъ Сарая, занялъ Бѣлевъ; но вытѣсненный отсюда по приказанію Государя Московскаго, удамлся въ Болгарію, возобновилъ разрушенную Казань, основалъ могущественное царство и объявилъ Василю войну за безчестное удаленіе изъ Бѣлева. Великій Князь вышелъ противъ него съ войскомъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Пользуясь его несчастіемъ, Шемяка объявилъ себя Великимъ Княземъ и вступилъ въ переговоры съ Улу-Махметомъ о вѣчномъ заточеніи Василя въ Казани. Когда же Ханъ счелъ за лучшее освободить своего плѣнника за богатый выкупъ, Шемяка увѣрилъ удѣльныхъ Князей Тверскаго и Можайскаго, что это освобожденіе было

слѣдствіемъ обязательства Василія предать Русь Царю Казанскому и условился съ ними лишить его престола. Великій Князь былъ схваченъ во время путешествія въ Троицкій монастырь, ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ. Шемяка занялъ Москву. Но жестокимъ поступкомъ своимъ, онъ вооружилъ противъ себя и народъ и Князей удѣльныхъ; неправосудіе его довершило общее негодованіе. Многочисленные доброжелатели Василія, главою коихъ были Князя Ряполовскіе, рѣшились освободить несчастнаго слѣпца. Шемяка, съ своей стороны видя всеобщее озлобленіе народа, долженъ былъ уступить ему столицу, призналъ его Великимъ Княземъ, 1447. обязался клятвою возвратить похищенную казну, жить въ мирѣ, не ссылаться съ непріятелями Москвы и не тревожить ея владѣній. Василій примирился съ нимъ. Но Шемяка не исполнилъ ни одного условія, не взирая на краснорѣчивыя увѣщанія Московскихъ святителей. Слѣдствіемъ была новая война. Соперники собрали всѣ свои силы и сразились подъ стѣнами Галича. Здѣсь была послѣдняя 1450. битва междоусобная, знаменитая кровопролитіемъ. Шемяка, разбитый на голову, потерялъ все свое войско, и едва спасся бѣгствомъ въ Новгородъ, гдѣ 1453. вскорѣ умеръ отъ яда.

По смерти Шемяки, Василій присоединилъ удѣлъ его, княжество Галицкое съ Устюгомъ и Костромою,

къ своему государству; въ слѣдъ за тѣмъ, изгнавъ единомышленника его Іоанна Андреевича въ Литву, овладѣлъ Можайскомъ; вскорѣ присвоилъ удѣлъ ревностнаго сподвижника своего Князя Боровскаго, который также долженъ былъ удалиться со всѣмъ семействомъ своимъ въ Литовское княжество; наконецъ пользуясь смертью Рязанскаго Князя, взявъ малолѣтняго сына его въ Москву для воспитанія и послалъ своихъ намѣстниковъ управлять Рязанью. Кромѣ того, смирилъ Новгородъ и съ успѣхомъ отражалъ набѣги Татаръ Сарайскихъ; съ меньшимъ успѣхомъ удерживалъ напоръ Литовцевъ, пользуясь съ одной стороны междуусобіями Золотой орды, съ другой неустройствами Литовскаго княжества, бывшаго по смерти Витолда, жертвою кровавой распри Свидригайла съ Сигизмундомъ. Вообще къ концу княженія, наученный бѣдственнымъ опытомъ, еще болѣе руководимый совѣтами сына своего Іоанна, юнаго лѣтами, но зрѣлаго умомъ, Василій правилъ твердо, благоразумно, и явно стремился къ той цѣли, которую указалъ великій дѣдъ его, Димитрій Донской, къ соединенію восточныхъ Русскихъ княжествъ въ одно государство, подвластное одному семейству; но не искоренялъ удѣльной системы и отнимая княжества у другихъ поколѣній, чтобы присвоить ихъ своему дому, снова дробилъ Московское государство между собственными дѣтьми. Новыя кровавыя распри были неиз-

бѣжны; къ счастію Руси, преемникомъ Василю Темному былъ Іоаннъ III.

II. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

1320 — 1569.

102. Въ то время, когда восточная Русь, оду- Обозрѣніе.
шевляемая св. вѣрою, руководимая мудрою полити-
кою Князей Московскихъ, обнаруживала явное
стремленіе къ государственной независимости, когда
все предвѣщало ей лучшую долю, западная Русь
успѣла уже разрушить оковы Монгольскаго влады-
чества и образовать могущественное, самостоятель-
ное государство, подъ именемъ *Литовскаго княже-*
ства, грозное для всѣхъ сосѣдей воинственнымъ
духомъ своихъ властителей. Но самостоятельность
его продолжалась недолго: чрезъ полвѣка блестя-
щей жизни, оно соединило судьбу свою съ судьбою
Польскаго королевства, не могло однакожь съ нимъ
слиться, не могло и отдѣлиться, должно было тер-
пѣть жестокія потрясенія внутреннія и неоднократно
обнажать мечъ на единовѣрную, единокровную Русь
восточную.

Образованіе Литовско-Русскаго княжества мно-
гимъ историкамъ кажется непонятною загадкою:

обыкновенно спрашиваютъ, какимъ образомъ народъ слабый, малочисленный, упорный въ идолопоклонствѣ, платившій нѣкогда Русскимъ Князьямъ дань скудную, лыками, вѣниками, тѣснымъ со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями, орденомъ Тевтонскимъ, рыцарями Ливонскими, Русскими Князьями, Польскими Королями, однимъ словомъ народъ Литовскій могъ въ короткое время, безъ явныхъ побудительныхъ причинъ, присвоить грозную силу, завоевать все пространство отъ западной Двины до Дуная, отъ Угры до Сана, соединить покоренные народы въ государство благоустроенное и своимъ оружіемъ привести въ трепеть самихъ Монголовъ! Предложивъ такой вопросъ, бытописатели оставляютъ его безъ отвѣта. Но стоитъ только вникнуть въ отношенія Литвы къ Руси, чтобы понять, что такое было княжество Литовское и какъ оно достигло въ XIV. вѣкѣ до степени первенствующаго государства въ восточной Европѣ.

Отношенія
Литвы къ
Руси.

103. Литва, въ собственномъ смыслѣ (особенное племя, живущее въ Виленской губерніи и доселѣ сохранившее свой языкъ) и прежде и послѣ Гедимина, истиннаго основателя Литовскаго княжества, всегда была народомъ малочисленнымъ, подвластнымъ чуждому вліянію во всѣхъ условіяхъ жизни общественной; она могла грабить сосѣдственныя княжества Русскія и Польскія, только отъ раздо-

ровъ и слабости ихъ владѣтелей, такъ точно, какъ грабили насъ Печенѣги, Половцы, Болгары; первый храбрый Князь безъ труда ее обуздывалъ: вспомнимъ побѣды Романа Волинскаго, Данила Галицкаго, Александра Невскаго. Никогда не имѣла она и гражданственности самобытной, заимствовавъ внутреннее устройство или отъ Русскихъ, или отъ Поляковъ, удержавъ одинъ языкъ, и то въ низшихъ сословіяхъ. Князья Литовскіе успѣли утвердить свою власть въ западной Руси не побѣдами своего народа, а иными средствами.

Съ давняго времени они были въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ потомками Владиміра св. Сынѡвья ихъ обыкновенно женились на Русскихъ Княжнахъ, дочери выходили за Русскихъ Князей. Это родство такъ было постоянно, такъ часто возобновлялось, что со времени Миндовга, въ особенности послѣ Гедимина, рѣдкій изъ Литовскихъ Князей не принадлежалъ по женскому колѣну къ роду Владиміра св. Такъ племянница Миндовга была за Даниломъ Романовичемъ Галицкимъ, дочь его за Шварномъ Даниловичемъ, Олгердъ сынъ Гедиминовъ женатъ былъ на Княжнѣ Тверской, другой сынъ Любартъ на Княжнѣ Волинской, сынъ Олгердовъ Корибутъ на Княжнѣ Рязанской, другой сынъ Свитригайло на Княжнѣ Тверской; одна дочь его была за Борисомъ Коцстантиновичемъ Суздальскимъ,

другая за Княземъ Черниговскимъ; дочь Кейстута за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ; дочь Витолда Софія за Василиемъ Димитріевичемъ сыномъ Донскаго. Не упоминаемъ другихъ родственныхъ связей, не столь замѣчательныхъ.

Неминуемымъ слѣдствіемъ родства Князей Литовскихъ съ Русскими было другое важное обстоятельство, тѣсно соединявшее одно поколѣніе съ другимъ: крещеніе большей части Литовскихъ владѣтелей по Греческому закону. Не только Воишегъ и Довмонтъ (причисленный Грекороссійскою церковью къ лику Святыхъ), всѣ дѣти Олгерда исповѣдывали Русскую вѣру, даже самъ Ягелло, крещенный папою какъ язычникъ; есть поводъ думать, что и Олгердъ умеръ схимникомъ⁴. Народъ Литовскій большою частію оставался въ язычествѣ: ибо Русское духовенство никогда не употребляло насилія къ обращенію идолопоклонниковъ; самая Перія озиралась св. ученіемъ не прежде Димитрія Донскаго. Но Князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ Князей, женатые на Русскихъ Княжнахъ, крещенные въ Русскую вѣру, видѣли въ потомкахъ Владиміра св. своихъ единоплеменниковъ. Русскіе Князья смотрѣли съ своей сто-

⁴ По свидѣтельству Литовскаго историка Колловича, Олгердъ былъ убѣжденъ къ принятію христіанской вѣры Греческаго закона первымъ супругомъ своимъ Уламаномъ, Княземъ Витебскою.

роны также точно и на Литовскихъ Князей: вели съ ними споры и войны въ томъ же смыслѣ, какъ воевали другъ съ другомъ, уступали удѣлы, мѣнялись ими, отнимали ихъ, ссорились, мирились, рождались. Такъ Воишелгъ уступилъ все свое государство сыну Данилову Шварну; такъ внукъ Даниловъ отдалъ дѣтямъ Гедиминовымъ Владиміръ Волинскій; одинъ сынъ Олгердовъ помогалъ Мамаю противъ Дмитрія Донскаго; другіе дѣти его поддерживали Дмитрія, много содѣйствовали къ побѣдѣ Куликовской и получили отъ сына Донскаго удѣлы даже въ княжествѣ Московскомъ; однимъ словомъ уже со временъ Миндовга, а можетъ быть и ранѣе, Литовскіе Князья такъ тѣсно были соединены съ Русскими, что можно было бы согласиться съ современными сказаніями о происхожденіи ихъ отъ Князей Полоцкихъ, изъ рода старшаго сына Владиміра св., если бы наши лѣтописи не удостовѣряли, что не всѣ они были христіане и что нѣкоторые изъ нихъ оставались въ язычествѣ, чего не могло случиться съ потомками Владиміра св. Теперь стоитъ только бросить взглядъ на состояніе западной Руси, около того времени, когда возникло Литовское княжество, чтобы понять истинныя причины его величія.

104. Западная Русь въ началѣ XIV вѣка раздѣлена была между двумя главными поколѣніями:

Гедиминъ.
1320-1345.

къ сѣверу отъ верховьевъ Нѣмана, въ древнихъ Кривскихъ княжествахъ, господствовалъ Литовскій Князь Гедиминъ, овладѣвшій престоломъ по смерти Витена, коего онъ умертвилъ; къ югу, въ обширномъ королевствѣ Галицкомъ, царствовали правнуки Данила Романовича, Андрей и Левъ, сыновья Юрія Львовича. Гедиминъ былъ Государь выше своего вѣка и народа: язычникъ отъ колыбели, онъ оказывалъ почтеніе Богу христіанскому, строилъ церкви въ Новогродкѣ и въ етолицѣ своей Вильнѣ, даже позволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры съ Ганзейскимъ союзомъ, призывалъ купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ; сверхъ того былъ хитрый и дальновидный политикъ. Онъ смотрѣлъ на югозападную Русь, какъ на легкую добычу, и хотя сынъ его Любартъ, женатый на дочери одного изъ потомковъ Даниловыхъ, уже господствовалъ, съ согласія Андрея и Льва, въ Владимірѣ Волынскомъ; но родство съ Королями Галицкими было только поводомъ къ новымъ приобрѣтеніямъ. Онъ велъ съ ними войну, такъ точно, какъ и прежде и послѣ воевали на Руси Князья, братья съ братьями, дяди съ племянниками. Короли Галицкіе не въ силахъ были одолѣть его; одинъ изъ нихъ погибъ въ сраженіи подъ стѣнами Владиміра Волынскаго, другой соединился съ Князьями Сѣверскими, съ Монголами,

и въ свою очередь былъ пораженъ на берегахъ Ирпени. Эта побѣда доставила Гедимину весь правый берегъ Днѣпра съ Черниговомъ, Киевомъ и Волиныю: онъ принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго и Русскаго.

Приготовивъ господство въ большей части юго-западной Руси свойствомъ съ потомками Данила Романовича, довершивъ приобрѣтеніе оной силою оружія, Гедиминъ утвердилъ свою власть благоразумнымъ правленіемъ: не тѣснилъ вѣроисповѣданія, не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, оставилъ потомковъ Владиміра св. намѣстниками въ покоренныхъ городахъ, не отнявъ у нихъ и Княжескаго титула; сверхъ-того признавалъ верховный судъ Московскаго митрополита въ дѣлахъ церковныхъ. Русскіе безъ прекословія повиновались ему, уже привыкнувъ къ частымъ переходамъ удѣловъ изъ однихъ поколѣній въ другія, если только они были отраслями господствующаго племени; Литовскіе же Князья, по темному преданію, коему впрочемъ вѣрили современники, еще болѣе по родству ихъ съ Русскими Князьями, считались потомками Владиміра св. и уже давно принадлежали къ владѣтельному дому. Гедимина тѣмъ охотнѣе признавали Государемъ въ Черниговѣ, Киевѣ, Волини, что здѣсь видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства: въ самомъ дѣлѣ, не всту-

ная въ явную ссору съ Узбекомъ; даже дозволяя приходить его баскакамъ за дарами, Литовскій Князь не думалъ ѣхать въ орду съ поклономъ, и смѣло ополчался на злодѣевъ, державшихъ сторону потомковъ Даниловыхъ. Преемники же его отказались отъ всякихъ дружелюбныхъ связей съ ордою, и тѣмъ заслуживъ признательность своихъ новыхъ подданныхъ, еще болѣе утвердили свою власть любовію народною.

Сообразивъ все вышесказанное, очевидно, что основанная Гедиминомъ держава, подъ именемъ великаго княжества Литовскаго, была чисто Русская, что не только религія, языкъ, гражданскіе уставы выражали Русскій отпечатокъ, но и сами Князья, въ глазахъ современниковъ, принадлежали къ владѣтельному дому Владиміра св.

Судьба
Галиціи.

105. Княжество Галицкое, въ собственномъ смыслѣ, не вошло въ составъ Гедиминовой державы: оно признало надъ собою власть Короля Польскаго. По смерти послѣдняго потомка Данила Романовича, Георгія, коимъ пресѣкъ знаменитый домъ Романа Вольнскаго, Галичане призвали на Галицкій престолъ единовѣрнаго Князя Болеслава Мазовскаго, обязавъ его клятвою не отмѣнять древнихъ уставовъ, не касаться сокровищъ ни государственныхъ, ни церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ тре

боятъ. согласіа боярскаго. Болеславъ нарушилъ клятву, измѣнилъ православію, хотѣлъ обратить подданныхъ въ Латинскую вѣру, угнеталъ ихъ налогами, и заслужилъ всеобщую ненависть. Онъ былъ отравленъ. Казимиръ Великій, Король Польскій, спѣшилъ воспользоваться неустройствами Галиціи, и въ 1340 году овладѣлъ ею, давъ обѣщаніе не тѣснить Греческой вѣры. Но гоненія вскорѣ возобновились, и Галиція испытала многія бѣдствія, увеличенныя Венгерскими Королѣми, искавшими ея престола. Съ тѣхъ поръ, Львовъ, Перемышль, Любачевъ, Санокъ, Тереховъ, Кременецъ, переходили изъ рукъ въ руки отъ одного иноплеменика къ другому.

1340.

106. Гедиминъ, слѣдуя обыкновенію Русскихъ Князей, еще при жизни раздѣлилъ свое государство между семью сыновьями: младшему Явнугу отдалъ Вильну съ титуломъ Великаго Князя; Монтвиду Керновъ и Слонимъ; Наримунду Пияскъ, Мозырь и половину Волини; Любарту другую половину Волини съ городомъ Владиміромъ; Олгерду Кривъ и Витебскъ; Кейстуту Самогицію, Троки и Помѣсье; Коріату Новоградекъ и Волковискъ. Раздробленіе западной Руси было не продолжительно: Олгердъ, превосходя всѣхъ братьевъ умомъ, мужествомъ, властолюбіемъ, при содѣйствіи Кейстута, овладѣлъ Вильною и пріеволаъ верховную власть

Олгердъ.
1345-1377.

надъ Литовскимъ княжествомъ. Явнута нашель убѣжище въ Москвѣ и тамъ крестился; Наримунда въ Новгородѣ, гдѣ также принялъ христіанскую вѣру; братья ихъ, равнымъ образомъ христіане, оставшіеся въ западной Руси, долго не соглашались признать Олгерда Государемъ; наконецъ, при посредничествѣ Московскаго митрополита, примирились съ нимъ и остались въ своихъ удѣлахъ, но въ зависимости отъ Великаго Князя Литовскаго.

Олгердъ, во все продолженіе долговременнаго царствованія, былъ грозою сосѣдей; подстрекаемый властолюбіемъ, онъ велъ непрерывныя войны, чтобы расширить, по примѣру отца, предѣлы своего государства. Самою упорною и продолжительною была борьба съ орденомъ Меченосцевъ: нѣсколько разъ онъ предпринималъ походы на Ливонію, проникъ до самаго Юрьева, разрушилъ Королевецъ (Кенигсбергъ); но въ свою очередь долженъ былъ поднять всѣ силы западной Руси, чтобы спасти сѣверныя владѣнія отъ ордена, подкрѣпленнаго новыми крестоносцами, пришедшими въ великомъ числѣ изъ западной Европы, по заключеніи мира Короля Французскаго Филиппа съ Эдуардомъ Англійскимъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Олгерда, Казимиръ Великій, Король Польскій занялъ Брестъ, Бельзъ и значительную часть Волини. Это вовлекло западную Русь въ продол-

жительную войну съ Польшею. Олгердь восторжествовалъ и выгнать Поляковъ изъ Волыни. Еще счастливѣе воевалъ съ Монголами, разбилъ три орды, кочевавшія въ Подоліи, загналъ ихъ за Дунай, проникъ въ самую Тавриду и разрушилъ Херсонъ.

Дѣйствуя, какъ явный врагъ Монголовъ, Олгердь не могъ быть другомъ Князей Московскихъ, подвластныхъ Ханамъ орды Кипчакской. Симеонъ Гордый, именуясь Великимъ Княземъ всея Руси, покровительствуя гонимыхъ имъ братьевъ, самъ вызывалъ его нѣкоторымъ образомъ на брань. Война съ Меченосцами не позволяла Литовскому Князю обратить всѣхъ силъ на восточную Русь. Озабоченный этою войною, онъ старался исподволь проложить путь къ престоломъ восточныхъ княжествъ, тѣми же средствами, коими дѣйствовалъ отецъ его въ югозападной Руси: вмѣшивался въ дѣла Новгородскія, далъ Пскову въ намѣстники сына своего Андрея, хотѣлъ быть миротворцемъ Симеона съ Княземъ Смоленскимъ, женился на Княжнѣ Тверской Маріи Александровнѣ и выдалъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго. Политика его обнаружилась при слабомъ преемникѣ Симеоновомъ Іоаннѣ II и въ малолѣтство Дмитрія Донскаго: безъ явной войны, онъ занялъ Брянскъ, Бѣлый, Мстиславъ и Ржевъ, раз-

1346.

1356.

двинувъ предѣлы своего княжества до береговъ Угры. Новгородъ, Тверь и Смоленскъ считали его своимъ покровителемъ. Однимъ словомъ, Олгердъ былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ восточной Руси, или къ Московскому государству, въ какихъ находился прежде отецъ его Гедиминъ къ югозападной или къ Галицкому королевству. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Князья удѣльные видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ не столько завоевателей, сколько избавителей отъ ига Монгольскаго: города, болѣе другихъ ненавидѣвшіе рабство, Новгородъ, Псковъ, охотно признавали дѣтей и внуковъ Гедиминовыхъ своими Князьями, и если не могли съ ними ужиться, то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ не ладили съ потомками Мономаха. Народъ не чуждался ихъ, видя въ нихъ ревностныхъ христіанъ. Оставалось только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ: сынъ ли Гедимина, внукъ ли Калиты? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ Димитріемъ Донскимъ. Онъ не только не хотѣлъ уступить Олгерду того, чего Литовскій Князь не успѣлъ присвоить въ восточной Руси, но думалъ присоединить къ своей державѣ и тѣ области, коими домъ Гедимина уже владѣлъ за Днѣпромъ, слѣдуя правилу великаго дѣда своего, что всѣ Русскія земли должны войти въ составъ одного государства, подвластнаго одному семейству. Отсель началась родовая вражда между потомками Гедимина и Калиты, какъ прежде между

домами Олега и Мономаха, обратившаяся мало по малу, по соединеніи западной Руси съ Польшею, въ распрю народную.

Сынъ Гедимина, разгадавъ политику Дмитрія Донскаго, уже безопасный со стороны Меченосцевъ, спѣшилъ нанести ему рѣшительный ударъ; поводомъ къ этой борьбѣ отчаянной было стѣсненіе Княземъ Московскимъ шурина Олгердова Князя Михаила Александровича Тверскаго. Три раза онъ собиралъ всѣ свои силы и вторгался въ восточную Русь, чтобы овладѣть ею: въ 1368 году, въ кровопролитной битвѣ близъ Тростенскаго озера (въ Ружскомъ уѣздѣ), истребилъ совершенно полки Московскіе, достигъ до самой Москвы и не успѣлъ взять только одного кремля; чрезъ два года онъ пришелъ снова и опять проникъ до столицы, съ тою же неудачею: Дмитрій успѣлъ взять свои мѣры; двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Храбрый, угрожая Олгерду съ тыла, принудилъ его заключить миръ, укрѣпленный родственнымъ союзомъ: дочь Кейстута отдала свою руку Владиміру Храброму.

4370.

Этотъ миръ чрезъ два года былъ нарушенъ: Кейстутъ, посѣдѣвшій въ битвахъ, быстрымъ набѣгомъ разорилъ Переяславъ Залѣскій и Капшинъ; въ слѣдъ за нимъ явился Олгердъ въ третій разъ, но встрѣ-

4371.

тилъ Дмитрія готоваго къ бою, и потерявъ надежду смирить его, снова заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы Князь Тверской остался назаисимъ отъ Князя Московскаго, въ надеждѣ господствовать въ Твери, и рано или поздно овладѣть Москвою, которая одна только могла съ нимъ бороться. Дмитрій однако устоялъ на своемъ и принудилъ Михаила Александровича признать себя Государемъ.

Ягелло.
2377-1434.

107. Смерть пресѣкла замыслы Олгерда и повлекла за собою кровопролитныя междоусобія въ западной Руси: имѣя одиннадцать сыновей, онъ назначилъ преемникомъ Великокняжескаго достоинства Ягелла, сына Тверской Княжны, миновавъ не только старшихъ дѣтей, рожденныхъ отъ перваго брака съ Княжною Витебскою, но и брата своего Кейстута, бывшаго правою рукою во всѣхъ его походахъ; сверхъ того оставилъ множество племянниковъ и внуковъ. Кейстутъ, какъ старшій въ родѣ, рѣшился овладѣть Великокняжескимъ престоломъ, взялъ Вильну и далъ племяннику княжество Кревское и Витебское; но хитрый Ягелло успѣлъ одолѣть дядю, заключилъ его въ темницу и тамъ замучилъ; та же участь грозила роднымъ и двоюроднымъ братьямъ Ягелла; преслѣдуемые его лютостію, они бѣгствомъ спасали свою жизнь: сынъ Кейстута, знаменитый въ послѣдствіи Витолдъ бѣжалъ въ Пруссію, сосѣдственную страну съ отцовскимъ удѣломъ; Олгердо-

вичи, Андрей и Димитрій, и Князя Волинскіе отдались въ покровительство Димитрія Донскаго. Пользуясь раздорами въ семействѣ Гедиминовомъ, Князь Московскій послалъ сильное войско въ Литовско-Русскія области, для присоединенія ихъ къ своей державѣ; города Стародубъ, Трубчевскъ сдались безъ бою; другіе ждали только рати Московской, чтобы отворить ей ворота. Но Димитрій принужденъ былъ отозвать войско, получивъ вѣсть о нашествіи Монголовъ. Борьба съ Мамаемъ и Тохтамышемъ, въ коей Олгердовичи помогали ему, какъ самые усердные и опытные родственники, исключая Ягелла, державшаго сторону нашихъ злодѣевъ, не позволила ему исполнить намѣренія соединить всѣ Русскія земли въ одно государство. При всемъ томъ Русь западная такъ сблизилась съ восточною, узы родства такъ крѣпко связывали домъ Гедимины съ родомъ Калиты, оба поколѣнія такъ замѣтно сливались въ одно семейство, что споръ Донскаго съ Ягелломъ принималъ видъ семейной распри, въ томъ смыслѣ, какъ прежде ссорились наши Князя за удѣлы, только въ обширнѣйшемъ объемѣ. И тотъ и другой стремились къ первенству, къ господству надъ всѣми Русскими землями: Князя западные изъ рода Гедимины старались утвердить свою власть въ Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ, чтобы присвоить и самую Москву; Князя Московскіе изъ рода Калиты отстаи-

вали эти города и въ свою очередь помышляли о распространеніи своихъ владѣній за самый Днѣпръ, покровительствуя даже Князьямъ Волынскимъ. Иногда бралъ перевѣсъ владѣтель западной Руси, иногда владѣтель восточной; даже трудно сказать, отъ кого болѣе зависѣли княжества Смоленское, Тверское, Псковское, Новгородское. Однимъ словомъ соединеніе всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое было приготовлено уже при Дмитріи Донскомъ. Но Судьбѣ угодно было отсрочить это вождедѣнное событіе, чтобы тяжкими уроками еще болѣе убѣдить потомство въ необходимости единодержавія въ землѣ Русской.

Въ 1386 году дожъ Гедимина вступилъ на Польскій престоль и связавъ судьбу своего государства съ судьбою Польши, поставилъ западную Русь въ такое положеніе, что она могла соединиться съ восточною только послѣ долговременной, трудной борьбы: ибо съ тѣхъ поръ самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской. Для объясненія этого достопамятнаго случая, бросимъ взглядъ на судьбу Польши до избранія Ягелла въ Короли.

Польша
до 1386.

108. Польша возникла почти въ одно время съ Русью, также въ отрасли племени Славянскаго, которое дало бытіе и нашему отечеству, но подѣ

вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ. Народы, вошедшіе въ составъ Польскаго королевства, около того времени, когда оно получило прочное основаніе введеніемъ христіанской вѣры, подъ общимъ названіемъ Ляховъ или Лехитовъ, раздѣлялись на 4 главныя поколѣнія: Мазовшанъ, Ленчицанъ, Куявовъ и Полянъ или Поляковъ. Они занимали страну, извѣстную въ послѣдствіи подъ названіемъ Великой Польши, и подобно Русскимъ Славянамъ, издревле вели жизнь патриархальную; когда же въ VIII и IX столѣтіяхъ въ восточной Европѣ обнаружилось стремленіе къ жизни общественной, пробужденное христіанскою вѣрою, и народы одноплеменные составили союзы для защиты себя отъ сильныхъ сосѣдей, Ляхи, тѣснимые съ запада Нѣмцами, съ юга Чехами, признали надъ собою верховную власть поколѣнія Пястовъ и при Мечиславѣ I, во второй половинѣ X вѣка, озарились свѣтомъ христіанской вѣры. Принявъ св. ученіе отъ Латинскихъ проповѣдниковъ, въ то время, когда папа хотѣлъ господствовать надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ въ дѣлахъ церкви, а Римскіе Императоры искали верховной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, Польша не могла избавиться отъ вліянія ни того, ни другаго, и вошла въ систему Западной Римской имперіи. Мечиславъ I долженъ былъ признать себя вассаломъ Императора, платить ему дань, помогать во всѣхъ его войнахъ и просить Королевской короны,

какъ милости, отъ папы, въ чемъ однако не успѣлъ: его не удостоили даже званія Герцога, и считали только барономъ въ разрядѣ владѣтелей, зависѣвшихъ отъ Римской имперіи.

992-1025. Сынъ Мечиславовъ Болеславъ Храбрый, современникъ Владиміра святаго и Ярослава I, поставилъ свое государство на высокую степень могущества, раздвинулъ его предѣлы счастливыми побѣдами на югъ до горъ Карпатскихъ, на западъ до Саа и Эльбы, на сѣверъ до Балтійскаго моря, на востокъ до западнаго Буга и Волыни; далъ ему внутреннее устройство, служившее въ послѣдствіи основаніемъ общественной жизни Польскаго народа, оградилъ его крѣпостями, возбудилъ промышленность основаніемъ многихъ городовъ и получивъ отъ Императора Оттона III титулъ Королевскій, съ правомъ быть союзникомъ, а не вассаломъ имперіи, избавилъ свою державу отъ тягостнаго вліянія Нѣмцевъ, даже былъ грозою самихъ наследниковъ Оттоновыхъ. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ обширное государство, присоединивъ къ отцовскому достоянію, къ Великой Польшѣ, отъ Руси города Червенскіе или западную часть Галиціи и Волыни, отъ Чеховъ Малую Польшу съ городомъ Краковомъ и Сандомиромъ, отъ имперіи Моравію, Силезію и Померанію. Но какъ земли, прибрѣтенныя оружіемъ Болеслава Храбраго, принадлежали по праву

перваго владѣнія уже извѣстными династіямъ и составляли часть ихъ государствъ, то наследники его должны были или отказаться отъ его завоеваній, или вести, для удержанія ихъ за собою, непрерывныя войны съ тѣми державами, кои имѣли на нихъ первоначальное право. Скорѣе всего они утратили города Червенскіе, гдѣ домъ Рюрика утвердилъ свою власть прежде Пястова поколѣнія. Ярославъ I возвратилъ ихъ безъ труда; съ тѣхъ поръ они составляли неотъемлемую собственность потомковъ Владиміра св. до половины XIV вѣка. Отказавшись отъ всякихъ притязаній на Галицію и Волынь, Польскіе Короли утвердили свою власть въ земляхъ, извѣстныхъ въ послѣдствіи подъ именемъ Малой Польши, столицею коей былъ Краковъ: ибо здѣсь не было равныхъ имъ совмѣстниковъ; по усилія ихъ удержать за собою Моравію, Силезію, Лузацію и Померанію, были поводомъ къ непрерывнымъ войнамъ съ туземными владѣтелями, искавшими независимости, и съ Императорами Германскими. При всемъ томъ преемники Болеслава Храбраго, до половины XII вѣка, неоднократно брали верхъ надъ западными сосѣдями, удержали за собою Силезію, Лузацію, восточную Померанію, и были могущественными Государями.

Со времянь Болеслава Кривоустаго, въ продолженіе двухъ вѣковъ, Польша была жертвою внут-

реннихъ междоусобій Королевскаго дома, добычею магнатовъ, Римскаго двора, Нѣмцевъ, Евреевъ и Литвы. Болеславъ Кривоустый утвердилъ въ своемъ государствѣ удѣльную систему, такъ точно, какъ Ярославъ въ Русской землѣ: и тотъ и другой раздѣлялъ свою державу по числу сыновей на нѣсколько княжествъ неотъемлемыхъ, отказавъ старшему въ родѣ право верховной власти. Болеславъ оставилъ четыре княжества: Краковское (съ Помераніею и Силезіею), Сандомирское, Мазовецкое, (съ Куявіею) и Польское (воеводства Гѣзненское и Познаньское). Потомки слѣдовали его примѣру и дробили доставшіеся имъ удѣлы между дѣтьми на новые участки. Слѣдствія были тѣ же, какія испытало наше отечество: домъ Пяста раздѣлился на нѣсколько отраслей самостоятельныхъ, присвоившихъ наследственное право на извѣстныя области. Отъ старшаго сына Болеславова Владислава II пошла Герцоги Силезскіе въ двухъ главныхъ отрасляхъ, Нижнесилезской и Верхнесилезской; къ первой относились Герцоги Глогавскіе, Саганскіе, Ельскіе, Швейдницкіе, Яурскіе, Минстербергскіе, Лигницкіе, Бригскіе, Волавскіе и Бреславскіе; ко второй Тешенскіе, Заторскіе, Козельскіе, Опельнскіе, Ратиборскіе. Отъ Мечислава III: Князя Великопольскіе, Познаньскіе, Калишскіе. Отъ Казимира II: Князя Куявскіе и Мазовецкіе, подраздѣлявшіеся на Ленчицкихъ, Серадскихъ, Иновродавскихъ, Чер-

скихъ, Плоцкихъ, Сохачевскихъ. Всѣ эти поколѣнія, въ видѣ самостоятельныхъ отраслей, возникли съ половины XII до половины XIV столѣтій: одни угасали; другія занимали ихъ мѣсто; иногда слиялись, но вскорѣ раздѣлялись и вновь дробились. Междоусобіе было непрерывное: споры за удѣлы, стремленіе однихъ Князей къ самостоятельности, усилія другихъ присвоить Краковскій престолъ, владѣтель коего принималъ титулъ Королевскій, оспориваемый впрочемъ Императоромъ и папою, все это влекло за собою пагубныя слѣдствія, ослабленіе государства, медленные успѣхи гражданственности, кулачное право.

Къ бѣдствіямъ междоусобія присоединилось другое зло, коего мы не испытали. Съ одной стороны тѣсная связь съ Германіею познакомила высшія сословія съ феодальными понятіями: Польскіе магнаты, присвоивъ себѣ обширныя помѣстья, искали тѣхъ же правъ, коими пользовались Германскіе бароны, хотѣли господствовать въ своихъ отчинахъ независимо отъ Князей, и самовольно располагали Краковскимъ престоломъ, предлагая оный тому изъ Пястовъ, кто обѣщалъ не касаться ихъ вольностей. Съ другой стороны исключительная зависимость Польскаго духовенства отъ папы давала Римскому двору средства вмѣшиваться въ Княжескіе раздоры, располагать церковными отчинами и

дѣйствовать вообще такъ, какъ дѣйствовали папы во всѣхъ подвластныхъ имъ государствахъ. Этого мало: не только высшее дворянство и духовенство, противуборствуя соединенію Польскихъ силъ къ одной цѣли, разрушали всякую мысль о единствѣ и вкореняли сѣмена разногласія, мятежа, самое среднее сословіе, оказавшее такъ много услугъ въ западной Европѣ, было чуждымъ элементомъ въ Польскомъ государствѣ и по языку и по правамъ своимъ: оно состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, коими нѣкоторые Короли населили цѣлые города; захвативъ въ свои руки всю внутреннюю промышленность, сіи пришельцы не признавали законовъ Польскихъ и пользовались Магдебургскимъ правомъ. По примѣру ихъ, то же право предоставлено было и природнымъ Полякамъ привилегированныхъ классовъ. Съ половины XIV столѣтія Польшу наводнили еще Евреи, для коихъ она съ тѣхъ поръ стала истиннымъ отечествомъ: Евреи отбили у Нѣмцевъ торговлю; но сами Поляки мало отъ того выиграли.

Въ половинѣ XIV столѣтія состояніе Польши было несравненно злополучнѣе нашего: не взирая на Монгольское иго, на распри Князей, у насъ всѣ условія жизни общественной были ознаменованы какимъ то неразрывнымъ единствомъ: все стремилось къ дружному согласію, и притомъ все выражало одинъ національный типъ. Власть духовная

поддерживала свѣтскую и никогда съ нею не спорила; бояре и высшія сословія, не имѣя даже понятія о правахъ феодальныхъ, были истинною опорою престола; среднія и низшія сословія горѣли пламенною любовію къ своей вѣрѣ, къ своему Государю, въ комъ видѣли своего судью и защитника. Въ этомъ согласіи основныхъ элементовъ государственныхъ заключалась неодолимая сила Русскаго народа.

Въ Польшѣ, напротивъ того, во всемъ замѣтно было чудное разногласіе: Король спорилъ съ папою, съ Императоромъ за Королевскій титулъ; съ родственниками за Краковскій престолъ; Князья удѣльные спорили другъ съ другомъ за удѣлы, съ Королемъ за независимость, съ вельможами за право суда, съ среднимъ сословіемъ за пошщины и оброки, съ духовенствомъ за десятину. Народъ раздѣлялся на природныхъ Поляковъ, на всельниковъ Нѣмецкихъ, на Евреевъ: тѣ и другіе имѣли свой языкъ, свои нравы и обыкновенія, свой судъ и расправу; сверхъ того были еще многочисленные классы привилегированные, имѣвшіе исключительное право монополій. Наконецъ въ самомъ языкѣ было разногласіе съ понятіями: въ Божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, въ словесности господствовалъ языкъ Латинскій, непонятный для большей части народа; такъ было и во всей Европѣ (исключая одной Руси, гдѣ во всѣхъ случа-

яхъ употреблялся одинъ языкъ Русскій): но для государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской имперіи, Латинскій языкъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ роднымъ, по крайней мѣрѣ благороднѣйшимъ; въ Славянской же землѣ онъ рѣшительно былъ чуждымъ нарѣчіемъ. При такомъ разногласіи правъ, понятій, уставовъ, при всеобщемъ противорѣчii основныхъ элементовъ государственныхъ, Польша едва ли могла существовать въ видѣ самостоятельнаго государства: ей не доставало внутренней крѣпкой силы, которая возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ, роднаго языка, родныхъ обыкновеній, при неразрывномъ согласіи всѣхъ условій общественныхъ. Ей необходима была опора, которая поддерживала бы это нестройное тѣло, носившее отъ самаго рожденія недугъ разрушительный.

1333-1370. Въ срединѣ XIV вѣка царствовалъ въ Польшѣ Казимиръ III, наслѣдовавшій отъ отца власть единодержавную, которую признавали всѣ потомки Пяста, исключая Герцоговъ Силезскихъ. Многія отрасли владѣтельнаго дома угасли въ войнахъ междоусобныхъ; другія такъ раздробились, что не въ силахъ были спорить съ Государемъ Краковскимъ: удѣльное правленіе ослабѣло. Казимиръ, одаренный умомъ и характеромъ, умѣлъ господствовать самодержавно, велъ счастливыя войны съ сосѣдями,

строилъ города, исправлялъ законы, старался облегчить участь крестьянъ, заботился о просвѣщеніи народа и по справедливости заслужилъ отъ потомства имя *Великаго*. Смертью его угасъ Королевскій домъ Пяста; хотя не всѣ отрасли его пресѣклись, но Казимиръ, вѣроятно постигнувъ бѣдственное положеніе Польши и надѣясь поддержать ее тѣснымъ союзомъ съ сосѣдственными государствами, убѣдилъ магнатовъ, еще при жизни своей, предложить престолъ племяннику своему Людовику Королю Венгерскому. Магнаты тѣмъ охотнѣе согласились на желаніе Казимира, что надѣялись воспользоваться этимъ случаемъ къ утвержденію своихъ правъ, доселѣ основанныхъ на одномъ обыкновеніи, силою закона, и вмѣстѣ съ короною предложили Людовику *роста сопвента* или условія, ограничившія власть Короля и утверждавшія права дворянства. Людовикъ подписалъ *роста сопвента*; но вступивъ на престолъ Польскій, встрѣтилъ во всѣхъ сословіяхъ такой раздоръ, что рѣшился возвратиться въ Венгрію, и отнявъ у Польши Галицію, присоединилъ ее къ наследственному королевству.

109. Послѣ сильнаго потрясенія государства всеобщими мятежами, магнаты Польскіе объявили Королевою меньшую дочь Людовика, пятнадцатилѣтнюю Ядвигу, снова устранивъ всѣ поколѣнія Пяста, и искавъ ей жениха. Естественнѣе всего было

Ягелло на
Польскомъ
престолѣ.
1386.

сочетать ее съ Вильгельмомъ Герцогомъ Австрійскимъ, съ коимъ она была помолвлена еще съ колыбели; но Польскій сенатъ весьма хорошо понималъ, что Герцогъ Австрійскій не въ силахъ будетъ спасти королевство отъ страшнаго врага, грозившаго ему съ востока, отъ Литовскаго Великаго Князя Ягелла, который незадолго предъ тѣмъ въ конецъ разоривъ Малую Польшу, съ своей стороны искалъ руки Ядвиги и короны Казимировой. Онъ наводилъ такой ужасъ на Поляковъ, что его считали косматымъ чудовищемъ, и юная Ядвига ни за что въ свѣтѣ не соглашалась отдать свою руку свирѣпому *язьчнику*. Тщетно старались вельможи побѣдить ея упорство, представляя всѣ бѣдствія, кои обрушатся на Польшу, если Ягелло получитъ отказъ; Королева была непреклонна, доколѣ Польскіе епископы не тронули ея набожности: помня, какъ безуспѣшны были всѣ усилія Меченосцевъ ввести въ Литву Латинскую вѣру, и зная, что не только потомки Гедиминовы, но и подданные ихъ, оставляя идоловъ, обнаруживали явную склонность къ закону православному, они опасались присоединенія всего Литовскаго народа къ Россійской церкви, слѣдовательно для Римскаго духовенства ни что не могло быть пріятнѣе предложенія Ягеллова: оно всѣми силами поддерживало магнатовъ, старавшихся склонить Королеву къ брачному союзу съ Литовскимъ Княземъ, обѣщая ей царство небесное.

Ядвига принуждена была наконецъ согласиться. Братья Ягелловы уже исповѣдывали Грекороссійскую вѣру; не лѣзя думать, чтобы и самъ онъ оставался въ язычествѣ: мать его, Княжна Тверская, была христіанка; отецъ умеръ схимникомъ; но честолюбіе было главною страстію сына Олгердова: замучивъ роднаго дядю Кейстута, чтобы господствовать въ Литвѣ, онъ по всей вѣроятности промѣнялъ православный законъ на Латинскій, чтобы получить титулъ Короля Польскаго и руку прекрасной Ядвиги. Въ 1386 году онъ прибылъ въ Краковъ, крестился по Римскому обряду, вступилъ въ бракъ съ Королевою и короновался, давъ предварительно присягу соблюдать Польскіе законы, ввести Латинскую вѣру въ Литвѣ и соединить наслѣдственное княжество съ Польшею въ одно государство.

110. Крещеніе Литвы совершилось безъ большаго труда: въ Вильнѣ уже давно славословили Христа Спасителя; знатнѣйшіе вельможи исповѣдывали Грекороссійскую вѣру. Простой народъ былъ погруженъ въ язычество; покланялся огню Перкунову, обожалъ змѣй, боготворилъ рощи; но естественно уже терялъ уваженіе къ идоламъ, презираемымъ и Князьями и высшимъ сословіемъ. Самъ Ягелло съ Королевою и духовенствомъ прибылъ въ Вильну, древній огонь велѣлъ угасить, змѣй истребить, рощи вырубить. Идолопоклонники ждали, что

Крещеніе
Литвы.

небесный громъ поразить его, однако тщетно; имъ дали бѣлые кафтаны, красивую обувь; Королева не щадила денегъ; они съ радостію брали дары и принимали къ себѣ Латинскихъ священниковъ. Одна Жмудь упорствовала; чрезъ полвѣка и она крестилась.

Гораздо труднѣе было соединить Литовское княжество съ Польшею въ одну державу: Поляки встрѣтили неожиданныя препятствія и не прежде, какъ чрезъ два столѣтія, успѣли уничтожить ихъ.

Витолдъ.
1392-1430.

111. Союзъ Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ разорвался въ самомъ началѣ. Главною виною тому было различіе вѣроисповѣданій. Не только въ Русскихъ областяхъ, подвластныхъ дому Гедимина, вѣра предковъ сохранялась во всей чистотѣ; въ самой Вильнѣ были ревностные послѣдователи Греческаго закона. Всѣ православные смотрѣли на преданность Ягелла Полякамъ съ негодованіемъ; когда же Король, ободренный успѣхомъ обращенія язычниковъ, подстрекаемый Римскимъ духовенствомъ, вздумалъ требовать и отъ Русскихъ присоединенія къ Латинской церкви, они изъявили явный ропоть, и чтобы разорвать ненавистный союзъ съ гонителями своей вѣры, охотно признали Великимъ Княземъ, независимымъ отъ Короля, двоюроднаго брата его Витолда.

Витолдъ, сынъ Кейстута, вмѣстѣ съ Ягелломъ оставилъ законъ православный и перекрестился въ Краковѣ. Но равнодушный къ различію вѣроисповѣданій, онъ искалъ одной славы и громкаго имени въ потомствѣ: хотѣлъ поставить государство своихъ предковъ на степень первенствующей державы въ восточной Европѣ и утвердить его самостоятельность. Для этой цѣли вмѣшивался въ дѣла Меченосцевъ и неоднократно побѣдами едва не сокрушилъ Ливонскаго ордена; перенесъ свое оружіе за Днѣпръ, овладѣлъ Смоленскомъ, унижилъ гордость Новгородцевъ и не завоевалъ Москвы только потому, что встрѣтилъ дѣятельнаго соперника въ благородномъ сынѣ Донскаго, Василии Димитріевичѣ. Монголы его трепетали: Витолдъ легко очистилъ отъ ихъ улусовъ все пространство между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, нѣсколько тысячъ Татаръ переселилъ въ Литву, гдѣ потомки ихъ живутъ доселѣ, сохранивъ вѣру праотцевъ, и думалъ господствовать надъ Золотою ордою, поддерживая Тохтамыша, какъ присяжника своего, въ борьбѣ съ Тимуромъ. Жестокое пораженіе Литовцевъ на берегахъ Ворсклы Эдигеемъ разстроило замыслы Витолда: онъ такъ ослабѣлъ, что оставилъ всѣхъ сосѣдей въ покоѣ и примирился до времени съ Ягелломъ, который доселѣ видѣлъ въ немъ опаснаго недруга. Съ тѣхъ поръ постоянною заботою его было утвердить самостоятельность Литовскаго кня-

жества. Для этой цѣли онъ установилъ въ своемъ государствѣ митрополію, отдѣльную отъ Московской. Витолдъ не предпочиталъ Латинскаго вѣроисповѣданія Грекороссійскому и не тревожилъ совѣсти своихъ подданныхъ; но не могъ равнодушно смотрѣть на зависимость западнаго православнаго духовенства отъ Московскаго первосвятителя и подъ предлогомъ нерадѣнія Фотія о паствѣ, требовалъ у патріарха Царяградскаго особеннаго митрополита для своего государства; получивъ же отказъ, велѣлъ епископамъ собственною властью посвятить Григорія Цимвлака на Кіевскую митрополію. Епископы не соглашались долго и уступили только насилію, бывъ угрожаемы самою смертію. Разрывая союзъ духовный съ Москвою, Витолдъ рѣшился уничтожить политическій съ Польшею, и чтобы поставить свое княжество на равную степень съ нею, хотѣлъ принять титулъ Королевскій. Ягелло съ своей стороны, руководимый совѣтами Римскаго духовенства, всѣми мѣрами старался отклонить его отъ столь пагубнаго для Польши намѣренія, умолялъ папу не давать ему благословенія, отговаривалъ Императора, не щадилъ даровъ, наконецъ, когда ничто не помогало, уступалъ Витолду Польскую корону: Великій Князь отвергъ ее съ презрѣніемъ и пригласилъ многихъ вѣнценосцевъ въ Литву быть свидѣтелями своего королюванія. Скоро-достижная смерть разрушила всѣ его планы.

Свитри-
гайло.

112. Смерть Витолда, вопреки ожиданію Римскаго двора, не утвердила соединенія западной Руси съ Польшею: мѣсто его занялъ родной братъ Ягелла Свитригайло; онъ былъ для королевства опаснѣе даже своего предѣстника, питалъ непримиримую вражду къ брату, неоднократно обуздывалъ его силою оружія, истреблялъ Поляковъ, и успѣвъ заслужить всеобщую любовь Русскихъ, видѣвшихъ въ немъ защитника своей вѣры и независимости, подобно предшественнику, хотѣлъ принять вѣнецъ Королевскій; но не имѣя талантовъ его, былъ не въ силахъ бороться съ хитрымъ Ягелломъ, который умѣлъ произвести въ Литвѣ войну междоусобную. Сигизмундъ, братъ Витолдовъ, поддерживаемый Поляками, вооружился на Свитригайла, изгналъ его и объявилъ себя Великимъ Княземъ, съ обязанностію платить Королю дань, помогать ему во всѣхъ войнахъ, уступить Польшѣ Воынь съ Подоліею и не думать о вѣнцѣ королевскомъ. Между тѣмъ Свитригайло собралъ многочисленное войско, призвалъ на помощь Татаръ, Нѣмцевъ, еще болѣе нашель усердныхъ доброжелателей въ самомъ княжествѣ и вступилъ въ новую борьбу съ Сигизмундомъ.

1432.

Ягелло не дожидъ до окончанія этой войны кровопролитной, и старшій сынъ его Владиславъ III, избранный Поляками въ Короли, не былъ признаваемъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, за достоинство коего

1434.

спорила Свйтригаило съ Сигизмундомъ; послѣдній одо-
лѣлъ соперника, но въ свою очередь, раздраживъ всѣ
сословія жестокимъ правленіемъ и угодливостію По-
лякамъ, былъ убитъ Князьями Чарторижскими.

Казимиръ.
1440-1492.

113. По смерти Сигизмунда, Литовскіе чины не хотѣли слышать о подданствѣ Королю Польскому и объявили Великимъ Княземъ своимъ втораго сына Ягеллова, Казимира. Союзъ обоихъ народовъ рушился. Поляки старались возобновить его; и какъ скоро не стало Владислава III, погибшаго въ войнѣ съ Турками подъ стѣнами Варны, спѣшили предложить Польскую корону Казимиру. Онъ желалъ принять ее; но Литовскіе чины, уже испытавъ многія невыгоды союза съ Польшею, отклоняли своего Государя. Поляки убѣждали его неотступно; дѣлые два года терпѣли всѣ неуройства междуцарствія, не теряя надежды на согласіе Казимира, не щадя ни даровъ, ни обѣщаній; наконецъ достигли своей дѣли: Великій Князь согласился принять Польскую корону; но не прежде могъ выѣхать изъ Вильны въ Краковъ для коронованія, какъ обязавшись не считать великаго княжества за одно съ королевствомъ, уничтожить всѣ прежніе акты соединенія, оставить неприкосновенными всѣ права своего народа, гражданскія и церковныя, и возвратить Литовскому княжеству Волинь съ Подоліею, бывшую со времянь Олгерда постоян-

нымъ предметомъ спора между Великими Князьями Литовскими и Королями Польскими.

Снова соединивъ корону великокняжескую съ королевскою, Казимиръ не могъ соединить обѣихъ народовъ: они обнаруживали жестокую непріязнь другъ къ другу; Литовскіе чины не хотѣли являться на Польскіе сеймы, собирали свои собственные, неотступно требовали уничтоженія прежнихъ актовъ соединенія и грозили войною за Волинь и Подолію. Слабый Казимиръ, не зная, что дѣлать, думалъ даже отказаться отъ короны Польской. Смертью его союзъ опять разорвался. Великое княжество провозгласило своимъ Государемъ сына его Александра; Поляки же, видя явную непріязнь Литвы, не смѣли уже надѣяться на согласіе Великаго Князя принять Королевскую корону; желали по крайней мѣрѣ видѣть на своемъ престолѣ брата его, чтобы не совсѣмъ отдѣлаться, и избрали въ Короли другаго сына, Казимира Іоанна Албрехта. Оба они правили своими государствами независимо другъ отъ друга. По смерти Албрехта, Александръ согласился вступить на Польскій престолъ; преемникъ его Сигизмундъ I, младшій сынъ Казимира, также былъ и Литовскимъ Княземъ и Польскимъ Королемъ; но обѣ страны все еще представляли отдѣльные государства, до 1569 года.

III. РУСЬ ВЪ ПОЛОВИНѢ XV ВѢКА.

1. Государство Московское.

Составъ его. 114. Въ началѣ второй половины XV вѣка, предъ восшествіемъ на Московскій престолъ Іоанна III, Русь раздѣлялась на двѣ главныя системы, на восточную или Московскую и на западную или Литовскую. Политика восточной Руси сосредоточивалась въ домъ Іоанна Калиты, политика западной въ домъ Гедимина.

Домъ Іоанна Калиты въ одно столѣтіе овладѣлъ большею частію восточной Руси, сначала прикупкою къ наслѣдственному удѣлу селъ и деревень въ сопредѣльныхъ областяхъ, потомъ присоединеніемъ цѣлыхъ княжествъ. Іоаннъ Калита, получивъ отъ брата своего Георгія область небольшую, заключающуюся въ границахъ нынѣшней Московской губерніи, съ частію Владимірской, прикупилъ къ ней многія села Костромскія, Ростовскія, Владимірскія, даже Новгородскія; примѣру его слѣдовали дѣти Симеонъ Гордый и Іоаннъ II: они также приобрѣли значительную часть княжества Рязанскаго на лѣвой сторонѣ Оки и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ Московскихъ. Димитрій Донской и преемники его дѣйствовали еще рѣшительнѣе: Димитрій присоединилъ цѣлое княжество Владимірское,

область Мещерскую и часть земли Мордовской; Василий Димитріевичъ княжество Суздальское, Городецкое, Муромское, Ростовское; наконецъ Василий Темный отнялъ Елецкую область у Князя Рязанскаго, сверхъ того удѣлы у двоюродныхъ братьевъ и оставилъ своему дому государство обширное.

Въ составъ Московскаго государства вошли всѣ удѣлы, возникшіе въ родѣ Юрія Долгорукаго, (исключая Тверской), Владимірскіе, Ростовскіе, Суздальскіе, Нижегородскіе, сверхъ того многія области, принадлежавшія другимъ отраслямъ Владиміра св., Смоленскія, Ярославскія, Черниговскія. Родъ прежнихъ удѣльныхъ Князей не угасъ: потомки ихъ сохраняли даже титулъ княжескій и имѣли отчины, которыя передавали въ наслѣдство дѣтямъ; но они такъ раздробились въ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ, что многіе изъ нихъ едва удержали за собою нѣсколько деревень и вполнѣ зависѣли отъ Великаго Князя Московскаго, утративъ всѣ права государей владѣтельныхъ. Такихъ отраслей безудѣльныхъ, возникшихъ изъ дома Владиміра св., въ восточной Руси было до 150: въ родѣ Андрея Ярославича Суздальскаго считалось 17 отраслей¹; въ родѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго до 26 отраслей²; въ родѣ Ивана Всеволодовича Ста-

1. Въ числѣ ихъ были поколѣнія Скопичихъ, Шуйскихъ, Горбачихъ.
2. Между прочими Князья Лобановы, Вуйносовы.

родубскаго до 18 отраслей ¹; въ родъ Федора Чернаго Ярославскаго до 38 отраслей ²; въ родъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго до 43 отраслей ³; сверхъ того были отрасли безудѣльныхъ Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Сѣверскихъ, Волынскихъ.

Домъ Калиты спасся отъ подобнаго раздробленія сколько благоразумною политикою его преемниковъ, столько и случайными обстоятельствами. Въ родъ Калиты право удѣльное также опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія, но съ тѣмъ достопамятнымъ различіемъ, что участки были неравны: старшій сынъ всегда получалъ самую большую часть отцовскаго достоянія. Этому правила держались всѣ Князья Великіе при назначеніи удѣловъ своимъ дѣтямъ. Сверхъ того отъ самаго начала княжества Московскаго господствовала мысль, что право владѣнія принадлежало не всему роду Калиты, а только семейству великокняжескому по низходящей линіи: въ слѣдствіе этой мысли, каждый Государь Московскій, наслѣдовавъ отъ отца державу раздробленную съ братьями, мало по малу соединялъ ее въ одно цѣлое и снова дробилъ между сыновьями, минуя племянниковъ и двоюродныхъ братьевъ, или назначая имъ незначительные участки. Притомъ же сама

1. Изъ нихъ наиболѣ замѣчательны Пожарскіе.

2. Курбскіе, Шаховскіе, Львовы, Прѣверовскіе и многіе другіе.

3. Долгорукіе, Оболенскіе, Щербатовы.

Судьба благоприятствовала быстрому развитію еди-
нодержавія въ государствѣ Московскомъ : боль-
шая часть сыновей, внуковъ и правнуковъ Іоан-
на Калиты умерли или бездѣтными или во мла-
дечествѣ.

Василій II распредѣлялъ удѣлы въ своемъ родѣ Удѣлы въ
Московск.
княжествѣ.
слѣдующимъ образомъ : 1, старшему сыну *Іоанну*,
съ титуломъ Великаго Князя, назначилъ Москву,
Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичь,
Вятку, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ,
Юрьевъ, Боровскъ, Суходоль, Калугу, Алексинъ,
и большую часть селъ Московскихъ ; 2, *Юрію* Дми-
тровъ, Можайскъ, Мядынь и Серпуховъ ; 3, *Ан-
дрею большому* Угличь, Устюжну, Бѣжецкъ, Звениго-
родъ ; 4, *Борису* Ржевъ, Волокъ Ламскій, Рузу ; 5,
Андрею меньшему Вологду, Кубену, Заозерье. 6, По-
ловина Ростова, Романовъ, Усть Шексна и Нерех-
та назначены въ удѣлъ супругѣ Василія Темнаго ;
другая половина Ростова осталась за Князьями
наслѣдственными. 7, Верея, Вышгородъ, Малый
Ярославецъ и Бѣлоозеро отданы въ удѣлъ Князю
Михаилу Андреевичу Можайскому. 8, Ярославль
имѣлъ своего удѣльнаго Князя, владѣвшаго имъ
по праву наслѣдства, но въ полной зависимости
отъ Великаго Князя Московскаго. 9, Касимовъ
отданъ въ удѣлъ Казанскому царевичу Касиму,
также зависѣвшему отъ Государя Московскаго.

Отдѣльныя
княжества.

115. Вмѣстѣ съ домомъ Калиты господствовали въ восточной Руси, подвластной Монголамъ, поколѣнія Михаила Ярославича Тверскаго и Ярослава Святославича Рязанскаго. Новгородъ и Псковъ имѣли также права державъ самостоятельныхъ.

К. Тверское.

I) Родъ *Михаила Ярославича* Тверскаго, властвуя въ тѣхъ же предѣлахъ, въ коихъ заключалось Тверское княжество въ половинѣ XIV вѣка, по прежнему пользовался не только правами независимости, но и равенствомъ въ отношеніи къ Великому Князю Московскому. Раздѣленная до 1425 года на два удѣла, на Тверской и Кашинскій, отчина Михайлова въ 1462 году принадлежала одному *Великому Князю* Михаилу Борисовичу: онъ владѣлъ Тверью, Старицею, Кашиномъ, Зубцовымъ и Клинномъ.

Рязанское.

II) Родъ *Ярослава Святославича* Рязанскаго, утративъ значительную часть своей отчины, весь лѣвый берегъ Оки, съ областью Елецкою, и все княжество Муромское, сохранилъ однакожъ свою самостоятельность и господствовалъ независимо въ Переяславѣ Рязанскомъ, Пронскѣ, Ростиславѣ, Перевитескѣ и Старой Рязани. Старшій въ родѣ изъ владѣтелей Рязанскихъ именовался Великимъ Княземъ, по примѣру Московскаго и Тверскаго.

Новгородск.

III) Княжество *Новгородское*, признавая со времени Іоанна Калиты своимъ господиномъ или покровителемъ

вителемъ Великаго Князя Московскаго, пользовалось по прежнему всѣми правами удѣльнаго княжества, сосредоточенными въ народномъ вѣчѣ. Оно состояло изъ пятинъ и волостей. Пятинъ были: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская; волости: Заволочье, Лопь, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города: Великій Новгородъ, Ладога, Руса, Торжокъ, Волокъ, Великіе Луки, Кексгольмъ, Выборгъ, Орѣшекъ, Каргополь и другіе.

IV) Княжество *Псковское*, имѣя внутреннее устройство подобное Новгородскому, и также признавая своимъ господиномъ Великаго Князя Московскаго, состояло изъ главнаго города Пскова и 12 пригородовъ, въ числѣ коихъ находились: Изборскъ, Опока, Гдовъ, Торопецъ и другіе.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что восточная Русь въ 1462 году была раздѣлена на 5 главныхъ удѣловъ, а именно:

I. Государство Московское, состоявшее:

- 1) Изъ великаго княжества Московскаго.
- 2) Изъ княжества Дмитровскаго.
- 3) Изъ княжества Углицкаго.
- 4) Изъ княжества Волоцкаго.
- 5) Изъ княжества Вологодскаго.
- 6) Изъ княжества Ростовскаго.

- 7) Изъ княжества Ярославскаго.
 II. Великое княжество Тверское.
 III. Великое княжество Рязанское.
 IV. Княжество Новгородское.
 V. Княжество Псковское.

Отношенія
Князей.

116. Главою восточной Руси былъ Великій Князь Московскій. Онъ имѣлъ исключительное право именоваться Государемъ *всѣя Руси*, вести войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію; требовать отъ Князей содѣйствія противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, такъ, что недругъ Москвы былъ неприятелемъ всѣхъ удѣльныхъ владѣтелей; господствовать въ Новгородъ и Псковъ; сверхъ того только онъ одинъ могъ сноситься съ Ханами Кипчакскими и отъ него зависѣло платить дань или нѣтъ; въ первомъ случаѣ удѣльные Князья обязаны были доставлять въ его казну ордынскій выходъ по расчету. Однимъ словомъ, Великій Князь Московскій сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всю внѣшнюю политику, давалъ ей направленіе и строго наблюдалъ, чтобы Князья безъ его вѣдома ни съ кѣмъ не ссорились, ни дружились, въ особенности съ ордою и съ Литвою.

Власть Государя Московскаго имѣла четыре степени: въ наследственной отчинѣ она была неограниченна; тамъ Великій Князь былъ верховнымъ судьей, правителемъ и законодателемъ. Въ княже-

ствѣ Новгородскомъ, гдѣ народное вѣче присвоило большую часть правъ Князей удѣльныхъ, онъ довольствовался только опредѣленною данью, подъ названіемъ даровъ, виры, пошлины и чернаго бора. Новгородцы обязаны были платить эту дань Государю Московскому, какъ покровителю своему; онъ же съ своей стороны обязывался договорными грамотами не вмѣшиваться въ управленіе внутреннее, безъ согласія посадника не раздавать областей, ни въ какомъ случаѣ не требовать Новгородцевъ на судъ въ Москву, не покупать въ ихъ княжествѣ сель, не увеличивать налоговъ, не назначать отъ себя таможенныхъ приставовъ. Еще болѣе ограничено было вліяніе Великаго Князя на братніе удѣлы: владѣтели ихъ пользовались въ своихъ участкахъ тѣми же правами, какими онъ въ своихъ, имѣя долю въ самой Москвѣ, гдѣ одна треть доходовъ шла въ казну великокняжескую, а двѣ трети принадлежали всѣмъ его братьямъ: они имѣли свой дворъ, своихъ бояръ, свое войско, чеканили монету, производили судъ и расправу, назначали налоги, вносили опредѣленную часть ихъ въ казну Великаго Князя для выхода ордынскаго только тогда, когда онъ самъ платилъ дань; иначе оставляли ее у себя; наконецъ пользовались правомъ передавать свои отчины дѣтямъ. Имъ недоставало одного права мира и войны, чтобы сравняться съ Государемъ Московскимъ: въ обоихъ

случаяхъ, они обязаны были дѣйствовать съ нимъ заодно; сверхъ того считали его своимъ покровителемъ и судьбою въ семейныхъ спорахъ. Еще болѣе было ограничено вліяніе Великаго Князя Московскаго на владѣтеля Рязанскаго; а Государя Тверскаго онъ признавалъ равнымъ себѣ, удѣлъ же его неприкосновеннымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы Ханъ ордынскій вздумалъ присоединить его къ Московскому.

Орда Золо-
таѣ.

117. Узы нашего рабства съ конца XIV вѣка явено ослабѣвали не столько отъ побѣды Куликовской, сколько отъ внутреннихъ потрясеній царства Батыева.

Пораженіе Мамаѣ на Придонскихъ поляхъ не сокрушило Золотой орды. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингизовыхъ, сильный дружбою Тамерлана, эмира Хавовъ Чагатайскихъ, изгнавъ Мамаѣ и воцарившись въ ордѣ, умѣлъ возстановить ея грозное могущество, смирилъ Димитрію опустошеніемъ его государства, заставилъ платить себѣ тяжкую дань и возобновилъ право ордынскихъ Хановъ располагать великокняжескимъ престоломъ. Утвержденный имъ главою восточной Руси, Василій Димитріевичъ, въ первые годы своего правленія неоднократно ѣздилъ въ Сарай бить челомъ. Орда стала сильна по прежнему. Но въ концѣ XIV вѣка

она получила жестокий ударъ, слѣдствіемъ коего была столѣтняя непримиримая распря двухъ поколѣній, давшая нашему отечеству время собраться съ силами. Этотъ ударъ нанесъ ей Тамерланъ. Подобно Темучину, сынъ ничтожнаго князька въ имперіи Чагатайскихъ Монголовъ, онъ задумалъ покорить вселенную въ то время, когда не имѣлъ ничего, кромѣ тощаго коня и дряхлаго верблюда, и чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался владыкою 26 державъ средней, южной и западной Азіи. На пути побѣдъ встрѣтивъ соперника въ Тохтамышѣ и оскорбленный его неблагодарностію, онъ далъ ему два жестокие урока, сперва на Уралѣ, потомъ на Терекѣ. Оба раза Тохтамышъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ наконецъ изъ Сарая въ Литву. Царство Кипчакское было разорено; столица его предана огню; несметное множество Монголовъ погибло. По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ возвратился въ Кипчакъ и хотѣлъ возстановить орду; но здѣсь встрѣтилъ опаснаго совмѣстника въ сподвижникѣ Тамерлановомъ, Тимурь - Кутлуъ. Онъ велъ съ нимъ распрю за престолъ до самой смерти своей; эта распря продолжалась при дѣтяхъ и внукахъ ихъ. Сторону Тохтамыша держалъ Литовскій Князь Витолдъ, желавшій видѣть его на Сарайскомъ престолѣ, чтобы именемъ его самому владѣть въ Москвѣ; за Тимурь - Кутлуя стоялъ Эдигей, также сподвижникъ Тамерлановъ, дотоле

управлявшій Ханами Синей или Ногайской орды на Уралѣ. Соединивъ эту орду съ Сарайскою, Эдигей одолѣвъ Витолда, утвердилъ Тимура и дѣтей его на Кипчакскомъ престолѣ и располагалъ имъ подобно Мамаю. Орда снова стала сильною и опасною для насъ, однакожъ не надолго. Чингизиды изъ рода Тохтамышева не давали покоя Тимуридамъ, которые въ тоже время не щадили самихъ себя: братья рѣзались съ братьями, сыновья убивали отцевъ. Въ слѣдствіе постоянной вражды Чингизидовъ съ Тимуридами, царство Батыево въ первой половинѣ XV вѣка распалось на три, независимыя одна отъ другой, части, на орду Большую или Золотую, на орду Крымскую и на царство Казанское.

Большая орда, оставшись за поколѣніемъ Тимуръ - Кутлуга, занимала самую обширную часть Батыевыхъ улусовъ и присвоивала себѣ право господствовать надъ Русью. При вступленіи на престолъ Іоанна III, въ ней царствовалъ одинъ изъ потомковъ Тимуровыхъ, Ахмать, послѣдній нашъ повелитель.

Крымская орда получила прочное основаніе со временъ внука Тохтамышева Гаджи Гирея, который вмѣстѣ съ дѣдомъ нашель покровителя въ Великомъ Князѣ Литовскомъ, и поддерживаемый

Казимиромъ I, объявилъ себя независимымъ Ханомъ Крымскихъ улусовъ, мало подвластныхъ властителямъ Сарайскимъ уже со временъ Ногая. Гаджи-Гирей, родоначальникъ Крымскихъ Гиреевъ, господствовавшихъ въ Тавридѣ до Екатерины II, питалъ родовую вражду къ Тимуридамъ, Ханамъ Золотой орды, и передалъ свою неприязнь дѣтямъ и внукамъ.

Казанское царство возникло въ одно время съ Крымскою ордою. Основателемъ его также былъ Чингизидъ, но не изъ рода Тохтамышева, Улу-Махметъ, царствовавшій сначала въ Золотой ордѣ, куда приходилъ къ нему на судъ Василій Темный, спорившій о великокняжескомъ престолѣ съ дядею своимъ Юриемъ Дмитриевичемъ. Изгнанный изъ Кипчака Тимуридами, Махметъ искалъ покровительства у Великаго Князя Московскаго, и занялъ Бѣлевъ; но вытѣсненный и отсюда, бѣжалъ въ Камскую Болгарію. Тамъ обитали Монголы, перемѣшавшіеся съ потомками древнихъ Болгаръ и Черемисовъ. При Батѣ и первыхъ преемникахъ его, они зависѣли отъ Золотой орды; въ послѣдствіи имѣли неоднократно своихъ Хановъ; грабили Русскія земли и въ свою очередь нерѣдко были смиряемы нашимъ оружіемъ. Средоточіемъ ихъ была Казань, основанная во время Батыя и разоренная Русскими въ концѣ XIV вѣка. Махметъ построилъ для защиты новую крѣпость на выгоднѣйшемъ мѣстѣ, соединилъ подѣ

свою власть всѣхъ обитателей древней Болгаріи и положилъ основаніе сильному государству. Сынъ его Мамутякъ, современникъ Іоанна III, принялъ титулъ Царя Казанскаго: ибо отецъ его все еще именовался Ханомъ Золотой орды.

Раздробленію Батыева царства предшествовали кровавые раздоры. Государя Московскіе, Василій Димитріевичъ и сынъ его Василій Темный, не хотѣли ими воспользоваться и объявить себя независимыми, изъ опасенія образумить своихъ злодѣевъ, искали ихъ дружбы, ѣздили въ орду Сарайскую для легчайшаго стѣсненія Князей удѣльныхъ, получали отъ Хановъ грамоты на дѣля княжества, напримѣръ Суздальское, Новгородское; но вообще старались только ласкать ихъ и даже не всегда платили дань, отзываясь оскуденіемъ своего отечества; если же Монголы приходили съ оружіемъ, чтобы силою исторгнуть то, чего они не хотѣли платить, Москва смѣло ополчалась и вступала въ борьбу съ врагами. Такъ самъ Эдигей, раздраженный неповиновеніемъ Василія Димитріевича, встрѣтилъ мужественный отпоръ подъ стѣнами столицы и могъ взять только временный окупъ. Ханы прибѣгали иногда къ рѣшительнымъ мѣрамъ и назначали въ достоинство Великаго Князя потомковъ не Іоанна Калиты; но уже поздно: Государя Московскіе не уступали своихъ правъ. Однимъ словомъ

Москва еще не дерзала на рѣшительную борьбу съ ордою, обращалась къ ней иногда въ случаѣ необходимости для собственныхъ выгодъ, постоянно ласкала ее; но въ то же время не рѣдко оказывала явное послушаніе и не скрывала надежды на близкую свободу: въ рѣдкой договорной грамматѣ Великихъ Князей съ удѣльными не находимъ словъ: *еще Богъ освободитъ отъ орды.*

При твердомъ намѣреніи потомковъ Калиты свергнуть иго, при очевидномъ превосходствѣ Русскихъ надъ Монголами въ успѣхахъ жизни гражданской, при явномъ изнеможеніи орды, рабство наше не могло быть продолжительно: оно приближалось къ концу; но слѣды его уже обнаружались.

118. Монголы оставили глубокіе слѣды въ нашемъ отечествѣ. Вліяніе ихъ на судьбу Руси наиболѣе замѣтно въ ходѣ самыхъ событій, въ раздробленіи Русской земли на двѣ части, на Московскую и Литовскую, въ перевѣсѣ Князя Московскаго надъ удѣльными. Это однакожъ не главное и притомъ едва ли прямое слѣдствіе нашего рабства: правда, поддерживая домъ Юанна Калиты, Ханы сильно потрясли удѣльную систему и приготовили для Руси единоедержавіе; но соображая Исторію свою до Монголовъ, мы вправѣ сказать, что и безъ нихъ удѣльная система, при новыхъ, луч-

Слѣдствія
ига.

шихъ понятіяхъ о правахъ верховной власти, рушилась бы такъ точно, какъ пала феодальная въ западной Европѣ, гдѣ зло вкоренилось еще глубже. Притомъ же Ханы не всегда покровительствовали Князьямъ Московскихъ: со временъ Дмитрія Донскаго, они неоднократно покушались исторгнуть у нихъ первенство, отдавая великокняжескій престолъ Князьямъ Тверскимъ, Нижегородскимъ, Рязанскимъ. Монгольская печать глубоко вѣзалась въ многообразныхъ формахъ жизни общественной или внутреннею устройствѣ и въ характерѣ народномъ. Съ перваго взгляда вліяніе Монголовъ на гражданственность Русскаго народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали намъ въ развитіи ума, не могли передать намъ никакихъ идей гражданскихъ, управляли нашими предками издали, не смѣшиваясь съ ними; наконецъ мы видѣли въ нихъ злодѣевъ, нехристей, и все *Татарское* считали поганымъ; при всемъ томъ они властвовали надъ Русью долго, болѣе 2 вѣковъ: вліяніе было неминуемо.

Для объясненія слѣдствій нашего ига, необходимо сравнить, въ главныхъ условіяхъ жизни общественной, Русь XIII вѣка съ Русью XV вѣка, чтобы видѣть, какія перемѣны произошли въ государственномъ организмѣ. Главные предметы, на кои должно обратить вниманіе, суть: 1) право верховной вла-

сти; 2) сословія народныя; 3) государственное управление въ отношеніи къ сбору податей, суду и расправѣ; 4) дѣло ратное; 5) языкъ; 6) вѣра.

До Монголовъ верховная власть надъ Русскою Верховная
власть. землею принадлежала всему роду Владиміра св. раздѣленному на многія отрасли. Каждый потомокъ его имѣлъ право на удѣлъ и въ своемъ участкѣ былъ Государь неограниченный: производилъ судъ и расправу, воевалъ и мирился по произволу, собиралъ подати, оставлялъ свой удѣлъ въ наслѣдство дѣтямъ. Каждый владѣтель довольствовался простымъ титуломъ Князя, исключая старшихъ въ родѣ, кои назывались Великими Князьями, вступалъ на свой *столъ* безъ пышныхъ обрядовъ, имѣлъ немногочисленную дружину или дворъ, самъ собиралъ подати, самъ производилъ судъ и расправу и распоряжалъ дѣлами ратными на полѣ брани.

При Монголахъ, въ концѣ ихъ владычества, верховная власть надъ Русскою землею сосредоточивалась въ немногихъ поколѣніяхъ и при томъ такъ, что только одно лице давало направленіе общимъ дѣламъ государственнымъ: безъ согласія его, Князья удѣльные не могли ни воевать, ни мириться, иначе подвергались опасности потерять свои удѣлы. Верховный Князь носилъ титулъ Великаго Князя всея Руси; принималъ свое достоинство торжественно

въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ; прочіе потомки Владиміра св. удержали названіе Князей, но исключая двухъ или трехъ не изъ дома Іоанна Калиты, утратили всѣ права удѣльныя и вошли въ разрядъ подданныхъ. Столь важная перемяна въ понятіяхъ о верховной власти была слѣдствіемъ мудрой политики Государей Московскихъ, коимъ много однакожь содѣйствовали Монголы.

Сословія
народныя.

Менѣе перемятъ замѣтно въ состояніи народа, въ раздѣленіи его на сословія, въ кругѣ его обязанностей и въ отношеніяхъ къ верховной власти. Сословія народныя по прежнему были высшее, среднее и низшее. Къ первому относились *мужи княжіе* или тѣ особы, которыя составляли княжескій совѣтъ и занимали почетныя мѣста въ управленіи. Они имѣли званія *боляръ*, первостепенныхъ сановниковъ, *воеводъ*, предводителей войска, *наместниковъ*, областныхъ правителей, и *тиуновъ* или судей. Къ среднему классу принадлежали владѣльцы поземельные, подъ именемъ *дѣтей боярскихъ*, *люди градскіе*, граждане, *гости*; они имѣли свою собственность недвижимую. Въ низшемъ классѣ состояли *черные люди* и *смерды* (крестьяне), неимѣвшіе ни земли, ни собственныхъ домовъ, однакожь лично свободные; наконецъ *холопы*, крѣпостные люди: это были плѣнники, или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу. Всѣ вообще сословія вполнѣ

зависѣли отъ своего Государя и были обязаны ему безотчетнымъ повиновеніемъ. Одни бояре могли переходить отъ Князя къ Князю, но въ такомъ случаѣ теряли свои помѣстья. Монголы не имѣли прямого вліянія на развитіе гражданскихъ понятій нашихъ: ибо не могли передать намъ ничего новаго. Замѣтно однакожь, что при нихъ власть Князей въ отношеніи къ подданнымъ усилилась болѣе прежняго: до Монголовъ неоднократно встрѣчаются вѣча, или народныя собранія въ Ростовѣ, Владимірѣ, Кіевѣ; при Монголахъ вѣча вездѣ замолкли, исключая Новгорода и Пскова. Все стало покорствовать безъ всякаго условія Великому Князю: въ немъ одномъ видѣли избавителя отъ тяжкаго рабства; ему готовы были жертвовать и имуществомъ и жизнью.

Прямое, непосредственное вліяніе ига обнару- Сборъ по-
датель.
жилось въ государственномъ управленіи, относительно къ двумъ главнымъ предметамъ, сбору податей и суду. До Монголовъ финансовая система наша имѣла самыя простыя основанія; внутреннее устройство не требовало отъ Государя значительныхъ издержекъ: заведеній общественныхъ не было; судьи получали пошлины съ вершенихъ дѣлъ; люди ратные содержали себя сами; въ награду за усердіе или за отличные подвиги, Князь раздавалъ добычу, земли; а чаще всего угощалъ своихъ сподвижниковъ роскошными пирами. Государственные

расходы ограничивались издержками на содержаніе Князя, его семейства и двора. Для покрытія ихъ, онъ имѣлъ свои княжескія села, съ коихъ получалъ доходы естественными произведеніями, подобно всѣмъ поземельнымъ владѣльцамъ; имѣлъ свои заповѣдныя лѣса, рыбныя ловли; сверхъ того въ извѣстное время года объѣзжалъ свой удѣлъ и собиралъ дань натурою, по мѣрѣ возможности, и едва ли въ определенномъ количествѣ, хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, живностію; наконецъ съ тяжёбныхъ и уголовныхъ дѣлъ обвиненный судомъ платилъ виру или пеню въ казну княжескую. При такой ограниченности государственныхъ расходовъ, владѣльцы поземельные и люди житые жертвовали Князю только избыткомъ своего достоянія; промышленность сельская и городская имѣла путь свободный, не встрѣчая заставъ между отдѣльными княжествами; наконецъ не было большой необходимости въ звонкой монетѣ: предки наши знали цѣну серебра и золота, охотно брали то и другое отъ Грековъ и Нѣмцевъ, для удобнѣйшей покупки чужеземныхъ товаровъ; но въ домашнемъ быту не встрѣчали въ дорогихъ металахъ особенной надобности, и обыкновенною ходячею монетою была мягкая рухлядь, подъ названіемъ кунъ, бѣлокъ и проч.

Монголы ввели новую, дотою неизвѣстную намъ финансовую систему: покоривъ Русь и всѣми си-

лами удерживая надъ нею господство, преимущественно изъ корысти, они требовали съ насъ дани. Сборъ дани въ первые годы нашего рабства было ничто иное, какъ грабежъ. Ханы присылали своихъ баскаковъ съ войскомъ брать все, что можно было взять, или отдавали Русскія княжества въ откупъ Хивинцамъ, Бухарцамъ, Армянамъ, Жидамъ, которые также приходили съ вооруженными отрядами и собирали десятину поголовно. Въ послѣдствіи, когда это смягчилось, въ XIV столѣтіи Князья Московскіе приняли на себя доставлять Ханамъ *ордынскій выходъ*. Количество его опредѣлительно неизвѣстно: Дмитрій Донской вносилъ 5000 руб. тогдашнихъ на свою долю; прочіе Князья по соразмѣрности. Надлежало изыскивать всѣ средства къ удовлетворенію корыстолюбія орды: кромѣ выхода, Князья Московскіе должны были доставлять Ханамъ, женамъ ихъ, мурзамъ, богатые подарки и притомъ гораздо болѣе другихъ Князей, своихъ соперниковъ: ибо только дарами они могли поддержать свое право на первенство. Для покрытія столь тягостной повинности, введены были разнообразныя налоги, отчасти съ Татарскими названіями: со всѣхъ произведеній сельской и городской промышленности взималась пошлина въ разныхъ видахъ, за провозъ, за складку, за мѣру, за вѣсъ, за куплю, за продажу; съ дворовъ, лавокъ, съ земель, съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ, со всего

сбирали подать. Однимъ словомъ Русскій не могъ ни купить, ни продать самаго ничтожнаго предмета промышленности безъ явки и безъ пошлины; для этой цѣли учреждены были заставы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, при всѣхъ перевозахъ: ихъ отдавали обыкновенно на откупъ. Металлическая монета, подъ Татарскимъ названіемъ *деньги* и *алтына*, нерѣдко съ Татарскимъ клеймомъ, замѣнила прежнюю мѣну произведеній.

Легко вообразить, какъ много затрудняли эти налоги развитіе промышленности внутренней и внѣшней: въ самомъ дѣлѣ она какъ будто онемѣла. Кромѣ частаго опустошенія городовъ и селъ Монголами, самая безнадежность пользоваться плодами трудолюбія отнимала руки у земледѣльцевъ и у городскихъ промышленниковъ. Даже Великіе Князья (напр. Іоаннъ Калита), были бѣднѣе нынѣшнихъ зажиточныхъ дворянъ. Одинъ Новгородъ постоянно расширялъ кругъ своей торговой дѣятельности: отдаленный отъ Монголовъ, безопасный отъ ихъ вторженій, онъ находился въ тѣсной связи съ Нѣмецкими землями, былъ вторымъ въ числѣ городовъ, составлявшихъ ганзу, получалъ отъ нея товары Европейскіе, передавалъ ей произведенія востока и славился своими богатствами. Примѣру его слѣдовалъ отчасти и Псковъ. Но дѣвствующее состояніе этихъ городовъ не могло оживить внутреннія обла-

сти нашего отечества, гдѣ народъ, обремененный налогами, страдалъ въ бѣдности, а города знаменитые, Кіевъ, Черниговъ, лежали въ развалинахъ.

Тягость налога, падавшего на среднія и низшія сословія, влекла за собою не менѣе пагубныя слѣдствія въ другомъ отношеніи: народъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы облегчить злополучную участь; унижаясь предъ откупщиками, обманывая ихъ, привыкая къ разнымъ уловкамъ, свойственнымъ челоуку, угнетенному неволею, онъ утратилъ прежнюю благородную гордость и познакомился со многими пороками. Новый порядокъ суда и расправы былъ неизбѣженъ.

Судъ и расправа.

До Монголовъ, за самыя важныя преступленія виновный платилъ только своимъ имуществомъ, внося опредѣленную закономъ пеню; обвиняемый же въ преступленіи недоказанномъ былъ судимъ смотря по уликамъ или по свидѣтельству постороннихъ лицъ, и нерѣдко могъ оправдать себя присягою или судебнымъ поединкомъ. Тѣлесное наказаніе не было терпимо ни въ какомъ случаѣ. Выраженіе *да будетъ мнѣ стыдно*, служило порукою въ ненарушимости самыхъ священныхъ обязательствъ. Монголы ввели свою расправу: требуя дани, они выводили должниковъ на *правезъ*, сѣкли кнотомъ, пытали, казнили смертію, чтобы страхомъ муки

получить то, чего хотѣли. Правда, они не вмѣшивались въ судъ гражданскій; но какъ съ одной стороны, при тяжкомъ наказаніи должниковъ, уголовные преступники не могли ожидать лучшей доли; съ другой же стороны, нравы народные закрубили и денежная пеня стала возмездіемъ недостаточнымъ: то расправа Татарская мало по малу введена была и въ дѣлахъ гражданскихъ. Со времени Донскаго уголовныхъ преступниковъ казнили уже смертію. Правежь, кнутъ, пытка, оставались долго памятниками владычества Монголовъ, доколѣ успѣхи образованности не смягчили нравовъ.

Дѣло ратное.

Наконецъ въ дѣлѣ ратномъ замѣтна также значительная перемена. Въ древнихъ походахъ на Грековъ, Печенѣговъ, Половцевъ, въ междоусобныхъ распряхъ, война постоянно была дѣломъ княжескихъ дружинъ: каждый Князь имѣлъ свою. Она состояла изъ бояръ, отроковъ, мечниковъ. Съ нею обыкновенно совѣтовался Князь о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу; она же была и главнымъ войскомъ его. Отправляясь въ походъ, Князь вооружалъ свою дружину топорами, саблями, мечами, стрѣлами, копьями, и присоединивъ къ ней на время войны нужное число воиновъ или ратниковъ изъ своихъ слугъ, иногда изъ купцовъ и градскихъ обывателей, рѣдко изъ земледѣльцевъ, составлялъ полкъ, раздѣлявшійся на

стрѣлковъ и копѣйщиковъ. Главный воевода полка именовался *тысяцкимъ*; впрочемъ рѣдкій Князь не самъ предводительствовалъ своею *ратью*. При звукѣ трубъ, вой собиравался около княжескаго *стяга* или знамени, и выступали въ походъ: за ними везли оружіе, которое войны разбирали предъ началомъ самой битвы. Впереди *сторожи* развѣдывали путь, добывали *языковъ*, искали *сажму* или слѣдъ непріятелей, стараясь узнать по оному о числѣ ихъ и направленіи. Встрѣтаясь съ врагами въ полѣ, союзные Князья *держали советъ* и устраивали полки: каждый занималъ опредѣленное мѣсто. Отрядъ стрѣлковъ начиналъ битву, пуская тучу стрѣлъ; потомъ вступали въ рукопашный бой: иногда хватались за руки и сѣклись мечами. Князь обыкновенно былъ впереди, съ копьемъ или топоромъ въ рукѣ, ободряя воиновъ словами и еще болѣе собственнымъ примѣромъ. Войско малочисленное ограждало себя *остякомъ* или тыномъ изъ колевъ съ насыпью. Участъ битвы обыкновенно зависѣла отъ смѣтливости Князей: обыкновенно одерживалъ побѣду тотъ, кто успѣвалъ зайти врагу въ тылъ и разстроить его нечаяннымъ ударомъ. Веселый пиръ и добыча были наградою побѣдоносной дружинѣ.

Подъ владычествомъ Монголовъ, военное искусство наше, не измѣняясь въ основѣ, въ общей идеѣ, мало по малу получило особенный характеръ,

отпечатокъ времени и обстоятельствъ. Главное войско состояло по прежнему въ княжеской дружинѣ или въ *дворѣ*; однако часто долженъ былъ вооружаться и весь народъ. Сверхъ того, при постоянномъ изнеможеніи, мы отвыкли встрѣчать враговъ въ открытомъ полѣ и болѣе любили воевать подъ защитою крѣпостей. Поголовное ополченіе и оборонительная война суть двѣ отличительныя черты ратнаго дѣла нашего при Монголахъ. Прибавимъ и третью: Норманны язычники ободряли себя въ битвахъ мыслию объ Одинѣ, о наслажденіяхъ въ Валгаллѣ; Руссы-христиане въ походахъ Половецкихъ призывали на помощь Пресвятую Богородицу, въ расприхъ междоусобныхъ мечтали о славѣ; при Татарахъ умирали съ единственною мыслию о терновомъ вѣнцѣ Христовомъ. Въ устройствѣ ратей, въ раздѣленіи и отчасти въ вооруженіи войскъ, въ самомъ образѣ войны, мы встрѣчаемъ многое, чего не видимъ въ древней Руси и что могло быть заимствовано отъ Монголовъ. По примѣру ихъ, мы раздѣляли свои рати на десятки, сотни и тысячи; движеніями ея управляли два или три воеводы, изъ коихъ одинъ былъ старшимъ; главное же, мы дѣйствовали исключительно конницею и притомъ вооружали весь народъ, такъ, что когда во всей Европѣ болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости войскъ постоянныхъ, мы, уже чуждые Европѣ, вступивъ въ сферу Азіатскихъ народовъ,

перенимали ратное дѣло у своихъ властителей; мало думали объ искусствѣ и славѣ: желали только сокрушить враговъ массою силъ и опустошить въ конецъ непріятельскую землю.

На языкъ и церковь Монголы не имѣли пряма- Языкъ.
го вліянія: исключая немногія слова, означавшія нѣкоторыя, неизвѣстные намъ до нихъ предметы ¹, языкъ Русскій не принялъ ни какихъ формъ Татарскихъ; сохранилъ свою чистоту, свою стройность и по прежнему служилъ единственнымъ средствомъ къ выраженію мыслей для всѣхъ сословій свѣтскихъ и духовныхъ, во всѣхъ случаяхъ жизни общественной и домашней. Несчастныя обстоятельства, въ коихъ находилась Русь подъ игомъ Монголовъ, не могли благоприятствовать успѣхамъ нашей словесности; при всемъ томъ языкъ сдѣлался обильнѣе словами и оборотами: Русскіе вполне чувствовали свое злополучіе, не могли утаить своей горести, говорили смѣло противъ Татаръ и для выраженія своей ненависти, своего злосчастія, старались быть краснорѣчивыми. Отъ того, сравнивая письменные памятники XII столѣтія съ памятниками XV вѣка, мы находимъ въ послѣднихъ болѣе точности, ясно-

1. Напримѣръ введены слова: алтынъ, аршинъ, аулъ, баваръ, балалайка, барышъ, башня, буеракъ, и другія немногія, изъ коихъ не болѣе 50 доселѣ сохранились въ языкѣ; другія начали имѣть съ владычествомъ Монголовъ.

сти, опредѣлительности; формы стали обильнѣе и разнообразнѣе.

Вѣра. Въ томъ же смыслѣ Монголы содѣйствовали развитію религіозныхъ понятій. Одна только вѣра, надежда на Бога, могла облегчить страданія народныя. Умы приняли религіозное направленіе; возникли многіе монастыри, въ послѣдствіи знаменитые¹; Московскіе митрополиты стали дѣятельно участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, поддерживая самодержавіе и, не взирая на дарованныя Ханами льготы, благословляли Князей и народъ на борьбу съ злодѣями земли Русской. Это религіозное направленіе однакожъ не было фанатизмомъ: всегда благоразумные въ дѣлахъ вѣры, предки наши чуждались только нововведеній, крѣпко держась старины. И догматы и обряды церкви остались неприкосновенными. Такимъ образомъ, давъ иное направленіе почти всѣмъ условіямъ жизни общественной, Монголы не измѣнили того, что служить залогомъ самобытности народной, ни языка, ни вѣры.

Болѣе перемѣнъ замѣчаемъ въ судьбѣ западной Руси: тамъ съ конца XIV вѣка обнаружилось Польское вліяніе.

1. Троицко-Сергіевскій; Валаамскій; Ипатьевскій; Чудовъ; Симоновъ; Савинъ; Вознесенскій Срътенскій; Кирилло-Белозерскій; Соловецкій и многіе другіе. Вообще съ 1240 по 1480 основано до 150 монастырей.

2. *Великое княжество Литовское.*

119. Домъ Гедимина въ одно столѣтіе присвоилъ Составъ его. себѣ цѣлую половину Руси Ярославовой и Мономаховой. Гедиминъ, наследовавъ отъ Витена Литву въ собственномъ смыслѣ, заключавшуюся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи, присоединилъ къ ней сначала Кривскія княжества Полоцкое, Микское, Витебское, частию посредствомъ родственныхъ связей, частию силою оружія. Здѣсь онъ нашелъ средства безъ труда овладѣть югозападною Русью или княжествами Черниговскимъ, Киевскимъ и Волынскимъ. Однѣ области достались ему также по родственнымъ связямъ; другія по праву завоеванія: Князей онъ сокрушалъ оружіемъ; народъ склонялъ на свою сторону надеждою на свободу отъ ига Монгольскаго. Сынъ его Олгердъ вытѣснилъ мелкія орды Монгольскія изъ Подоліи и раздвинулъ предѣлы своего государства до устья Днѣпровскаго. Витодъ наконецъ овладѣлъ Смоленскомъ. Соединенныя такимъ образомъ Русскія земли получили названіе Литовскаго княжества. Въ половинѣ XV вѣка оно простиралось на сѣверъ до Динабурга, Великихъ Лукъ и Вязьмы; на востокъ до Калуги, Курска и Ворсклы; на югъ до устья Днѣпровскаго; на западъ до Люблина, Дрогичина и Ковна.

Въ составъ Литовскаго княжества вошли слѣдующія земли:

I. *Литовскія* въ собственномъ смыслѣ: 1) *Литва*, восточная часть нынѣшней Виленской губерніи, раздѣлявшаяся на воеводства Виленское и Троцкое; 2) *Жмудь* или *Шаманте* (Самогичія), западная часть Виленской губерніи, нынѣ уѣзды Россіенскій, Шавальскій и Тельшевскій. Въ Литвѣ и Жмуди обитали коренные Литовцы, крещенные при Ягеллѣ въ Римско-католическую вѣру; но объ эти страны не составляли и 12 части великаго княжества; въ прочихъ 11 частяхъ обиталъ Русскій народъ.

II. *Русскія земли*: 1) *Бѣлая Русь*, княжества Полоцкое, Минское, Витебское, Смоленское, Мстиславское; 2) *Черная Русь*, воеводства Новогородское, Слонимское, Волковское, Слуцкое; 3) *Польша*, воеводства Брестское, Пинское; 4) *Подляхія* (нынѣ часть Бѣлостокской области), страна древнихъ Ятвяговъ съ Русскими городами Бѣльскомъ и Дрогичиномъ; 5) *Вольша*, воеводства Лудское, Владимірское, Кременецкое; 6) *Подолія*, воеводства Каменецкое, Летичевское; 7) *Україна*, воеводства Кіевское, Черниговское и Новгородъ-сѣверское.

Заключая въ предѣлахъ своихъ преимущественно Русскія земли, Литовское княжество, до вступленія Ягелла на Польскій престолъ, представляло такой же союзъ княжествъ, какой мы видѣли въ восточной Руси. Тамъ были Князья частью изъ рода

Гедимины, частію изъ рода Владиміра св. Поко-
лѣніе Гедимины было господствующимъ и находи-
лось въ тѣхъ же отношеніяхъ къ княжескимъ
отраслямъ изъ рода Владиміра св., къ Князьямъ
Мстиславскимъ, Воротынскимъ, Одоевскимъ, Брян-
скимъ, Трубчевскимъ, въ какихъ былъ домъ Ка-
литы къ Князьямъ Тверскимъ, Рязанскимъ, Ростов-
скимъ, Ярославскимъ. Великій Князь Литовскій
стремился къ неограниченному, самодержавному гос-
подству надъ всею западною Русью и утверждалъ
первенство въ своемъ семействѣ, устраняя какъ
боковыя отрасли своего дома, такъ и другія вла-
дѣтельныя поколѣнія¹. Одни изъ удѣльныхъ Кня-
зей безпрекословно признавали его своимъ Госуда-
ремъ, удерживая впрочемъ наследственное право
на извѣстные города²; другіе спорили съ нимъ
за самостоятельность, заключали договоры, раз-
рывали ихъ и въ случаѣ неудачи дружились съ
Государями Московскими³, такъ точно, какъ не-
пріятели потомковъ Іоанна Калиты искали помощи
у Литовскихъ Государей. Однимъ словомъ здѣсь
повторялась исторія Москвы, съ тѣмъ однако важ-
нымъ разлечіемъ, что въ распри Князей Литовскихъ
не вмѣшивались Монголы, утратившіе право гос-

1. Гедиминъ передалъ верховную власть своимъ дѣтямъ; Олегръ своимъ,
устранивъ братьевъ и племянниковъ. Ягелло тоже.

2. Таковы были Князья Одоевскіе, Трубчевскіе, Карачевскіе, Острож-
скіе, Слуцкіе, Друцкіе.

3. Олегръ спорилъ съ братьями, Витолдъ и Святригаило съ Ягеллою.

подства надъ югозападною Русью уже со времени Олгерда. Легко понять, что при такомъ ходѣ событій, Литовское княжество, представляя систему Русскихъ княжествъ, выражало всѣ условія Русской жизни, тѣмъ болѣе, что дѣти и внуки Гедимина исповѣдывали христіанскую вѣру по Греческому закону.

Вліяніе
Польши.

120. По вступленіи Ягелла на Польскій престолъ, дѣла приняли иной оборотъ. Не взирая на слабость союза Литовскаго княжества съ Польшею, на рѣшительное намѣреніе Князей и народа расторгнуть его, Поляки исподоволь успѣли ввести въ западную Русь гораздо болѣе новизнъ, несродныхъ Русскому народу, чѣмъ Монголы въ восточную, хотя первые были только союзниками и то менѣе 100 лѣтъ, а вторые властвовали безотчетно уже два вѣка. Польское вліяніе началось при Ягеллѣ, усилилось при его преемникахъ и въ половинѣ XV вѣка было замѣтно въ образѣ правленія, въ составѣ народныхъ сословій, въ правахъ и обязанностяхъ разныхъ классовъ, въ судѣ и расправѣ. Не надобно думать, что Поляки въ XIV и XV *своѣмъ* далеко превосходили Русскихъ успѣхами гражданственности: Русская жизнь, развившись изъ собственныхъ началъ, имѣла многія выгоды предъ Польскою, выражая во всемъ, если не зрѣлость уставовъ, по крайней мѣрѣ согласіе элементовъ своихъ. Виною

Польскаго вліянія на западную Русь были иныя обстоятельства. Болѣе всего содѣйствовалъ тому самъ Ягелло: чтобы получить руку прекрасной Ядвиги, онъ обѣщаль Полякамъ соединить великое княжество съ королевствомъ въ одно государство, не опредѣливъ впрочемъ условій соединенія. Но какъ въ слѣдъ за тѣмъ Витолдъ присвоилъ верховную власть въ Литовскомъ княжествѣ и обнаружилъ рѣшительное намѣреніе утвердить его самостоятельность; то Ягелло, въ надеждѣ разрушить замыслы соперника, на Городельскомъ сеймѣ издалъ постановленіе, коимъ Литовское дворянство уравнено съ Польскимъ во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ: оно получило право собираться на сеймы, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ; неограниченную власть въ своихъ помѣстьяхъ; гербы, званія по образцу Польскому. Послѣ того Ягелло царствовалъ еще двадцать лѣтъ и во все время продолжительнаго царствованія своего неутомимо заботился о тѣсномъ союзѣ обоихъ народовъ уравненіемъ ихъ во всѣхъ правахъ, считая это средство единственнымъ способомъ удержать за своимъ потомствомъ наследственное государство. Такимъ образомъ уже при немъ въ Литовскомъ княжествѣ установились сеймы; появились могущественные магнаты; возникла шляхта или мелкопомѣстное дворянство; многіе города получили такъ называемое Магдебургское право; государство раздѣлилось на воеводства и

повѣты; воеводы, каштеляны, старосты, земскіе судьи замѣнили прежнихъ намѣстниковъ, посадниковъ, волостелей и тиуновъ. Все это влекло за собою многія перемѣны въ образѣ внутренняго управленія, въ судѣ и расправѣ, въ оборѣ податей, въ дѣлѣ ратномъ, наконецъ въ нравахъ и обыкновеніяхъ. Польскій аристократизмъ обнаружился въ Литовскомъ княжествѣ, и сынъ Ягелла, Казимиръ, уже долженъ былъ угожать сеймамъ.

Языкъ. 121. Впрочемъ, около половины XV вѣка, Польскія формы еще не успѣли совершенно вытѣснить Русскія: Литовское княжество удержало свои гражданскіе законы, свою монету; спасло и главные элементы народности, языкъ и вѣру. При Виленскомъ дворѣ, въ высшемъ обществѣ, въ судопроизводствѣ, въ богослуженіи, господствующимъ языкомъ былъ Русскій. Правда, при недостаткѣ твердыхъ, положительныхъ правилъ, онъ уже началъ принимать Польскія слова, отчасти самые обороты; но какъ для тѣхъ и другихъ находились равносильныя слова и обороты въ Русскомъ языкѣ, то онъ безъ труда могъ освободиться отъ несродныхъ ему довизнъ подъ перомъ искуснаго писателя¹.

1. Въ актахъ Князей Литовскихъ XV вѣка, писанныхъ обыкновенно по Русски, встрѣчаются слѣдующія слова: *предкое предки; шлода вредъ; абрагло чтобы имъ, кажалъ приказалъ; s'Вильны изъ Вильны; жаски*

122. Вѣра же православная сохранилась во всей чистотѣ ея первобытной. Напрасно Ягелло, по внушенію Римскаго двора или Польскаго духовенства, думалъ насильственными мѣрами поколебать православіе, запрещая браки католиковъ съ не-католиками, не дозволяя послѣдователямъ Грекороссійской церкви занимать государственныя должности, покровительствуя приверженцевъ Римскаго закона: старанія его были безуспѣшны и только раждали неприязнь между обоими народами; въ Литовскомъ княжествѣ неоднократно обнаруживалось всеобщее желаніе разорвать тягостный союзъ съ Польшею. Преемники Ягелла, прекративъ гоненіе за вѣру, руководствовались до конца XV вѣка благоразумною терпимостію, окружали себя вельможами Греческаго закона и нѣсколько разъ подтверждали права, дарованныя православному духовенству Ярославомъ I и другими Князьями изъ дома Владиміра св. Самое отдѣленіе Кіевской митрополи отъ Московской, бывшее слѣдствіемъ не религіознаго раскола, а политики Витолда, не имѣло вреднаго вліянія на православіе. Кіевскій митрополитъ, по примѣру Московскаго, относился въ дѣлахъ церковныхъ не къ папѣ, а къ Царяградско-

Вѣра.

имѣть; за дѣла нашего при дѣдѣ нашихъ; тамъ речею тѣмъ рѣчамъ. Такія новизны безъ сомнѣнія не могли намѣнить основнаго характера языка; притомъ же онѣ встрѣчаются ирѣдка, и всѣ бумаги Литовскія XV вѣка легко можетъ понимать каждый незнающій по Польски.

му патриарху. Догматы вѣры и обряды церкви остались неприкосновенными.

Соборъ Флорентійскій.

Въ первой половинѣ XV вѣка опасность инаго рода угрожала Грекороссійской церкви въ Литовскомъ княжествѣ; вскорѣ однакожь и она миновала, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ: то было такъ называемое Флорентійское Соединеніе, снова доказавшее непоколебимость Русскихъ въ православіи. Императоръ Византійскій Іоаннъ Палеологъ, утративъ почти всѣ области своей имперіи, завоеванныя Турецкимъ Султаномъ Амуратомъ, и опасаясь вскорѣ потерять самую столицу, рѣшился искать помощи у западныхъ вѣдценосцевъ. Папа Евгений IV обѣщала ему воздвигнуть всю Европу противъ Турокъ, если Греческое духовенство согласится съ Римскимъ на соединеніе восточной церкви съ западною. Императоръ, доведенный до крайности, принялъ вызовъ папы; положено было созвать въ Италіи соборъ для разсмотрѣнія главныхъ пунктовъ раскола. Сначала онъ открылся въ Феррарѣ, куда собрались знатнѣйшія духовныя особы Греческія и Римскія; въ числѣ первыхъ былъ и Московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ изъ Фессалоники, снискавшій дружбу папы еще до посвященія своего въ санъ Россійскаго іерарха. Ученые богословы съ той и другой стороны 15 разъ сходились для рѣшенія четырехъ главныхъ

вопросовъ: 1) о происхожденіи св. духа; 2) о чистилищѣ; 3) о просфорахъ; 4) о первенствѣ папы. Ефесскій митрополитъ Марко, мужъ ученый и непоколебимый, обличивъ ясными доводами заблужденія Латинскихъ ееологовъ, удерживалъ Императора отъ согласія на соединеніе. Соборъ перенесенъ во Флоренцію: здѣсь, вопреки всѣмъ усиліямъ Марка, Греческіе святители, отчасти обольщаемые надеждою спасти имперію помощію папы, отчасти принуждаемые угрозами, силою, томимые голодомъ, уступили Латинскимъ и признали первенство папы, о чемъ Римскій дворъ болѣе всего заботился.

1432.

Папа и Императоръ равно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: вся Греція изъявила громкій ропотъ противъ Флорентійскаго Соединенія; весьма не многіе согласились признать папу главою христіанства; народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ слышалъ имя его. Усердіе къ защитѣ имперіи уступило мѣсто богословскимъ преніямъ, которыя кончились тѣмъ, что папа былъ отверженъ, а Константинополь взятъ Магометомъ II, успѣвшимъ воспользоваться несогласіями Грековъ. Еще менѣе успѣха видѣлъ папа въ Русской землѣ. Исидоръ, подписавшій постановленіе Флорентійскаго собора, едва появился въ Москвѣ и произнесъ на литургіи имя папы, Великій Князь Василій Васильевичъ Темный торже-

ственно уличилъ его въ ереси и предалъ суду духовному и свѣтскому. Обвиненный въ предательствѣ вѣры изъ личныхъ выгодъ корыстолюбія, онъ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда тайно бѣжалъ въ Римъ и умеръ тамъ въ санѣ кардинала. Евгеній надѣялся, по крайней мѣрѣ, утвердить свою власть въ Литовскомъ княжествѣ: въ самомъ дѣлѣ Исидоръ, самовольно принявъ званіе патріарха, успѣлъ, при содѣйствіи Казимира, возвести на Кіевскую митрополию ученика своего Григорія Болгарина, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшаго изъ Москвы; но Григорій былъ единственный митрополитъ западной Руси, признававшій власть папскую; по смерти его, въ теченіе 150 лѣтъ всѣ Кіевскіе митрополиты отвергали соборъ Флорентійскій, поддерживали православіе и искоренили слѣды Исидорова ученія.

Со временъ Витолда, Литовскіе митрополиты имѣли свое пребываніе преимущественно въ Вильнѣ, частію въ Новогродкѣ, рѣдко въ Кіевѣ, и завѣдывали православными епископами Полоцкимъ, Смоленскимъ, Черниговскимъ, Брянскимъ, Туровскимъ, Луцкимъ, Владимірскимъ, Хелмскимъ, Галицкимъ. Грекороссійское духовенство менѣе всѣхъ другихъ сословій получило выгодъ отъ союза Литовскаго княжества съ Польшею: Великіе Князья неоднократно старались уравнять его въ правахъ съ Ла-

тинскимъ духовенствомъ и нѣсколько разъ торжественно обѣщали дать митрополиту и епископамъ мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ; но по упорству Римскаго двора, эти обѣщанія никогда не были исполняемы, и Русское духовенство должно было терпѣть весьма многія неудобства.

Для малочисленныхъ послѣдователей Римскаго закона, появившихся въ западной Руси съ конца XIV вѣка, Ягелло учредилъ епископство въ Кіевѣ.

123. Въ заключеніе бросимъ взглядъ на состояніе Ливонскаго ордена отъ конца XIII вѣка до половины XV столѣтія: судьба его тѣсно связана съ исторіею Руси. Основанный Албрехтомъ Буксгевденомъ, подъ именемъ *Братства креста Господня*, для обращенія обитателей нынѣшней Лифляндіи въ христіанскую вѣру, Ливонскій орденъ, чрезъ 36 лѣтъ послѣ своего основанія, принужденъ былъ соединиться съ Тевтонскимъ орденомъ, утвердившимся съ тою же цѣлію въ началѣ XIII вѣка въ Пруссіи, и вскорѣ овладѣлъ всею Лифляндіею, Эстляндіею и Курляндіею. Гермейстеры его были назначаемы или утверждаемы гротмейстерами Тевтонскими; впрочемъ орденъ дѣйствовалъ самостоятельно. Верховная власть по дѣламъ свѣтскимъ и духовнымъ около ста лѣтъ сосредоточивалась въ лицѣ Рижскаго епископа, возведеннаго папою въ

Орденъ Ливонскій.

1255 году въ достоинство архіепископа : онъ имѣлъ право мира и войны, суда и расправы; раздавалъ земли и помѣстья; вообще былъ главою ордена. Въ концѣ XIII вѣка власть его стала ослабѣвать : города, слѣдуя примѣру ганзейскихъ городовъ, хотѣли быть независимы въ дѣлахъ внутренняго управленія; владѣльцы поземельные, получившіе отъ архіепископа помѣстья на правѣ вассаловъ, утверждали ихъ за своимъ потомствомъ и составляли многочисленное сословіе феодальнаго дворянства; гермейстеръ наконецъ стремился къ верховному, исключительному господству надъ всею Ливоніею и старался исхитить оное изъ рукъ архіепископа силою оружія. Явная вражда партій обнаружилась въ началѣ XIV вѣка и прекратилась только съ паденіемъ ордена въ половинѣ XVI вѣка. Главными соперниками были архіепископъ и гермейстеръ; перваго поддерживали города, въ особенности Рига; второй имѣлъ на своей сторонѣ орденъ, усилившійся особенно съ тѣхъ поръ, когда Король Датскій уступилъ ему Эстляндію, утраченную въ половинѣ XIII вѣка. Междоусобія нерѣдко доходили до ожесточенія; вѣсколько разъ рыцари брали Ригу приступомъ. Въ слѣдствіе непримиримыхъ распрей и рѣшительнаго стремленія разныхъ властей къ самостоятельности, Ливонія къ концу XV вѣка раздѣлилась на весьма многія небольшія области, изъ коихъ однѣ принадлежали духовнымъ владѣтелямъ;

архіепископу Рижскому и епископамъ Дерптскому, Эзельскому, Курляндскому, Ревельскому; другія ордену, т. е. гермейстеру, маршалу, командорамъ, бальи и рыцарямъ; третьи свѣтскому дворянству; четвертыя городамъ. Отъ архіепископа зависѣли 16 городовъ и замковъ, отъ ордена до 50. Столицею гермейстера былъ Венденъ. Города находились въ цвѣтущемъ состояніи и вели обширную торговлю съ ганзою; владѣльцы ихъ имѣли огромныя богатства и большею частію утопали въ роскоши. Связь Ливонскаго ордена съ Тевтонскимъ была весьма слабая, особенно съ тѣхъ поръ, когда гротмейстеръ принужденъ былъ уступить Польшѣ значительную часть орденскихъ владѣній, и признать себя вассаломъ Короля Польскаго.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

	Стр.
I. Отчужденная Исторія въ смыслъ Науки.	5
Цѣль ея и предметъ	5
Значеніе Русской Исторіи въ кругъ Наукъ общественнаго образованія.	6
Средства къ изученію ея: изслѣдованіе источниковъ	8
Необходимость наблюдать связь событій	11
II. Очеркъ Русской Исторіи.	12
Эпохи Русской Исторіи: основаніе Руси	12
Раздѣленіе Руси	14
Покореніе Руси Монголами	14
Раздѣленіе Руси на восточную и западную	15
Московское государство	16
В. княжество Литовское.	17
Преобразованіе Московскаго государства въ Россійскую имперію.	19
Соединеніе Русскихъ земель въ одно цѣлое и органическое устройство ихъ	20
Періоды Русской Исторіи	21
III. Источники Древней Русской Исторіи	24
I) Сказанія современниковъ:	
а) Лѣтописи безыменныя	24
б) Записки людей извѣстныхъ	25
в) Преданія иностранцевъ	26
г) Наблюденія иностранцевъ	27
II) Акты государственныя.	31
III) Памятники словесности	33
IV) Источники неписанныя.	33
V) Изслѣдованія ученыхъ	33

ГЛАВА I.

ОСНОВАНИЕ РУСИ.

	Стр.
1. Славяне	37
Первое появление Славянъ въ Исторіи	37
Судьба Славянскаго племени	38
<i>Славяне южные въ борьбѣ съ Греками</i>	<i>39</i>
Правы ихъ	40
Борьба съ Волгарами и Аварами	42
Переселеніе въ среднюю Европу	43
<i>Славяне западные, подъ разными названіями</i>	<i>43</i>
<i>Славяне восточные</i>	<i>44</i>
Сосѣди ихъ: <i>Латыши</i>	<i>46</i>
<i>Финны</i>	<i>46</i>
<i>Хазары</i>	<i>46</i>
Покольніа и города восточныхъ Славянъ	47
2. Норманны	49
Очеркъ ихъ	49
Общественная жизнь Норманновъ	50
Морскіе походы на западную и южную Европу	52
Сношенія съ Славянами	54
Поселеніе Норманновъ въ Славянскую землю подъ именемъ Варяговъ	55
Начало Руси	56
Доказательства, что Варяги были Норманны:	
а) Свидѣтельство Нестора	57
б) Свидѣтельство языка	57
в) Ивѣстія иностранныхъ писателей	57
г) Характеръ Князей	58
Исследование вопроса, какъ утвердились Норманны въ землѣ Славянской	58
3. Начало Русскаго народа	60
Быстрое расширеніе Руси и причины тому	60
Образъ правленія, установленный Норманнами	62
Удѣльная система	64
Права Князя	65
Русь при Рюрикѣ	66
Расширеніе Руси при Олгѣ	68
Походъ на Византію	70
Письменный договоръ съ Греками	72
Искра обудываетъ итежи	73
Воюеть съ Греками	74
Печенѣги	74
Договоръ съ Греками	75

Мятежъ Древланъ	76
Олега устанавливаетъ начало гражданскаго порядка	77
Крещеніе ея	78
<i>Селтеслави</i>	79
Войны его: съ Хазарами	79
Съ Волгарами Дунайскими	80
Съ Печенѣгами	80
Съ Волгарами вторично	81
Съ Византійскимъ Императоремъ	82
Смерть его	84
<i>Междоусобіа Селтеславией</i>	84
Смерть Олега Древланскаго	84
Убіеніе Ярополка Кіевскаго	85
<i>Владиміръ лымкимъ, гроза сосѣдей</i>	85
<i>Сестольіе Руси въ 988 году: отношенія племенъ</i>	86
Удѣльное право	87
Право данн	88
Право личной и родовой мести	89
Опасности Руси	90
4. Введеніе христіанской вѣры	91
Вліаніе св. вѣры на судьбу народовъ	91
Крещеніе Руси, по сказанію Нестора	92
Главныя историческія обстоятельства	96
<i>Примѣны</i> быстрого распространенія св. вѣры въ Русской землѣ:	
а) Недостатокъ Мисіологіи	97
б) Благоуміе Греческихъ мисіонеромъ	98
в) Переводъ Библии на Славянскій языкъ	99
г) Примѣръ св. Ольги и ревность Владиміра	101
<i>Слѣдствія</i> введенія христіанской вѣры:	
а) Смягченіе нравовъ	103
б) Тѣсная связь съ образованною Греческою	103
в) Слія іе св. вѣры съ Русскою жизнью	104
г) Установленіе языка	106
Сравненіе Руси съ Европейскими государствами въ X вѣкѣ	107
5. Правленіе Ярослава I	107
Распри дѣтей Владиміра св. Святослава	107
Мстиславъ Тмутораканскій	111
<i>Ярославъ законодатель</i>	112
Датоты Новгородскія	113
Русская Правда	115
Господство св. вѣры	117
Іерархія	118
Отношенія Руск къ Скандинавамъ и къ сосѣднимъ народамъ	120

Связь съ Европейскими Государями	Стр. 123
Предѣлы Руси	123
Основанія удѣльнаго права	124

ГЛАВА II.

РАЗДРОБЛЕНИЕ РУСИ НА УДѢЛЬНЫЯ КНЯЖЕСТВА.

1. Удѣльная система	125
Судьба Руси по смерти Ярослава и очеркъ удѣльной системы	125
Удѣлы были неизбежны	127
Различіе удѣльной системы отъ феодальной, въ основаніяхъ	128
Въ сабдствіяхъ	131
Пространство удѣльнаго періода и главнѣйшія явленія его	133
2. Споры Князей за удѣлы	133
Завѣщаніе Ярослава	133
Источники распрій	135
Половцы	137
<i>Ярославъ I</i>	138
Вражда старшихъ поколѣній съ младшими	138
Междоусобія старшихъ поколѣній	139
Возобновленіе вражды старшихъ поколѣній съ младшими	140
<i>Всеволодъ I</i> : продолженіе несогласія съ младшими поколѣніями	140
<i>Святославъ II</i> : раздѣленіе Руси между внуками Ярослава	141
Начало наследственнаго права знѣстныхъ фамилій	142
Всеобщее междоусобіе Князей	143
Набѣги Половцевъ	144
Подъиги Владиміра Мономаха	145
3. Возвышеніе дома Владиміра Мономаха	146
Присвоеніе верховной власти <i>Мономахомъ</i>	146
Полтажа его	147
Господство Мономахова дома въ Русской землѣ	148
<i>Мстиславъ I</i> довершаетъ планы Мономаха	149
Паденіе дома Князей Полоцкихъ	150
Зависимость другихъ Князей отъ Мстислава	150
4. Споры Князей за первенство	151
Причины паденія Мономахова дома	151
<i>Ярополкъ II</i> , междоусобія въ родѣ Мономаховыхъ	152
Вражда Ольговичей	154
<i>Всеволодъ II</i> , борьба Ольговичей съ домомъ Мономаха	154
<i>Ярославъ II</i> , въ непрерывной борьбѣ съ Ольговичами	156
Споры его съ дядями	159

	Стр.
Владиміръ Галицкій	160
Юрій Долгорукій, паденіе Кіевскаго престола и дома Мономахова	161
5. Раздробленіе Руси на княжества итавльскія	162
Стремленіе къ самостоятельности	162
Характеръ Исторіи	162
Главныя поколѣнія	163
Князь Полодкіе	164
К. Галицкіе	164
К. Черниговскіе	166
К. Сѣверскіе	167
К. Рязанскіе и Пронскіе	168
К. Волынскіе	169
К. Смоленскіе	169
К. Судальскіе	170
Княжество Новгородское	172
Внутреннее устройство его	175
6. Русь въ началѣ XIII столѣтія	177
Главныя основанія единства Руси	177
Языкъ	178
Вѣра	179
Господство одного дома	179
Мысль о единомудравіи	180
Гражданское устройство	181
Церковное устройство	182
Элементы Руси	182
Общественіе	184
Словесность	188

ГЛАВА III.

РАЗДѢЛЕНІЕ РУСИ НА ВОСТОЧНУЮ И ЗАПАДНУЮ ПОДЪ ИТОМЪ МОНГОЛОВЪ.

1. Покореніе Руси Монголами	190
Судьба Руси въ половинѣ XIII вѣка	190
Монголы	191
Чингисханъ	192
Битва на Калкѣ	193
Оготай	195

	Стр.
Нашествіе Батмы	196
Опустошеніе восточной Руси	197
Опустошеніе западной Руси	198
Батый на берегахъ Волги	199
Золотая Орда	201
Главные черты ига	203
Монгольскій періодъ	207
2. Русь восточная	207
Подданство Руси	207
Раздѣленіе Руси на восточную и западную	208
Политика <i>Дрслана</i> Всеволодовича и <i>Александра Невскаго</i>	209
Распри дѣтей <i>Александра Невскаго</i> , <i>Дмитрія</i> и <i>Андрея</i>	211
Вражда Тверскихъ Князей съ Московскими	213
Враги западные	216
Политика иагъ	217
Швеція	218
Меченосцы	221
Литва	224
3. Русь западная	228
Даніиль Галицкій	228
Подданство его Монголамъ	229
Тщетыя усилія свергнуть его	230
Преслѣнныя Даніиломъ	231
Отношенія иаъ къ Литвѣ	232
Мядоуогъ	232
Воншелгъ	233
Шварцъ господствуетъ въ Литвѣ	233
Тройденъ и Витольдъ	234
4. Русь въ началѣ XIV вѣка	234
Предѣлы Руси	234
Русь восточная: княжество Московское	236
К. Суздальское и Нижегородское	236
К. Тверское	237
Второстепенныя княжества	237
Новгородское и Псковское княжества	238
Русь югозападная: королевство Галицкое	239
Русь сѣверопадная	240
Политика Князей	241
Золотая Орда	243

ГЛАВА IV.

МОСКВА И ЛИТВА.

	<i>Стр.</i>
1. Великое княжество Московское	245
Переходъ къ лучшему	245
Москва	246
Иоаннъ Калита	247
Власть Великаго Князя	248
Политика Иоанна	250
Средства его	251
Вліяніе нитрополята Московскаго	252
Симеонъ Гордый поддерживаетъ систему отцовскую	253
Иоаннъ II, бояре и нитрополята спасаютъ доль Калиты	254
Дмитрій Суздальскій	255
Дмитрій Донской	255
Потрясеніе удальной системы	256
Олгердь	257
Борьба съ Ордою	258
Неустройства Ордынскія	259
Мамай	260
Вожская побѣда	261
Битва Куликовская	261
Тохтамышъ	262
Слѣдствія Куликовской побѣды	263
Новгородъ	263
Престолонасліе	264
Василій I	266
Новое потрясеніе удальной системы	267
Отиоръ Литвъ	268
Политика съ Ордою	269
Василій II, торжествуетъ въ борьбѣ съ дядею и двоюродными братьями	273
2. Великое княжество Литовское	277
Обозрѣніе	277
Отношенія Литвы къ Руси	278
Гедиминъ, основатель Литовско-Русскаго княжества	281
Судьба Галиціи	284
Олгердь	283
Войны его съ Мечемосцами, съ Монголами и Москвою	286
Ясело	290
Отношенія Литовскаго княжества къ Московскому	291
Сближеніе съ Польшею	292

	<i>Стр.</i>
<i>Состояние Польши до 1386 года</i>	292
<i>Лехи</i>	293
<i>Мечислав I</i>	293
<i>Волеслав Храбрый</i>	294
<i>Польское королевство</i>	295
<i>Раздробление его на доки Цяца</i>	295
<i>Самостоятельными князьями</i>	296
<i>Польская аристократия</i>	297
<i>Влияние Римского двора</i>	297
<i>Вельянки иноземные</i>	298
<i>Всобщее разногласие коренных условий общественнымъ</i>	298
<i>Казимир Великий</i>	300
<i>Избрание Людовика Венгерскаго</i>	301
<i>Восшествіе Ядвиги на Польскій престолъ</i>	301
<i>Крещеніе Литвы</i>	303
<i>Выходъ господствовать независимо отъ Ягеллы</i>	304
<i>Киевская метрополія</i>	306
<i>Сенгисайло, самостоятельный Князь Литовскій</i>	307
<i>Казимир I, подтверждаетъ отдѣленіе Литовскаго Княжества отъ Польши</i>	308
<i>Александръ</i>	309
3. Русь въ половинѣ XV вѣка	310
<i>Государство Московское. Составъ его</i>	310
<i>Удѣлы въ Московскомъ княжествѣ</i>	313
<i>Княжество Тверское</i>	314
<i>К. Рязанское</i>	314
<i>К. Новгородское и Псковское</i>	314
<i>Отношенія Князей</i>	316
<i>Состояніе ордъ Кипчакской</i>	318
<i>Тамерланъ</i>	319
<i>Вражда Чингизидовъ съ Тимуридами</i>	320
<i>Раздробленіе Кипчакской орды: орда Большая</i>	320
<i>Крымская орда</i>	320
<i>Царство Кавказское</i>	321
<i>Политика Московскихъ Князей</i>	322
<i>Слѣдствія ига</i>	323
a) <i>Право верховной власти</i>	325
b) <i>Сословія вродныхъ</i>	326
c) <i>Сборъ податей</i>	327
d) <i>Судъ и расправа</i>	331
e) <i>Дѣло рязанское</i>	332
f) <i>Ямскъ</i>	335
g) <i>Вѣра</i>	336
<i>Великое княжество Литовское. Составъ его</i>	337

	<i>Стр.</i>
Литовскія и Русскія земли	338
Состояніе ихъ до союза съ Польшею	338
Начало Польскаго владычя	340
Перехъна многихъ формъ	341
Господство Русскаго языка	342
Тщетныя усилія нами подчинить себя Греко-русскійскую церковь:	
Соборъ Флорентійскій	344
Виленская епитропія	346
Состояніе Ливонскаго ордена	347

